

ISSN 3034-6827

Современная гуманитаристика

Научный журнал

Modern humanities

Scientific journal

Хальхи гуманитаристика

Ўслаләх журналё

Т. 1. № 4
2025

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Современная гуманитаристика

2025. Том 1. № 4

Научный журнал

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики

Адрес редакции и издателя:

428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

Издается с 2025 г.

Выходит 4 раза в год

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovyemyennaya-gumanitaristika.html>

НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА

5.6. *Исторические науки*

5.6.1. Отечественная история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.9. *Филология*

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10. *Искусствоведение и культурология*

5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство; театральное искусство;
изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Осуществляется научное рецензирование всех
поступающих в редакцию материалов

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редакцией

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2025

Главный редактор

Исаев Юрий Николаевич — директор ЧГИГН, д-р филол. наук, доц.

Заместитель главного редактора

Кириллова Ирина Юрьевна — зам. директора по науке
и развитию ЧГИГН, канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор

Леонтьев Алексей Петрович — стар. науч. сотрудник ЧГИГН, канд. ист. наук

Редакционный совет

Аврутина Аполлинария Сергеевна — д-р филол. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Бикбулатова Аниса Рифовна — д-р ист. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Грибов Николай Николаевич — д-р ист. наук (Москва, Россия)
Заяц Сергей Михайлович — д-р филол. наук (Тирасполь, Приднестровье)
Зенкин Константин Владимирович — д-р иск. (Москва, Россия)
Напольнова Елена Марковна — д-р филол. наук (Москва, Россия)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)

Редакционная коллегия

Абукаева Любовь Алексеевна — д-р филол. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Бойко Иван Иванович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Выборнов Александр Алексеевич — д-р ист. наук (Самара, Россия)
Давлетшина Лейла Хасановна — д-р филол. наук (Казань, Россия)
Иванов Алексей Ананьевич — д-р ист. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Иванов Виталий Петрович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Иванова Алена Михайловна — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Исхаков Радик Равильевич — д-р ист. наук (Казань, Россия)
Кондратьев Михаил Григорьевич — д-р иск. (Чебоксары, Россия)
Краюшкина Татьяна Владимировна — д-р филол. наук (Владивосток, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна — д-р иск. (Ижевск, Россия)
Родионов Виталий Григорьевич — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Садиков Ранус Рафикович — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Салмин Антон Кириллович — д-р ист. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Сокаева Диана Вайнеровна — д-р филол. наук (Владикавказ, Россия)
Ставицкий Владимир Владимирович — д-р ист. наук (Пенза, Россия)
Султанова Рауза Рифкатовна — д-р иск. (Казань, Россия)
Сухарева Ирина Виталиевна — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — д-р филол. наук (Уфа, Россия)

Chuvash State Institute of Humanities

Modern humanities

2025. Vol. 1. No. 4

Scientific journal

ISSN 3034-6827

Founder:

Budgetary scientific institution of the Chuvash Republic
«Chuvash State Institute of Humanities»
The Ministry of Education of the Chuvash Republic

Editorial office address:

29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015

The journal is published since 2025

Published 4 times a year

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Website: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

SCIENTIFIC SPECIALTIES

5.6. *Historical sciences*

5.6.1. National history

5.6.3. Archaeology

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.9. *Philology*

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.4. Folklore studies

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics

5.10. *Art history and cultural studies*

5.10.3. Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture)

Scientific review of all materials submitted to the editorial board is carried out

The opinion of the editorial board does not always coincide
with the author's point of view

Reprinting of materials published in the journal is allowed only by agreement
with the editorial board

Editor-in-Chief

Isaev Yuri Nikolaevich — Director of Chuvash State Institute of Humanities,
D.Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Kirillova Irina Yuryevna — Deputy Director for Science and Development
of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Editor

Leontiev Alexey Petrovich — Chuvash State Institute of Humanities,
Cand. Sc. (History), Senior Researcher

Editorial board

Avrutina Apollinaria Sergeevna — D.Sc. (Philology) (St. Petersburg, Russia)

Bikbulatova Anisa Rifovna — D.Sc. (History) (Bishkek, Kyrgyzstan)

Gribov Nikolay Nikolaevich — D.Sc. (History) (Moscow, Russia)

Zayats Sergey Mikhailovich — D.Sc. (Philology) (Tiraspol, Transnistria)

Zenkin Konstantin Vladimirovich — Doctor of Arts (Moscow, Russia)

Napolnova Elena Markovna — D.Sc. (Philology) (Moscow, Russia)

Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna — D.Sc. (Philology) (Almaty, Kazakhstan)

Members of editorial board

Abukaeva Lyubov Alekseevna — D.Sc. (Philology) (Yoshkar-Ola, Russia)

Boiko Ivan Ivanovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Vybornov Alexander Alekseevich — D.Sc. (History) (Samara, Russia)

Davletshina Leila Hasanovna — D.Sc. (Philology) (Kazan, Russia)

Ivanov Alexey Ananyevich — D.Sc. (History) (Yoshkar-Ola, Russia)

Ivanov Vitaly Petrovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Ivanova Alena Mikhailovna — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Iskhakov Radik Ravilievich — D.Sc. (History) (Kazan, Russia)

Kondratev Mikhail Grigorievich — Doctor of Arts (Cheboksary, Russia)

Krayushkina Tatiana Vladimirovna — D.Sc. (Philology) (Vladivostok, Russia)

Nurieva Irina Murtazovna — Doctor of Arts (Izhevsk, Russia)

Rodionov Vitaly Grigorievich — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Sadikov Ranus Rafikovich — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Salmin Anton Kirillovich — D.Sc. (History) (St. Petersburg, Russia)

Sokaeva Diana Vainerina — D.Sc. (Philology) (Vladikavkaz, Russia)

Stavitsky Vladimir Vladimirovich — D.Sc. (History) (Penza, Russia)

Sultanova Rauza Rifkatovna — Doctor of Arts (Kazan, Russia)

Sukhareva Irina Vitalievna — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Yagafarova Gulnaz Nurfayezovna — D.Sc. (Philology) (Ufa, Russia)

Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлăхĕсен институчĕ

Хальхи гуманитаристика

2025. 1 том. 4 №

Ăслăлăх журналĕ

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Чăваш Республикин Вĕрентĕ министрствин
«Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлăхĕсен институчĕ»
Чăваш Республикин бюджет аслăлăх учрежденийĕ

Редакципе издатель адресĕ:

428015, Чăваш Республики, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.

2025 ç. тухса тăрать

Çулталăкра 4 хут тухать

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

ЖУРНАЛĂН ĂСЛĂЛĂХ СПЕЦИАЛЬНОÇĔСЕМ

5.6. *Истори аслăлăхĕсем*

5.6.1. Тăван çĕр-шыв историйĕ

5.6.3. Археологи

5.6.4. Этнологи, антропологи тата этнографи

5.9. *Филологи*

5.9.1. Вырăс литератури тата Раççей Федерацийĕн халăхĕсен литературисем

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Вырăс чĕлхи. Раççей халăхĕсен чĕлхисем

5.9.8. Теори, прикладной тата танлаштару лингвистики

5.10. *Искусствоведениепе культуурологи*

5.10.3. Ўнер тĕсĕсем (музыка ўнерĕ; театр ўнерĕ;
сăнарлă, декоратив-прикладной ўнер тата архитектура)

Редакцие килекен мĕн пур материала аслăлăх тĕлĕшĕнчен рецензилеçĕ

Редакцие шухăшĕ статьясен авторĕсен шухăшĕпе килĕшмесе те пултарать

Журналта тухнă материалсене редакцие килĕшсе татăлсан кăна
урăх кăларăмра пичетлеме юрат

Тән редактор

Исаев Юрий Николаевич — ЧПГҖИ директорё,
филол. әсләл. д-рё, доц.

Тән редактор сүмё

Кириллова Ирина Юрьевна — ЧПГҖИ директорён әсләләхпа
аталану енёпе ёслекен сүмё, филол. әсләл. канд., доц.

Яваплә редактор

Леонтьев Алексей Петрович — ЧПГҖИ әсләләх аслә ёштешё,
ист. әсләл. канд.

Редакци канашё

Аврутина Аполлиария Сергеевна — филол. әсләл. д-рё (Санкт-Петербург, Раçсей)
Бикбулатова Аниса Рифовна — ист. әсләл. д-рё (Бишкек, Кәркәсстан)
Грибов Николай Николаевич — ист. әсләл. д-рё (Мускав, Раçсей)
Заяц Сергей Михайлович — филол. әсләл. д-рё (Тирасполь, Днестрсүм)
Зенкин Константин Владимирович — иск. д-рё (Мускав, Раçсей)
Напольнова Елена Марковна — филол. әсләл. д-рё (Мускав, Раçсей)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — филол. әсләл. д-рё (Алматы, Казахстан)

Редакци коллегийё

Абукаева Любовь Алексеевна — филол. әсләл. д-рё (Йошкар-Ола, Раçсей)
Бойко Иван Иванович — ист. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Выборнов Александр Алексеевич — ист. әсләл. д-рё (Самар, Раçсей)
Давлетшина Лейла Хасановна — филол. әсләл. д-рё (Хусан, Раçсей)
Иванов Алексей Ананьевич — ист. әсләл. д-рё (Йошкар-Ола, Раçсей)
Иванов Виталий Петрович — ист. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Иванова Алена Михайловна — филол. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Исхаков Радик Равильевич — ист. әсләл. д-рё (Хусан, Раçсей)
Кондратьев Михаил Григорьевич — иск. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Краюшкина Татьяна Владимировна — филол. әсләл. д-рё (Владивосток, Раçсей)
Нуриева Ирина Муртазовна — иск. д-рё (Ижевск, Раçсей)
Родионов Виталий Григорьевич — филол. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Садиков Ранус Рафикович — ист. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)
Салмин Антон Кириллович — ист. әсләл. д-рё (Санкт-Петербург, Раçсей)
Сокаева Диана Вайнеровна — филол. әсләл. д-рё (Владикавказ, Раçсей)
Ставицкий Владимир Владимирович — ист. әсләл. д-рё (Пенза, Раçсей)
Султанова Рауза Рифкатовна — иск. д-рё (Хусан, Раçсей)
Сухарева Ирина Виталиевна — ист. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — филол. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Антипина А. А.</i> КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ XVII — XVIII ВЕКОВ В ЧУВАШСКОМ КРАЕ В ТРУДАХ В. Д. ДИМИТРИЕВА	10
<i>Баранцева Н. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЧУВАШЕЙ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)	19
<i>Бойко И. И.</i> ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	30
<i>Воронцов В. С.</i> МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ	44
<i>Дегтярева Н. А.</i> ВКЛАД ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА В ЛЕЧЕНИЕ РАНЕННЫХ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	53
<i>Пичугин А. Ю.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	60
<i>Сараев А. С.</i> «СУВАР» — ГОРОД ИЛИ НАРОД? (ИСТОРИОГРАФИЯ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА И ДИСКУССИЯ 1960 — 1980-Х ГОДОВ)	68
<i>Чаглайан Е. Х.</i> ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР И СЛАВЯН В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	82

Филологические науки

<i>Адьяши К.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИНГВОАРЕАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОГО ВОЛЖСКОБУЛГАРСКОГО КЛАССИФИКАТОРА.	92
<i>Еникеев И. А.</i> ОБРАЗ РУССКО-ТАТАРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ КАЮМА НАСЫРИ В ДРАМАТУРГИИ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА	100
<i>Саракуева А. М.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ДРАМАТУРГИИ В ЛИТЕРАТУРАХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ, КУМЫКОВ И ЧУВАШЕЙ): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	108
<i>Шеянова С. В.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В РАССКАЗАХ В. МИШАНИНОЙ	121

Персоналии

ВОСПОМИНАНИЯ ВИКТОРА АШМАРИНА ОБ ОТЦЕ	129
<i>Мордвинова А. И.</i> МУЗЫКАНТ И МУЗЫКОВЕД (к 60-летию Л. И. Бушуевой)	138
<i>Долгова А. П.</i> ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА, ЛЕКСИКОГРАФ (к 65-летию Г. А. Дегтярёва)	141

Рецензии

<i>Берман А. Г.</i> ПЕРВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРЕБЫВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ	143
<i>Садиков Р. Р.</i> СИМВОЛЫ И КОДЫ УДМУРТСКОЙ КУЛЬТУРЫ	145

Научная жизнь

ХРОНИКА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ЧГИГН В 2025 ГОДУ	148
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ	154

CONTENTS

Historical Sciences

<i>Antipina A. A.</i> PEASANT UPRISINGS OF THE 17th — 18th CENTURIES IN THE CHUVASH REGION IN THE WORKS OF V. D. DIMITRIEV	10
<i>Barantseva N. A.</i> THE CHARACTERISTICS OF ETHNODEMOGRAPHIC AND SOCIOCULTURAL SITUATION OF THE CHUVASH IN YENISEI SIBERIA (LATE 19th — SECOND HALF OF 20th CENTURY)	19
<i>Boyko I. I.</i> DAILY LIFE OF THE POPULATION OF CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: APPROACHES AND RESEARCH DIRECTIONS	30
<i>Vorontsov V. S.</i> THE GREAT WAR LITTLE HEROES	44
<i>Degtyareva N. A.</i> THE CONTRIBUTION OF THE RED CROSS AND RED CRESCENT SOCIETIES TO THE TREATMENT OF THE WOUNDED IN THE SOUTHERN URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	53
<i>Pichugin A. Y.</i> SOCIAL ASSISTANCE TO THE FAMILIES OF MILITARY PERSONNEL IN THE ULYANOVSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	60
<i>Saraev A. S.</i> «SUVAR» — CITY OR NATION? (HISTORIOGRAPHY OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES AND THE DISCUSSION OF THE 1960s — 1980s)	68
<i>Caglayan Y. H.</i> INTERACTIONS BETWEEN THE VOLGA BULGARS AND THE SLAVS IN CONTEMPORARY TURKISH HISTORIOGRAPHY	82

Philological Sciences

<i>Agyagasi K.</i> HISTORICAL AND LINGUISTIC-AREAL STUDY OF ONE VOLGA-BULGARIAN CLASSIFIER	92
<i>Enikeev I. A.</i> THE IMAGE OF THE RUSSIAN-TATAR ENLIGHTENER KAYUM NASYRI IN THE DRAMA OF RAVIL BUKHARAEV	100
<i>Sarakueva A. M.</i> THE DEVELOPMENT OF DRAMA IN THE LITERATURES OF THE TURKIC PEOPLES (THE KARACHAY-BALKAR, KUMYK AND CHUVASH): GENERAL AND SPECIFIC	108
<i>Sheyanova S. V.</i> NATIONAL WORLDVIEW IN THE STORIES BY V. MISHANINA	121

Personalities

THE MEMORIES OF VIKTOR ASHMARIN ABOUT HIS FATHER	129
<i>Mordvinova A. I.</i> MUSICIAN AND MUSICOLOGIST (on the 60th anniversary of L. I. Bushueva)	138
<i>Dolgova A. P.</i> RESEARCHER OF THE CHUVASH LANGUAGE, LEXICOGRAPHER (on the 65th anniversary of G. A. Degtyarev)	141

Reviews

<i>Berman A. G.</i> THE FIRST STUDY ON THE STAY OF THE IMPERIAL FAMILY REPRESENTATIVES IN CHUVASHIA	143
<i>Sadikov R. R.</i> SYMBOLS AND CODES OF UDMURT CULTURE	145

Scientific life

CHRONICLE OF SCIENTIFIC AND PRACTICAL EVENTS OF THE CHUVASH STATE INSTITUTE OF HUMANITIES IN 2025	148
REQUIREMENTS FOR ARTICLES	154

ТУПМАЛЛИ

Истори ăслăлăхĕсем

Антипина А. А. ЧĂВАШ ЕНРИ XVII — XVIII ЁМЁРСЕНЧИ ХРЕСЧЕНСЕН ПĂЛХАВĔСЕМ В. Д. ДИМИТРИЕВ ЁЇСЕНЧЕ	10
Баранцева Н. А. ЕНИСЕЙ СЎМ СЕПЕРТИ ЧĂВАШСЕН ЭТНОДЕМОГРАФИПЕ СОЦИОКУЛЬТУРА ТАРАМЕН УЙРАМЛАХЕСЕМ (XIX ЁМЕР ВЕСЕ — XX ЁМЕРЕН ИККЕМЕШ СЎРРИ)	19
Бойко И. И. ЧĂВАШ ЕН ХАЛАХЕН ТАВАН СЕР-ШЫВАН АСЛА ВАРСИ СЎЛЕСЕНЧИ КУЛЕНХИ ПУРНАСЕ: ТЕПЧЕВ МЕЛЕСЕМПЕ СЎЛ-ЙЕРЕСЕМ	30
Воронцов В. С. ПЫСАК ВАРСАН ПЕЧЕК ПАТТАРЕСЕМ	44
Дегтярева Н. А. ХЕРЛЕ ХЕРЕСПЕ ХЕРЛЕ СЎР УЙАХ ОБЩЕСТВИСЕМ ТАВАН СЕР-ШЫВАН АСЛА ВАРСИ ВАХАТЕНЧЕ КАНТАР УРАЛТА АМАННИСЕНЕ СИПЛЕС ЕСЕ ХЫВНА ТУПЕ	53
Пичугин А. Ю. ТАВАН СЕР-ШЫВАН АСЛА ВАРСИ СЎЛЕСЕНЧЕ УЛЬЯНОВСК ОБЛАСЕНЧЕ САР СЫННИСЕН СЕМЙИСЕНЕ СОЦИАЛЛА ПУЛАШУ ПАНИ	60
Сараев А. С. «САВАР» — ХУЛА-И Е ХАЛАХ-И? (XIX — XX ЁМЕР ПУСЛАМАШЕНЧИ ИСТОРИОГРАФИ ТАТА 1960 — 1980-МЕШ СЎЛСЕНЧИ ДИСКУССИ)	68
Чаглаян Е. Х. ХАЛЬХИ ТУРККА ИСТОРИОГРАФИЙЕНЧИ АТАЛСИ ПĂЛХАРСЕМПЕ СЛАВЯНСЕН ХУТШАНАВЕСЕН БИТАВЕСЕМ	82

Филологи ăслăлăхĕсем

Адягаши К. АТАЛСИ ПĂЛХАР ЧЕЛХИНЧИ СУМ ЯЧЕН ИСТОРИ ТАТА АРЕАЛ ЛИНГВИСТИКИН ТЕПЧЕВЕ	92
Еникеев И. А. ВЫРАС-ТУТАР СЎТТА КАЛАРУСИН КАЮМ НАСЫРИН РАВИЛЬ БУХАРАЕВ ДРАМАТУРГИЙЕНЧИ САНАРЕ	100
Саракуева А. М. ТЕРЕК ХАЛАХЕСЕН (КАРАЧАЙ-БАЛКАРСЕН, КУМЫКСЕН ТАТА ЧĂВАШСЕН) ЛИТЕРАТУРИСЕНЧЕ ДРАМАТУРГИ ЙЕРКЕЛЕННИ: ПЕТЕМЕШЛИ ТАТА УЙРАММИ	108
Шеянова С. В. В. МИШАНИНА КАЛАВЕСЕНЧИ НАЦИ САНЕЛЛЕ ТЕНЧЕ	121

Персоналисем

ВИКТОР АШМАРИН АШШЕ СИНЧЕН АСА ИЛНИ	129
Мординова А. И. МУЗЫКАНТ ТАТА МУЗЫКА ТЕПЧЕВСИ (Л. И. Бушуева 60 сул тултарна май)	138
Долгова А. П. ЧĂВАШ ЧЕЛХИ ТЕПЧЕВСИ, ЛЕКSIКОГРАФ (Г. А. Дегтярев 65 сул тултарна май)	141

Рецензисем

Берман А. Г. ИМПЕРАТОР СЕМЙИН СЫННИСЕМ ЧĂВАШ ЕНРЕ ПУЛНИ СИНЧЕН ПЕРРЕМЕШ ТЕПЧЕВ	143
Садиков Р. Р. УДМУРТ КУЛЬТУРИН СИМВОЛЕСЕМПЕ КОЧЕСЕМ	145

Ăслăлăх пурнасе

ЧГПĂИ 2025 СЎЛХИ АСЛАЛАХ-ПРАКТИКА МЕРОПРИЯТИЙЕСЕН ХРОНИКИ	148
СТАТЬЯСЕНЕ МЕНЛЕ СЫРМАЛЛА	154

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES /
ИСТОРИ АСЛАЛАХЭСЕМ**

УДК 94(470.344)"16/17"
ББК 63.3(2РОС.ЧУВ)5

Научная статья

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ XVII — XVIII ВЕКОВ
В ЧУВАШСКОМ КРАЕ В ТРУДАХ В. Д. ДИМИТРИЕВА**

А. А. Антипина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
annaaleksandrova1792@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются крестьянские восстания XVII — XVIII вв. в Чувашском крае, отраженные в трудах В. Д. Димитриева. Ученый анализировал события Смутного времени, крестьянские движения под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева как высшую форму классовой борьбы против феодальной эксплуатации. В контексте советской историографии ученый изложил и собственное понимание вышеуказанного вопроса в истории Чувашии. Тем не менее некоторые аспекты его творческого наследия требуют переосмысления в свете современной оценки этих событий.

Ключевые слова: В. Д. Димитриев, крестьянские восстания, Смутное время, С. Т. Разин, Е. И. Пугачев

Для цитирования: Антипина А. А. Крестьянские восстания XVII — XVIII веков в Чувашском крае в трудах В. Д. Димитриева // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 10 — 18

© Антипина А. А., 2025

Scientific article

**PEASANT UPRISINGS OF THE 17th — 18th CENTURIES
IN THE CHUVASH REGION IN THE WORKS OF V. D. DIMITRIEV**

A. A. Antipina

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
annaaleksandrova1792@yandex.ru

Abstract. The article examines the peasant uprisings of the 17th — 18th centuries in the Chuvash region, reflected in the works of V. D. Dimitriev. The scientist analyzed the events of the Time of Troubles, peasant movements under S. T. Razin and E. I. Pugachev as the highest form of class struggle against feudal exploitation. In the context of the Soviet historiography, the scientist presented his own understanding of the problem in the history of Chuvashia. Nevertheless, some aspects of his creative heritage require rethinking in the light of modern point of view.

Keywords: V. D. Dimitriev, peasant uprisings, The Time of Troubles, S. T. Razin, E. I. Pugachev

For citation: Antipina A. A. Peasant uprisings of the 17th — 18th centuries in the Chuvash region in the works of V. D. Dimitriev // Modern humanities. 2025;1(4):10 — 18

Аслалӑх статийи

ЧӐВАШ ЕНРИ XVII — XVIII ЁМЁРСЕНЧИ ХРСЧЕНСЕН ПӐЛХАВЁСЕМ В. Д. ДИМИТРИЕВ ЁСЁСЕНЧЕ

А. А. Антипина

ЧӐваш патшалӑх гуманитарнӑ аслалӑхёсен институтё,
Шупашкар хули, Раççей
annaaleksandrova1792@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра ЧӐваш Енри В. Д. Димитриев ёсёсенче сӑтатнӑ XVII — XVIII ёмёрсенчи хрсченсен пӐлхавёсене тишкернӑ. ПӐтравлӑ вӑхӑтри паллӑ ёсене, С. Т. Разин тата Е. И. Пугачев ертсе пынӑ хрсченсен юхӑмёсене тӑпчевсӑ феодализмне эксплуатацине хирӑсле класс кӑрешӑвӑн чи пысӑк шайё тесе хакланӑ. Совет историографийӑн контекстенче ӑсчах ЧӐваш Ен историйӑнчи сӑлрех асаннӑ ыйтӑва хӑй мӑнле ӑнланнине те кӑтарнӑ. Апла пулин те унӑн пултарулаӑх еткерӑн хӑш-пӑр енне хальхи хаклав сӑтинче тӑпӑр хут тишкерни кирлех.

Тӑп сӑмахсем: В. Д. Димитриев, хрсченсен пӐлхавёсем, ПӐтравлӑ вӑхӑт, С. Т. Разин, Е. И. Пугачев

Цитатӑлама: Антипина А. А. ЧӐваш Енри XVII — XVIII ёмёрсенчи хрсченсен пӐлхавёсем В. Д. Димитриев ёсёсенче // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 10 — 18

Введение

Особенностью советской историографии было изучение крестьянских восстаний в соответствии с марксистско-ленинской концепцией [15, с. 40]. Эта тема пользовалась огромной популярностью, что подтверждается обширной литературой, в которой выделяются работы выдающегося историка В. Д. Димитриева. Его исследования внесли значительный вклад в изучение крестьянских восстаний XVII — XVIII вв. в Чувашском крае. В советской историографии данный период классифицировался как эпоха феодализма. Как и все советские историки, В. Д. Димитриев рассматривал события Смутного времени, крестьянские войны под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева как высшую форму классовой борьбы. В течение XX в. использовался стандартный набор шаблонов, предписанный отечественным историкам: «классовая борьба», «крестьянская война», «эксплуататоры» и т. д.

Одной из важнейших сторон вклада В. Д. Димитриева в исследование крестьянских восстаний было введение в научный оборот широкого круга разнообразных источников по теме. Для современного исследователя его работы дают общее понимание о состоянии изучения крестьянских восстаний в советской исторической науке, указывают на дискуссионность вопросов истории этих движений, а также предоставляют значительный фактический материал по проблеме.

Цель настоящей статьи — рассмотреть основные результаты многолетних трудов В. Д. Димитриева по изучению крестьянских восстаний XVII — XVIII вв. в Чувашском крае с точки зрения современной историографии.

Материалы и методы

Анализ существующих научных позиций позволил выявить пробелы в исследовании крестьянских восстаний и обозначить перспективные направления для их дальнейшего изучения. Работа основывается на принципах историзма, объективности и системного подхода, с применением базовых методов исторического познания, включая историко-сравнительный и историографический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

С начала 1950-х гг. научно-исследовательская деятельность В. Д. Дмитриева неразрывно связана с данной проблематикой. В 1959 г. вышла его книга «История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773 — 1775 гг.)», в 1983 г. — «Чувашские исторические предания», в 1986 г. — «Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.)» и др. К сожалению, в данной статье нет возможности всесторонне охарактеризовать взгляды ученого в общей концепции российской истории, поэтому ряд аспектов темы представлен фрагментарно.

Проблема отчасти получила отражение в региональной историографии. В статье марийского исследователя А. Г. Иванова «Изучение В. Д. Дмитриевым участия населения Чувашии и некоторых районов Среднего Поволжья в народных движениях и крестьянских войнах в России в XVI — первой половине XIX веков» [9, с. 46 — 59] проанализировано содержание основных работ В. Д. Дмитриева о протестах народных масс XVI — XIX вв., вызванных политикой правительства: главным образом ясачным обложением, феодальной рентой и государственными налогами. Дана оценка основных положений и выводов автора. Крестьянские восстания понимаются как крестьянские войны, в которых ярко проявилась классовая сущность и направленность против феодально-крепостнического гнета. Сегодня эта точка зрения, на наш взгляд, нуждается в переосмыслении.

В конце XX в. произошли изменения в отечественном историческом знании, что привело к постепенному отказу от марксистской концепции идеологии. Теоретический подход, основанный на концепции классовой борьбы, долгие годы служивший ключом к пониманию сути крестьянских восстаний, был признан неприемлемым. Сомнительной стала применимость понятия «класс» к доиндустриальным обществам [11, с. 3 — 4]. В советской исторической литературе не уделяли должного внимания жертвам крестьянских восстаний. В основном описывались лишь жестокие действия карателей против повстанцев, в то время как жестокость и насилие со стороны восставших оставались без внимания, хотя в дореволюционной историографии такие факты находили отражение.

Возникает необходимость изучения мотивов участников восстаний, а также определения типов народных движений: восстание, крестьянская война, бунт. Поиск новых подходов к изучению этой темы вызвал отказ от марксистско-ленинской доктрины. Современными исследователями массовых народных движений в России XVII — XVIII вв. восстания под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева рассматриваются как крестьянские войны лишь на определенном этапе их развития, когда они распространились на территории, заселенной крепостными крестьянами [10, с. 32]. Однако многие чувашские крестьяне, участвовавшие в бунтах, не являлись крепостными. Стоит заметить, что в своих поздних работах В. Д. Дмитриев внес некоторые изменения в терминологию, заменив выражение «крестьянская война» на более нейтральное — «народное движение». Однако разинское и пугачевское «движения» остались в прежнем диапазоне оценок.

Оценивая вклад В. Д. Дмитриева в изучение рассматриваемой проблемы, следует остановиться на ряде ключевых моментов. Помимо того, что исследователь собрал и проанализировал большое количество документов, он на их основе впервые определил сущность крестьянских восстаний на территории Чувашии. В книге «Чувашия в эпоху феодализма» (1986) дается характеристика участия чувашского народа в каждом из движений начала XVII в. По мнению В. Д. Ди-

митриева, важнейшей предпосылкой выступлений послужило тяжелое социально-экономическое и правовое положение ясачных народов.

Автор преимущественно следует периодизации, предложенной чувашским историком-архивистом В. А. Нестеровым. В рамках исследования крестьянской войны начала XVII в. в Среднем Поволжье выделяется три этапа с учетом региональной специфики: первый (1606 — 1607), выражающий непосредственный отклик народных масс края на восстание И. И. Болотникова и характеризующийся изолированностью центров восстания, участием в движении, наряду с крестьянством, нерусской феодальной знати, русских помещиков и посадской верхушки; второй (осень—зима 1608 — 1609 гг.), когда от движения отошло дворянство, «а крестьянство включилось наиболее активно»; третий (с осени 1609 по сентябрь 1610 г.), особенностью которого «является дальнейшее усиление антифеодального характера борьбы, полный отход от движения представителей дворянства и местной служилой верхушки» [12, с. 142 — 147].

Обобщая проанализированный документальный материал, ученый делает вывод, что первый этап крестьянской войны на территории Чувашии относится к периоду восстания под предводительством И. Болотникова в 1606 — 1607 гг. [2, с. 139]. Исследователь указывает, что восстания в крае в этот период были тесно связаны с движением в Арзамасском, Муромском и Нижегородском уездах, приволжском Окско-Свияжском междуречье. Движением были охвачены Алатырский, Свияжский, Чебоксарский, Цивильский, Курмышский, Ядринский (возможно, также Кокшайский и Козьмодемьянский) уезды — территории современной Чувашии. В качестве движущей силы на данном этапе указаны русские, чувашские, мордовские, татарские и марийские крестьяне [2, с. 145]. Утверждение автора, что данный период соответствовал лишь начальному этапу народного движения, верно отражает общую концепцию рассмотрения крестьянских войн начала XVII в. в советской историографии.

По утверждению В. Д. Дмитриева, основной целью русских, мордовских, чувашских, марийских и татарских крестьян Волго-Вятского региона была борьба с «феодальным и национальным угнетением» [2, с. 147]. В 1609 г. повстанцы захватили Цивильск, пытались овладеть Свияжском, а осенью взяли Чебоксары и Козьмодемьянск, расправлялись с феодалами и богатыми купцами. Ученый полагает, что крупные события произошли в Чувашии и на третьем этапе — с осени 1609 по конец 1610 г. [2, с. 169].

Опираясь на сохранившиеся источники, В. Д. Дмитриев достаточно хорошо и полно раскрыл региональную специфику движений народных масс Чувашии в 1606 — 1610 гг. и отметил их направленность против феодального и национального гнета, светских и духовных феодалов, органов царской власти и управления. Тема «Крестьянская война начала XVII в.» рассматривалась им в «классовой» интерпретации. Вместе с тем социальный состав участников крестьянской войны не вполне соответствует его концепции. Так, в Арзамасе во главе восставших стояли бывший арзамасский воевода, русские и татарские феодалы, которые примкнули к крестьянскому движению в Нижегородском, Алатырском, Ядринском, Козьмодемьянском, Чебоксарском, Свияжском, Яранском и Санчурском уездах и т. д. [2, с. 147]. Между делом, помимо участия в крестьянской войне в «классовых интересах», крестьяне выступали против насильственного распространения среди них христианства.

В. Д. Дмитриев изучал социальные конфликты XVII — XVIII вв. в России, используя термин «крестьянская война». Он видел в восстаниях классовую

борьбу крестьян против феодального гнета, акцентируя их антикрепостническую направленность. Ученый опирался на марксистскую методологию, подчеркивая социально-экономические причины восстаний. Однако происходившие события не всегда соответствовали понятию «война». Так, Р. Г. Скрынников для событий того времени применил определение «гражданская война», а несколько позже и «смута», – это понятие было распространено в дореволюционной историографии. Восстание Болотникова он также не считал крестьянской войной и подчеркивал, что его активно поддержали дворяне разных городов, а у Болотникова не было никакой «антикрепостнической программы» [13, с. 324 — 325].

В. Д. Дмитриевым были детально исследованы негативные последствия крестьянских восстаний. Он пишет, что повстанцами были разгромлены Алатырский Троицкий и Чебоксарский Троицкий монастыри и некоторые помещичьи усадьбы, разорены свияжские монастыри, захвачены монастырские и помещичьи земли [2, с. 170]. Так, по материалам писцовых и дозорных книг, проанализированных В. А. Нестеровым, приводятся свидетельства плачевного положения в Среднем Поволжье: множество пустых дворов и сделаны пометы: «...дворы от войны запустили, и пашенные земли перелогом (дикой растительностью. — А. А.) и лесом поросли» [12, с. 149].

Важным вкладом ученого является опыт анализа событий «второй крестьянской войны 1670 — 1671 годов» — восстания под предводительством Степана Разина на территории Чувашии. Исследование В. Д. Дмитриевым региональных особенностей указанного движения помогло уточнить хронологические рамки, характер, движущие силы на территории Чувашии. Однако вопрос о хронологии «второй крестьянской войны», или восстания под предводительством С. Разина, оставался дискуссионным. И. В. Степанов в монографии о Разинском восстании, первый том которой вышел в свет в 1966 г., начало крестьянской войны относил к 1670 г. [14, с. 370]. Весь вопрос хронологии был связан с уяснением содержания понятия «крестьянская война». В то время как другие советские историки допускали возможность крестьянской войны на территории, далекой от компактного проживания крестьянства, И. В. Степанов отрицал такую возможность. С его точки зрения, движение под предводительством С. Разина превращается в крестьянскую войну только тогда, когда к нему подключаются крестьяне из внутренних уездов страны [10, с. 30].

Среди основных причин «войны» В. Д. Дмитриев указывал установление бессрочного сыска беглых крестьян и чрезмерный феодальный гнет. Другими причинами были усиление централизованной власти, принятие Соборного уложения 1649 г., а также общее ослабление экономики страны в результате затяжной русско-польской войны [4, с. 54 — 55].

Как отмечает ученый, в разинском движении в Чувашии большую роль сыграли отряды из чувашей. Из его трудов мы узнаем о десятках разинских полковников, атаманов, есаулов и прапорщиков из Чувашского края. Например, полковник Байдул Искеев (из д. Хоракасы Цивильского уезда) и его атаман Тойдемир Емайдин (из д. Искеево Цивильского уезда) участвовали во главе повстанцев-чувашей во многих крупных сражениях [4, с. 54 — 56]. Тем не менее, как отмечается ученым, несмотря на широкий размах повстанческого движения чувашских крестьян, их выступления носили ограниченный, местный характер. Слабость вооружения, стихийность, разрозненность сыграли решающую роль в поражении восставших.

В. Д. Дмитриев сообщает, что во время «второй крестьянской войны» были сожжены десятки чувашских деревень. Эти данные важны для понимания трагических последствий войны для чувашского народа. Они подчеркивают необходимость дальнейшего изучения этого периода истории, чтобы объективно оценить масштабы разрушений и потерь [4, с. 56].

Исследователь впервые в российской исторической науке обращается к чувашским историческим преданиям для изучения и характеристики крестьянского движения под предводительством Степана Разина. Первое исследование, посвященное анализу этого специфического по своим характеристикам материала, относится уже к 1973 г., когда В. Д. Дмитриевым была опубликована статья «Чувашские исторические предания о Степане Разине» [5, с. 357 — 365]. В 1975 г. автором была издана работа о преданиях, посвященных Е. И. Пугачеву и его сподвижникам [7, с. 193 — 244]. В 1983 — 1988 гг. увидели свет монографические исследования ученого «Чувашские исторические предания» в трех частях, где вторая посвящена положению чувашского народа в XVI — XVIII вв., С. Т. Разину и разинцам, Е. И. Пугачеву и пугачевцам [4; 8]. Отмечается, что в книге предпринята попытка изучения чувашских преданий с «позиций историзма, классовости и объективности, под социально-политическим углом зрения», с использованием не отдельных, а всей совокупности зафиксированных преданий по той или иной теме или вопросу, с применением методов источниковедческой критики [4, с. 120 — 121]. На основе комплексного использования сохранившихся исторических преданий и сравнений ученый значительно расширил историю участия чувашей в пугачевском и разинском движениях в Чувашском крае.

Необходимо подчеркнуть, что В. Д. Дмитриев внес большой вклад в исследование истории Чувашии XVIII в., в том числе и крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева на территории Чувашии. Историк справедливо отмечал в своей рецензии 1953 г. на сборник документов «Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева в Чувашии (1773 — 1775 гг.)», составленный П. Г. Григорьевым: «Несмотря на то, что чувашские крестьяне вслед за русским крестьянством были одними из активных участников мощного движения, предводительствуемого Е. И. Пугачевым, даже в вузовском учебнике “История СССР” (т. 1) чувашаи не упомянуты в числе участников движения» [8, с. 200].

В 1959 г. вышла из печати фундаментальная монография В. Д. Дмитриева «История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773 — 1775 годов)» [1], которая явилась плодом кропотливого сбора и глубокого анализа множества архивных и литературных источников. Базой послужили выписки из документов, выявленных исследователем в 1953 — 1958 гг. в Центральном государственном архиве древних актов СССР (ныне Российский государственный архив древних актов). Историк также занимался поисками источников в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН), ознакомился с литературой и рукописными фондами Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) и других учреждений. Он кропотливо собирал материалы в архивах, библиотеках и музеях Казани, Ульяновска, Нижнего Новгорода и Чебоксар. Многие источники впервые ввел в научный оборот.

В главе XI «Классовая борьба. Чувашия в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева» наиболее детально и подробно рассматривается положение чувашских крестьян перед Пугачевским восстанием. По мнению В. Д. Дмитриева, участие чувашей в восстании вызвано ухудшением положения народных масс в результате усиления крепостничества и национально-колониального гнета. Оно охватило в 1773 — 1775 гг. территорию Приуралья, Зауралья, всего Среднего и отчасти Нижнего Поволжья. Ученым отмечается, что восставшие крестьяне считали Пугачева своим заступником, верили ему как своему освободителю [1, с. 415].

В. Д. Дмитриев первым среди историков провел всестороннее исследование, где анализируется динамика и ход восстания, а также оцениваются его последствия. Автор попытался критически осмыслить причины и последствия крестьянских волнений. Однако его работа сохраняет верность основным методологическим принципам советской историографии [1, с. 2].

При этом следует отметить, что современная российская историография в изучении крестьянского движения под предводительством Е. И. Пугачева делает особый упор на изучение состава повстанческих сил. Оговаривается, что крестьяне, несомненно, участвовали в бунте, однако на первых этапах движения это были посессионные крестьяне, игравшие лишь второстепенную роль. Тема Пугачевского восстания рассматривается не как «классовое столкновение», а всего лишь как эпизод сопротивления централизаторской политике Екатерины II и противоречий многонациональной монархии [11, с. 4 — 5].

При характеристике восстания под предводительством Пугачева как крестьянской войны наиболее сложным вопросом становилась оценка ее движущих сил. Ученый в своей работе разделяет принятые в советской историографии положения «боевого братства» различных народностей, принимавших участие в восстании. Он писал об общности целей в действиях русских, чувашских, марийских, татарских, мордовских крестьян.

При этом В. Д. Дмитриевым выделены специфические особенности Пугачевского движения на территории Чувашского края: неорганизованность, стихийность, а также отчетливое проявление локальности действий участников. Повстанцы в большинстве случаев ограничивались разгромом «угнетателей» в своем селе или округе, отряды восставших крестьян обычно не выходили за пределы уезда [1, с. 428 — 429]. Важным следует считать приведенные им сведения о том, что восстания в селах возникали с прибытием пугачевских казаков. С уходом Пугачева из пределов Чувашии большая часть «казаков из чуваш» покидала армию повстанцев и возвращалась в родные деревни [1, с. 411]. Отсюда возникает необходимость переосмысления интерпретации ученым данных стихийных событий в ключе крестьянской войны.

Анализ и мотивы участия чувашских крестьян в пугачевском восстании подробно рассмотрены В. Д. Дмитриевым в работе «Чувашские исторические предания», ч. 2 [4, с. 72 — 103]. По завершении исследования всего корпуса преданий автор приходит к общепризнанному в советскую эпоху выводу: «При абсолютном преобладании истинно народных преданий некоторая часть искажена, переработана господствующими классами, духовенством, стала выражать идеологию эксплуататоров» [4, с. 120 — 121]. Несмотря на это, книга помогает современному исследователю изучить социально-психологический портрет самих участников народных движений России. Ученый понимал, что рассказы-воспо-

минания, воспроизводившие личные впечатления о событиях, участником или очевидцем которых был рассказчик, смогут объяснить причины участия чувашских крестьян в восстании. Глубинное изучение В. Д. Дмитриевым Пугачевско-го восстания в конкретных районах на территории Чувашского края позволяет выявить специфику и своеобразие произошедших событий.

Заключение

Таким образом, в научных работах В. Д. Дмитриева значительное место занимали вопросы, связанные с исследованием народных движений на территории Чувашского края. Они интерпретировались им как крестьянские войны, выражавшие суть общественных отношений и носившие антифеодальный характер. Современная историография, отказываясь от классовой интерпретации в изучении крестьянских восстаний, начала более глубоко анализировать их причины и последствия. Вместе с тем следует подчеркнуть, что труды В. Д. Дмитриева являются важным вкладом в понимание этих сложных исторических явлений. Его изыскания, основанные на широком круге исторических источников, помогают раскрыть сущность и многогранность проблемы. Современные исследования должны продолжать развивать и дополнять работы В. Д. Дмитриева с учетом привлечения новых фактов и методологических подходов, чтобы дать более полное и объективное представление о крестьянских восстаниях в российской истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриев В. Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773 — 1775 годов / под ред. П. П. Елифанова. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 531 с.
2. Дмитриев В. Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.
3. Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 112 с.
4. Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 141 с.
5. Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания о Степане Разине // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Вып. 2. Чебоксары: ЧНИИ, 1973. С. 357 — 365.
6. Дмитриев В. Д. Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. 3-е, доп. изд-е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 383 с.
7. Дмитриев В. Д. Чувашские предания о Е. П. Пугачеве и пугачевцах // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Вып. 4. Чебоксары: ЧНИИ, 1975. С. 193 — 244.
8. Дмитриев Василий Дмитриевич: учёный, педагог, общественный деятель, гражданин: сборник статей / сост. Г. А. Николаев; отв. ред. И. И. Бойко. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 252 с.
9. Иванов А. Г. Изучение В. Д. Дмитриевым участия населения Чувашии и некоторых районов Среднего Поволжья в народных движениях и крестьянских войнах в России в XVI — первой половине XIX веков // Служение истории: сборник статей. Вып. 2. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 46 — 59.
10. Мининков Н. А. Традиции и перспективы изучения массовых народных движений в России XVII — XVIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 26 — 35.
11. Наталици М. Восстание Пугачева в историографии Центральной и Западной Европы первой четверти XXI в. // Российская история. 2023. № 6. С. 3 — 12.
12. Нестеров В. А. Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. С. 129 — 149.
13. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. 327 с.
14. Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670 — 1671 гг.: в 2 т. Т. 1. Восстание Степана Разина. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1966. 371 с.
15. Черепанов Л. В. Крестьянская война в России XVII — XVIII веков: проблемы, поиски, решения. Москва: Наука, 1974. 448 с.

REFERENCES

1. Dimitriev V. D. The history of Chuvashia in 18th century (the period before the peasant war of 1773 — 1775 / edited by P. P. Epifanov. Cheboksary;1959:531. (In Russ.)
2. Dimitriev V. D. Chuvashia in the epoch of feudalism (16th — early 19th centuries). Cheboksary;1986:456. (In Russ.)
3. Dimitriev V. D. The Chuvash historical legends. Part. 1. Cheboksary;1983:112. (In Russ.)
4. Dimitriev V. D. The Chuvash historical legends. Part. 2. Cheboksary;1986:141. (In Russ.)
5. Dimitriev V. D. The Chuvash historical legends about Stepan Razin // the history and culture of the Chuvash ASSR: collection of articles. Ser. 2. Cheboksary;1973:357 — 365. (In Russ.)
6. Dimitriev V. D. The Chuvash historical legends: the sketches of the Chuvash people history from ancient times to the middle of 19th century. 3rd, supplementary edition. Cheboksary;2017:383. (In Russ.)
7. Dimitriev V. D. The Chuvash legends about E. P. Pugachev and his associates // the history and culture of the Chuvash ASSR: the collection of articles. Ser. 4. Cheboksary;1975:193 — 244. (In Russ.)
8. Dimitriev Vasily Dimitrievich: scientist, teacher, public figure, citizen: the collection of articles / compiled by G. A. Nikolaev; ed. by I. I. Boyko. Cheboksary;2013:252. (In Russ.)
9. Ivanov A. G. The study by V. D. Dimitriev on the participation of the population of Chuvashia and some areas of the Middle Volga region in the popular movements and peasant wars in Russia in 16th — first half of 19th centuries // Serving History: the collection of articles. Vol. 2. Cheboksary;2008:46 — 59. (In Russ.)
10. Mininkov N. A. The traditions and prospects of studying mass popular movements in Russia 17th — 18th centuries // Volgograd State University Vestnik. Ser. 4. History. Regional Studies. International Relations. 2019;24(2):26 — 35. (In Russ.)
11. Natalitsi M. The Pugachev's Revolt in the historiography of Central and Western Europe in the first quarter of 21th century // Russian History. 2023;6:3 — 12. (In Russ.)
12. Nesterov V. A. Chuvashia in the Russian state in the second half of 16th and the beginning of 17th centuries. Ser. 1. Cheboksary: Chuvashgosizdat;1958:129 — 149. (In Russ.)
13. Skrynnikov R. G. Socio-political struggle in the Russian state in the beginning of XVII century. Leningrad;1985:327. (In Russ.)
14. Stepanov I. V. The Peasant war in Russia in 1670 — 1671. In two volumes. The Revolt of Stepan Razin. Vol. I. Leningrad;1966:371. (In Russ.)
15. Cherepanov L. V. The Peasant war in Russia of 17th — 18th centuries: problems, searches, solutions. Moscow;1974:448. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.03.2025;
одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 02.06.2025

Информация об авторе:

Антипина Анна Анатольевна, младший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8383-7196>, annaaleksandrova1792@yandex.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 28.03.2025;
approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 02.06.2025

Information about the author:

Anna A. Antipina, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8383-7196>, annaaleksandrova1792@yandex.ru
Conflict of interests: the autor declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 28.03.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хыççӑн 27.05.2025 ырланӑ; 02.06.2025 пичете йышӑннӑ.

Автор сиччен:

Антипина Анна Анатольевна, Чӑваш патшалӑх гуманитарни
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх кӗсӗн ӗçтешӗ
(428015, Раççей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8383-7196>, annaaleksandrova1792@yandex.ru
Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.
Автор ӑл çырайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 94:331.556.2:316.662.2(=512.111)[(571.513)+(571.51)+(571.52)]"188/196"
ББК 63.521(=635)

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЧУВАШЕЙ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

Н. А. Баранцева

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
г. Абакан, Россия
barantzeva@inbox.ru

Аннотация. В статье раскрываются источники формирования чувашского населения в Приенисейской Сибири в конце XIX — второй половине XX в., места компактного и дисперсного расселения чувашских сообществ, характеризуются особенности этнодемографических и социокультурных процессов в условиях обустройства в Сибири. В результате исследования сделаны выводы о том, что чувашские сообщества вырабатывали адаптационные механизмы выживания в непривычных природно-географических и социокультурных условиях. Несмотря на ассимиляционные процессы, чувашаи сохранили черты самобытности в материальной и духовной культуре.

Ключевые слова: чувашаи, переселение, Приенисейская Сибирь, места выхода, места расселения, родной язык, идентичность, ассимиляция

Для цитирования: Баранцева Н. А. Особенности этнодемографического и социокультурного положения чувашей в Приенисейской Сибири (конец XIX — вторая половина XX века) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 19 — 29

© Баранцева Н. А., 2025

Scientific article

THE CHARACTERISTICS OF ETHNODEMOGRAPHIC AND SOCIOCULTURAL SITUATION OF THE CHUVASH IN YENISEI SIBERIA (LATE 19th — SECOND HALF OF 20th CENTURY)

N. A. Barantseva

The Khakassian State University named after N. F. Katanov,
Abakan, Russia
barantzeva@inbox.ru

Abstract. This article reveals the sources of the Chuvash population in the Yenisei Siberia in the late 19th — second half of 20th centuries, identifying the areas of compact and dispersed settlement of the Chuvash communities and characterizing the ethnodemographic and sociocultural processes involved in settling in Siberia. The study concludes that the Chuvash communities developed adaptive mechanisms for survival in unfamiliar natural, geographical, and sociocultural conditions. Despite assimilation processes, the Chuvash saved distinctive features in their material and spiritual culture.

Keywords: the Chuvash, migration, the Yenisei Siberia, origin points, settlement points, native language, identity, assimilation

For citation: Barantseva N. A. The characteristics of ethnodemographic and sociocultural situation of the Chuvash in Yenisei Siberia (late 19th — second half of 20th century) // Modern humanities. 2025;1(4):19 — 29

Аслăлăх статийи

ЕНИСЕЙ СҪМ СЕПЕРТЕ ЧАВАШСЕН ЭТНОДЕМОГРАФИПЕ СОЦИОКУЛЬТУРА ТАРĂМĔН УЙРĂМЛАХЕСЕМ (XIX ӨМӨР ВЕСЕ — XX ӨМӨРĔН ИККӨМӨШ СҪРРИ)

Н. А. Баранцева

Н. Ф. Катанов ячĕллĕ Хакас патшалăх университетĕ,
Абакан хули, Раççей,
barantzeva@inbox.ru

Аннотаци. Статьяра Енисей сҫм Сеперте XIX өмөр вĕсĕнче — XX өмөрĕн иккөмөш сҫуринче чăваш ялĕсем йĕркеленнин çал куçсене, чăваш пĕрлĕхĕсем ушкăн-ушкăн тата сапаланса пурăнма пуçланă вырăнсене уçса кăтартнă, Сеперте никĕсленсе пурăннă сеперте этнодемографипе социокультура уйрăмлахĕсене хакланă. Тĕпчесе çакна пĕтĕмлетнĕ: чăваш пĕрлĕхĕсем хăнăхман сҫт санталăк-географи тата социокультура условийĕсенче адаптаци меслечĕсемпе усă курнă. Ассимиляци процесне пăхмасăр, чăвашсем пурлăхпа ас-хакăл культуринче хайне евĕрлĕхне упраса хăварнă.

Тĕп сăмахсем: чăвашсем, сĕнĕ сĕре пурăнма куçни, Енисей сҫм Сепер, тухса кайнă вырăнсем, пурăнма пуçланă вырăнсем, тăван чĕлхе, пĕрешкеллĕх, ассимиляци

Цитатăлама: Баранцева Н. В. Енисей сҫм Сеперте чăвашсен этнодемографипе социокультура тарăмĕн уйрăмлахĕсем (XIX өмөр вĕсĕ — XX өмөрĕн иккөмөш сҫрри) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 19 — 29

Введение

Население Приенисейской Сибири (с 1822 г. — Енисейской губернии, с 1925 г. — Сибирского края, с 1934 г. — Красноярского края) формировалось на полиэтничной основе за счет коренного населения, а также мигрантов в ходе переселенческой политики и вольно-народной земледельческой и промышленной колонизации края. Чуваши являлись одним из многочисленных компонентов пришлового населения Приенисейской Сибири последней трети XIX — второй половины XX в. В данной статье будут охарактеризованы некоторые черты этнодемографических и социокультурных процессов в чувашских сообществах, в ходе которых осуществлялся процесс их адаптации к жизни в Сибири, а также раскрыты особенности материальной и духовной культуры.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужили принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма позволил проследить формирование и эволюцию чувашского сообщества на территории Приенисейской Сибири в контексте социально-демографических, социокультурных, экономических и политических процессов, происходивших в сибирском социуме в конце XIX — второй половине XX в. Использование принципа объективности позволило автору провести анализ и учесть всю совокупность факторов, игравших значительную роль в жизнедеятельности чувашского населения в рассматриваемом регионе в течение всего изучаемого периода. В работе был также использован статистический метод, который позволил автору получить данные о численности чувашей, их поле и возрасте, местах проживания на юге Приенисейской Сибири, уровне грамотности и образования в указанных временных рамках. Проблемно-хронологический метод применен для изложения материала в хронологической последовательности в контексте двух периодов истории России — досоветского и

советского, а также качественных и количественных изменений в численности, хозяйственно-бытовом и социокультурном аспектах жизни чувашских сообществ в крае в этот период.

В статье был использован массив статистических источников, в частности, материалы всесоюзных переписей населения 1926 г.¹, 1939 г.², 1970 г.³, 1989 г.⁴, данные о населенных местах Сибирского края⁵. Проанализированы законодательные и делопроизводственные документы из архивов г. Минусинска, государственных архивов Красноярского края и Новосибирской области. Привлечены материалы тематических сборников, посвященных социокультурным и этнодемографическим процессам среди полиэтничного населения Приенисейского края применительно к дореволюционному периоду⁶, советской истории⁷, а также сведения, раскрывающие специфику хозяйственно-бытового положения народов, населяющих регион⁸. Данные источники позволяют раскрыть динамику численности, структуру населения по полу и возрасту, местам расселения чувашских переселенцев на территории края. Публицистические работы характеризуют вклад представителей чувашского народа в развитие хозяйства, науку и культуру региона⁹.

Результаты исследования и их обсуждение

Первые поселения чувашей, прибывших на территорию Приенисейской Сибири из Поволжья и Приуралья, относятся к концу XVIII — XIX в. Миграционные крестьянские потоки усилились в связи с отменой крепостного права в России, строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и переселенческим движением в Сибирь в ходе столыпинской аграрной реформы.

По данным С. Патканова, опиравшимся на результаты Всероссийской переписи населения 1897 г., при абсолютном преобладании русского населения Енисейской губернии (89,8 %) увеличилась доля народов Поволжья, в частности чувашей, до 0,13 % (650 чел.)¹⁰. Чувашское население концентрировалось в Ачинском уезде (471 чел., из них 253 мужчин, 218 женщин). В Тюльковской,

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. VI. Москва: Изд. ЦСУ СССР, 1928. 362 с.

² Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. Москва: Наука, 1992. 256 с.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Красноярск: Стат. упр. Красноярского края, 1971. 270 с.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп Weekly [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg= (дата обращения: 14.07.2025); Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск: [б. и.], 1990. 255 с.

⁵ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Сибирский крайисполком. Статистический отдел, 1929 [сайт]. URL: https://poisk.ngonb.ru/flir236/Kraevedenie/02/160407_Список%20населенных%20мест%20Сибирского%20края_Том2/7/ (дата обращения: 14.05.2025).

⁶ Межэтнические связи Приенисейского региона 1609 — 1916 гг.: сборник документов. Ч. I. Красноярск: АААКК, 2007. 215 с.

⁷ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917 — 1992 гг.: сборник документов. Ч. II. Красноярск: ААККК, 2007. 383 с.

⁸ Народное хозяйство Красноярского края: (Юбилейный стат. сборник) / ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Красноярского края. Красноярск: Кн. изд-во, 1985. 190 с.

⁹ Храмов Г. И. Чуваша на берегах Енисея: этнографический обзор. Красноярск: [б. и.], 2016. 112 с.

¹⁰ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения России, язык и роды инородцев. Санкт-Петербург, 1911. Т. 2. Тобольская, Томская, Енисейская губернии. 1911. С. 330 — 339.

Назаровской и Большеудинской волостях этого уезда доля чувашей составила 1,3 % жителей¹¹. В Минусинском уезде насчитывалось 86 чувашей (49 мужчин, 37 женщин), в Красноярском уезде — 57 чел. (37 мужчин, 20 женщин). В Канском уезде численность чувашского населения была незначительна — 30 чел. (23 мужчины, 7 женщин)¹². Из материалов переписи виден гендерный дисбаланс в пользу мужчин. Изначально это было связано с тем, что в новые места в сибирские регионы въезжали мужчины-ходоки с целью выявления пригодности территории для ведения хозяйства, а также строительства жилья.

В период столыпинского переселения 1900 — 1910-х гг. сформировался целый массив деревень в Енисейской губернии, населенных компактно заселившимися чувашами. К ним относились населенные пункты Канского уезда: поселок Волнистый (1907), деревни Бунинская (год основания — 1908), Парфеновка (1909), Джогин (1912), Средняя Шилка (1913). Другие, менее многочисленные деревни, основанные в это время, стали местами приселения последующих волн чувашей-мигрантов: Пирогова (1911), Шмелинская (1911), Шумиха (1912) [25]. В Красноярском уезде деревнями, компактно заселявшимися чувашами, стали Вершина-Каляжиха (1725), Казанка (1894), Веселая (1909), Козьмо-Демьяновка (Гребень), Троицкая (Черная), Казанская (Усть-Таловская) (1911). В Ачинском уезде чувашаи основали пос. Польский (1906), д. Александровку (Верх-Идетская) (1908), в Минусинском уезде — Щегонину заимку (1910)¹³.

В ходе инспекционных поездок представителей Русской православной церкви по православным приходам было выявлено, что чувашские переселенцы были выходцами преимущественно Казанской и Симбирской губерний. Прямое упоминание чувашских переселенцев относится к Козульскому приходу Ачинского уезда, открытому в 1911 г. «Население в приходе 1002 души мужского пола и 903 души женского пола. Жители прихода частью старожилы, но главным образом переселенцы, преимущественно из западных губерний; есть среди них инородцы (чувашаи)»¹⁴.

Из материалов переписи 1897 г. следует, что чувашаи сохраняли родной язык в семейном и внутриэтническом общении. Население было поголовно неграмотно, православная церковь предопределяла его жизнь и быт (крещение, венчание, похороны), регламентировала праздничные обряды, употребление продуктов питания [1, с. 39]. В верованиях православных чувашей сохранилось много языческих элементов — почитание огня, воды, земли и солнца, вера в добрых богов и злых духов, почитание хозяев дома и двора [2].

Будучи жителями сельской местности, чувашаи выращивали рожь, полбу, овес и ячмень. В Сибири они начали сеять пшеницу, постепенно вытеснившую озимую рожь, иногда гречиху и горох, если позволяли климатические условия. Кроме того, чувашские земледельцы культивировали лен, коноплю и хмель, а также картофель, который давал стабильные урожаи [3]. Животноводство из-за недостатка кормов большого развития не получило. Традиционно чувашаи занимались пчеловодством. Среди кустарных промыслов были развиты резьба по дереву (из-

¹¹ Патканов С. Указ. соч. С. 322 — 325, 330 — 338.

¹² Там же. С. 322 — 325.

¹³ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири...

¹⁴ Краткое описание приходов Енисейской епархии. Издание Енисейскаго Церковно-Историко-Археологическаго Общества. Красноярск: Эл.-тип. Епарх. братства, 1916. № 751. С. 104 — 105 // Национальная электронная библиотека [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009410963?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 07.10.2024).

готовление утвари, мебели, карнизов и наличников домов), гончарное и бондарное дело, плетение, вышивка, узорное ткачество, шитье бисером и монетами [2].

В период революционных катаклизмов 1917 г. и Гражданской войны переселенческий поток чувашей в Сибирь снизился. Но голод в Поволжье в начале 1920-х гг. побудил руководство Чувашской АССР принять решение о возобновлении планового переселения крестьян за пределы автономии [4, с. 162]. В Канском уезде Енисейской губернии были основаны деревни Чувашская (1918), Верхняя Шилка (1921), в Красноярском уезде — деревни Мало-Таловка (1918), Золотой ключ (1920), Малая Михайловка (Токаревка) (1922), Селенина, Уртель (1924), в Ачинском уезде — Московка (1926)¹⁵.

Советское правительство регулировало миграционные потоки «голодбеженцев». Под влиянием «продовольственных затруднений, недорода, пожаров, падежа скота, недостатка семян...» оно возобновило переселение в Сибирь. Однако в марте 1921 г., под влиянием тяжелых последствий переселения, массовой гибели мигрантов в пути губернские земельные отделы ограничили кампанию по переселению [5, с. 276 — 277].

По материалам Всероссийской переписи населения 1920 г. чувашское население Енисейской губернии выросло до 3155 чел. (0,26 % от всего населения). Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала уже 8858 чувашей, в том числе 4535 мужчин, 4323 женщин (0,57 % от численности всего населения региона), проживавших в 26 деревнях и поселках. Основными районами сосредоточения чувашского населения стали 3 округа: Канский (3087 чел.), Красноярский (2541 чел.), Ачинский (2542 чел.). В Минусинском и Хакасском округах чуваша проживали дисперсно среди иноэтничного населения в количестве 547 и 141 чел.¹⁶

В составе чувашского населения данных округов Сибирского края наблюдался гендерный дисбаланс мужчин и женщин, составлявший 104,9 к 100. В Ачинском и Канском округах мужчины преобладали над женщинами в соотношении 109,2:100 и 105,8:100. В Красноярском и Минусинском округах был небольшой перевес в пользу мужчин — 100,7:100 и 103,3:100¹⁷. В Хакасском округе, наоборот, наблюдалось преобладание женщин в соотношении 100: 93,2. Половые диспропорции среди чувашей могли быть вызваны большей смертностью женщин ввиду их неравноправного положения в семье, тяжести трудовых обязанностей и частых родов, а также недоучета в ходе проведения переписей населения. Несмотря на незначительные диспропорции в половозрастной структуре чувашских сообществ, в них заключались преимущественно этнически однородные браки, обеспечивавшие большую устойчивость существования народа.

В 1927 г. были сняты ограничения на переселение за Урал и в Сибирь беднейшего крестьянства из аграрно-перенаселенных районов РСФСР [5, с. 82, 84 — 85, 281]. В условиях массового переселения, когда мигранты расселялись дисперсно среди иноэтничного населения, чуваша стремились сохранить свою языковую, хозяйственно-бытовую и этнокультурную специфику.

Государственная политика в отношении образования и просвещения «восточных национальностей», к которым относились и чуваша, заключалась в ликвидации

¹⁵ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири...

¹⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. С. 17, 38, 43 — 44, 52, 83; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-10. Оп. 1. Д. 74. Л. 47 — 48. О формировании национальных сельсоветов в Сибирском крае.

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край...

неграмотности, развитии сети школ для детей и ликвидационных пунктов для взрослого населения, проведении «коренизации» — перевода обучения и делопроизводства с русского на родной язык, а также вовлечения их в процесс социалистических преобразований.

Проблема организации образования и просвещения народов Поволжья стояла особенно остро. В 1921 — 1922 гг. в Енисейской губернии было 7 чувашских школ [6, с. 228]. Школы располагались в селах Чувашская, Бунинская, Парфеновка, Троицкая Канского округа, Казанка, Малая Михайловка (Токаревка), Казанская (Усть-Таловская) Красноярского округа¹⁸. Преподавание в школах велось на двух языках — родном и русском.

Материальное состояние школ, разоренных в ходе Гражданской войны, снятых с финансирования Народного комиссариата просвещения, было крайне неудовлетворительным. Сложности в организации культурно-просветительской работы усугублялись нехваткой подготовленных учителей, учебных и методических пособий.

По данным Всесоюзной переписи 1926 г., доля грамотных чувашей составила 30,3 %. Образованию женщин, занятых в домашнем хозяйстве, рождением и воспитанием детей, должного внимания не уделяли. Основная часть чувашского населения, не имевшая собственных национальных учебных заведений и обучавшихся в русских школах, указала получение образования на русском языке¹⁹. Это свидетельствовало, с одной стороны, о начавшихся процессах развития языковой ассимиляции среди чувашей, а с другой — о «продолжительности их этнокультурных контактов с русским народом и их совместным расселением» [7, с. 39 — 40]. Грамотность на родном языке была существенно выше в районах компактного расселения чувашского населения. 86,6 % чувашей, проживавших в округах бывшей Енисейской губернии, владели родным языком²⁰.

По неполным данным Енисейского губернского совнацмена от 1925 г., речь идет о 391 чувашском ребенке школьного возраста, из которых посещали школу только 83 (21,2 %) ²¹. Канский окружной комитет ВКП(б) в справке о просветительской работе среди национальных меньшинств указал, что с 1925 по 1927 г. количество чувашских школ в округе выросло с 3 до 4, учащихся — с 110 до 180, охвачено обучением 40 % детей. Для взрослого населения с целью ликвидации неграмотности было организовано три ликвидационных пункта и одна изба-читальня. Охват обучением неграмотных составил 20 % ²².

О жизни и быте чувашей, проживавших в Сибирском крае, свидетельствует сводка материалов по Красноярскому округу о хозяйственном обслуживании нацменьшинств. В ней говорится, что чуваша являлись народом, занимавшимся сельскохозяйственным трудом, «характер землепользования был преимущественно общинный» ²³. В резолюции I окружного совещания по работе среди нацменьшинств Ачинского окрисполкома от 5 января 1928 г. говорилось о необходимости оказывать им поддержку в развитии сельского хозяйства, в том числе «со стороны агрономов и ветеринарных работников». Было рекомендовано «усилить работу по производственному кооперированию и коллективизации нацменхозяйств

¹⁸ Список населенных мест Сибирского края. Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. ...

¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. С. 17 — 18, 38 — 39, 43 — 44, 52 — 53, 83 — 84.

²⁰ Там же.

²¹ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917 — 1992 гг. С. 109 — 111.

²² ГАКК. Ф. П-96. Оп. 1. Д. 372. Л. 1, 7. Справка о просветительской работе среди нацмен.

²³ Там же. Л. 6.

и наладить их обслуживание», беднякам предоставлять «ссудные кредиты, применение льгот по землеустройству...». Отмечалась важность мер по «созданию кадра технических работников... из числа нацмен»²⁴. В 1928 г. чувашам выделялись земли под строительство в Балахтинском, Больше-Муртинском, Даурском, Казачинском районах²⁵.

Особое внимание обращалось на социальную сферу. В названной резолюции Ачинского окрисполкома было указано на необходимость борьбы с «социально-бытовыми и венерическими заболеваниями среди нацмен», в том числе с трахомой, сифилисом. Было рекомендовано организовывать специальные акушерские пункты для обеспечения родовспоможения, способствовать созданию сельских детских яслей²⁶. Проблема охраны материнства и младенчества рассматривалась как крайне важная для чувашского населения в связи с большой младенческой смертностью. Так, по данным по Западносибирскому краю за 1934 г., доля детей от всех умерших чувашей составила 44,8 %, на 100 родившихся приходилось 50,3 умерших²⁷. Во многом это объяснялось разорением деревни в результате коллективизации, а также неразвитостью системы здравоохранения в сельской местности.

В рамках политики советизации населения чувашей вовлекали в общественную работу. В докладе Красноярского окружного исполкома о работе среди нацменьшинств с 1 октября 1926 г. по июнь 1927 г. отмечалось, что на выборах в сельсоветы было выделено 55 «нацмен избирательных участков», в том числе 6 чувашских. На многих участках работа велась на родном языке, что значительно увеличило интерес к избирательной кампании. В Балахтинском районе участие в ней чувашей составило 47 %. Население активно участвовало в обсуждении работы сельсоветов: о землеустройстве, ремонте дорог и мостов, снабжении семенами и сельхозмашинами, улучшении медицинской, агрономической и ветеринарной помощи²⁸. В процессе формирования национальных сельсоветов в Сибирском крае с преобладанием различных этнических групп был сформирован один национальный чувашский сельсовет в Красноярском округе²⁹.

В середине 1930-х гг. политика поощрения советским правительством школьного образования национальных меньшинств фактически прекратилась. Национальные школы перевели на содержание местных бюджетов. Тем не менее в Красноярском крае школы «восточных народов», в том числе чувашские, продолжили работу. В 1941 г. в Красноярском крае насчитывалось 20 чувашских школ³⁰.

В 1930 — 1940-е гг. население Приенисейской Сибири пополнялась за счет добровольной и принудительной миграции. Перепись 1939 г. зафиксировала рост чувашского населения до 13 338 чел. (0,7 %) ³¹. Активно и плотно заселялись

²⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 2. Ч. I. Д. 2415. Л. 57 — 58. Сводка материалов по хозяйственному обслуживанию нацменьшинств в Сибкрае. 29.04.1929.

²⁵ Там же. Л. 56, 215. О развитии сельского хозяйства среди нацменьшинств.

²⁶ Там же. Л. 59. Сводка материалов по хозяйственному обслуживанию нацменьшинств в Сибкрае. 29.04.1929.

²⁷ ГАКК. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 122. Л. 26. Сводка материалов по хозяйственному обслуживанию нацмен в Сибирском крае. 29.04.1929.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 33. Л. 44 об., 45. Сведения о рождаемости и смертности в Западносибирском крае в 1934 г.

²⁹ ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 74. Л. 187. О формировании национальных сельсоветов в Сибирском крае.

³⁰ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917 — 1992 гг. С. 198.

³¹ Там же. С. 47 — 48.

Ачинский, Больше-Муртинский, Казачинский, Абанский, Козульский и Тасеевский районы Красноярского края. В Хакасской автономной области и других районах края чуваша проживали дисперсно среди иноэтничного населения³².

Гендерный дисбаланс чувашей в Красноярском крае, в отличие от РСФСР, сохранялся в пользу мужчин: 51,4 % к 48,6 % (соответственно 6860 и 6478 чел.)³³. При этом в брачно-семейной сфере чувашей сохранялась этническая эндогамия. В смешанные браки, как правило с участием русского населения, чаще вступали мужчины. Перепись 1939 г. также зафиксировала преобладание среди чувашей сельчан — 85,5 %³⁴.

Грамотность населения Красноярского края в пределах начального образования выросла до 86,1 % среди возрастных групп 9 — 49 лет, оставаясь небольшой для населения от 50 лет и старше — 33,3 %. В грамотности мужчин и женщин-чувашей старших возрастов сохранялся значительный разрыв (соответственно 51,6 и 8,7 %)³⁵.

В августе 1949 г. было возобновлено плановое переселение в Сибирь. В 1950 г. предполагалось переселить в колхозы Красноярского края 600 семей из Мордовии и Чувашии [8, с. 37]. Часть переселенцев была направлена на объекты промышленного строительства в Красноярске, угольные шахты Хакасии и Канского рудоуправления, строительство в 1957 г. железной дороги Абакан — Тайшет и т. д. В 1959 г. доля чувашей, прибывших из Чувашской АССР по оргнаборам в леспромхозы, на промышленные предприятия и освоение целинных земель³⁶, возросла до 0,8 % (21,1 тыс.). Приживаемость сельчан-мигрантов в крае была значительной: на 1000 прибывших из Чувашской АССР приходилось только 382 выбывших [5, с. 118 — 120].

В районах компактного расселения чувашей (Пировский, Казачинский, Бирилюсский, Боготольский, Даурский, Балахтинский, Больше-Улуйский, Держинский, Абанский, Тасеевский районы Красноярского края) в соответствии с приказом крайоно от 10 ноября 1951 г. национальные школы были переведены на учебные планы школ Чувашской АССР. Там выполнялись заказы на учебники, художественную и методическую литературу для школ. Повышение квалификации учителей 1 — 4-х классов чувашских школ осуществлялось на краевых курсах³⁷. Переход в конце 1950-х гг. к всеобщему основному образованию привел к увеличению использования русского языка в национальной школе. Ликвидация неперспективных деревень и укрупнение хозяйств вызвали в конце 1960-х гг. закрытие чувашских школ либо полный переход на русский язык обучения³⁸.

Как и другие народы Приенисейской Сибири, чувашей затронули процессы урбанизации. В 1959 — 1989 гг. доля горожан-чувашей выросла с 26,3 до 55,0 %³⁹. Численность чувашского населения росла вплоть до 1970 г. (28 565 чел., 0,96 % в

³² Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ga.php?reg=152 (дата обращения: 29.07.2025).

³³ Распределение городского и сельского населения регионов РСФСР по национальности и полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php?reg=4&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 29.07.2025).

³⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г... С. 60.

³⁵ Там же. С. 40, 84, 86.

³⁶ Храмов Г. И. Чуваша на берегах Енисея: этнографический обзор. С. 8.

³⁷ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917 — 1992 гг. С. 217.

³⁸ Там же. С. 198.

³⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. С. 227 — 228.

составе населения). Переписи 1979 и 1989 гг. зафиксировали снижение числа чувашей с 27 050 чел. (0,85 %) до 26 865 чел. (0,75 %) ⁴⁰. В то же время чувашки оставались шестым по численности народом Красноярского края. К 1989 г. дисбаланс полов чувашского населения, как и в целом по РСФСР, отмечался в пользу женщин: 47,4 % мужчин и 52,6 % женщин ⁴¹. Отмечались процессы «демографического старения населения»: доля лиц старше трудоспособного возраста составляла 17,8 %, в то время как доля детей и подростков до 16 лет снизилась до 11,0 % [2].

Основной причиной сокращения численности чувашского населения Приенисейской Сибири стала смена национальной идентификации и ассимиляция. Во второй половине XX в. национальные элементы в культуре чувашей края стали занимать все менее значительное место. Народная специфика исчезает из свадебных обрядов, фольклора, народного искусства. Чувашский язык постепенно вытесняется из внутриаэтнического общения. Если в 1959 г., по данным переписи населения, чувашский язык считали родным 72,4 % сельских чувашей Сибири, то в 1989 г. — только треть. К этому времени национально-культурные предпочтения сохраняли лишь 40 % чувашского населения. Углублению ассимиляционных процессов среди чувашей способствовала эволюция мононациональных браков к межэтническим [2].

Вместе с тем во многих районах Красноярского края остались населенные пункты с сохранившимися традициями и самобытной культурой чувашей — 12 сел и деревень компактного проживания, которые хранят самобытность, традиции и культуру предков. Больше всего их в Казачинском, Большемуртинском районах, в том числе в мононациональной деревне — Казанке, где начали создавать группы изучения родного языка.

С марта 2003 г. на территории края действует Красноярская региональная Чувашская национально-культурная автономия, в которую входят 23 представительства в районах и городах компактного проживания чувашей. В рамках ее деятельности были созданы 3 музея, в том числе 2 музея чувашского быта, 1 библиотека, 1 фонотека. Концертную деятельность осуществляют 21 ансамбль, группы и коллективы художественной самодеятельности. Особенной популярностью пользовались ансамбли чувашских песен и танцев: народные самодеятельные коллективы «Подснежник» Казачинского района, «Друзья», «Дубравушка», чувашской песни «Березка» Балахтинского района и др. ⁴²

В Хакасии в с. Доможаково Усть-Абаканского района чувашки составляют большинство населения — 44,0 %, хакасы — 19,0 %, русские — 34,0 % [9, с. 34]. В село они массово переселились в 1950-е гг., сохраняя уникальную культуру, язык, песни, народные костюмы и кухню. Народным традициям они следуют благодаря созданной в 2011 г. местной национально-культурной автономии чувашей района «Пилеш» («Рябина»). Основными направлениями деятельности культурно-досугового центра автономии являются популяризация чувашской культуры, проведение выставок, конкурсов и различных фестивалей [10].

Выводы

В целом на протяжении конца XIX — второй половины XX в. чувашки стабильно входили в десятку наиболее многочисленных народов Приенисейской

⁴⁰ Межэтнические связи Приенисейского региона 1917—1992 гг. С. 47—48.

⁴¹ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности // Демоскоп Weekly [сайт]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg= (дата обращения: 14.07.2025).

⁴² Храмов Г. И. Чувашки на берегах Енисея: этнографический обзор. С. 11.

Сибири, расселяясь компактно или дисперсно в Ачинском, Канском, Красноярском уездах/округах Енисейской губернии (впоследствии Красноярского края). Чувашское население за счет естественного, но прежде всего миграционного прироста выросло с 1897 по 1989 г. в 41,3 раза: с 650 до 26 865 чел. Находясь вне регионов привычного географического и исторического проживания, чувашаи, являясь преимущественно сельскими жителями, стремились сохранить этнические элементы традиционной материальной и духовной культуры (пища, праздничная светская и религиозная обрядность, язык, фольклор, традиционный костюм, способы хозяйствования и проч.). В то же время, взаимодействуя с другими народами полиэтничного сибирского социума, заимствовали элементы их этнокультурных и хозяйственно-бытовых комплексов. В советскую эпоху чувашаи-переселенцы были вовлечены в процессы социалистического социально-экономического и политического переустройства Приенисейской Сибири, в послевоенный период участвовали в освоении целинных земель, развитии промышленности и социокультурной сферы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов В. И. Национальности в СССР: Этнодемографический обзор. Москва: Финансы и статистика, 1982. 303 с.
2. Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край. Чувашаи // Красноярский край [официальный портал]. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/7?ysclid=mbdnlpf4j508195854> (дата обращения: 12.07.2025).
3. Чувашаи в Сибири: народ из Поволжья // Библиотека сибирского краеведения [сайт]. URL: <https://bsk.nios.ru/content/chuvashi-v-sibiri-narod-iz-povolzhya-0?ysclid=mc7vr3ufuc653994573> (дата обращения: 12.07.2025).
4. История Чувашии новейшего времени. 1917 — 1945 / А. В. Изоркин, В. Н. Клементьев, Г. А. Александров. Кн. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 261 с.
5. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1976. 284 с.
6. Корольков О. Л. Национальные школы народов Поволжья 20-х годов XX века // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск: Кларетианум, 2004. С. 226 — 230.
7. Брук С. И., Губогло М. Н. Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе на современном этапе // История СССР. 1974. № 4. С. 39 — 40.
8. Занданова Л. В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Вестник Иркутского государственного университета. Серия: Религиоведение. Политология. 2007. № 1. С. 27 — 45.
9. Кривоногов В. П. Хакасы: Этнические процессы во второй половине XX века. Абакан: Центавр, 1997. 144 с.
10. Карачакова О. М. Чувашаи в Хакасии: история и сегодняшний день диаспоры 07.02.2018 // Абакан — БезФормата [сайт]. URL: <https://abakan.bezformata.com/listnews/chuvashi-v-hakasii-istoriya-i-segodnyashnij/64696930/> (дата обращения: 12.07.2025).

REFERENCES

1. Kozlov V. I. The nationalities in the USSR: an ethnodemographic review. Moscow;1982:303. (In Russ.)
2. The ethnoatlas: the peoples and nationalities inhabiting Krasnoyarsk region. The Chuvash // Krasnoyarsk region [official portal]. URL: <http://www.krskstate.ru/about/narod/etnoatlas/0/eid/7?ysclid=mbdnlpf4j508195854> (reference date: 12.07.2025). (In Russ.)
3. The Chuvashin Siberia: Anation from the Volga Region // Library of Siberian Regional Studies [website]. URL: <https://bsk.nios.ru/content/chuvashi-v-sibiri-narod-iz-povolzhya-0?ysclid=mc7vr3ufuc653994573> (reference date: 12.07.2025). (In Russ.)
4. The history of Chuvashia in modern times. 1917 — 1945 / A. V. Izorkin, V. N. Klementyev, G. A. Aleksandrov. Book 1. Cheboksary;2001:261. (In Russ.)
5. Platonov N. I. The resettlement policy of the soviet state and its implementation in the USSR (1917 — June 1941). Tomsk;1976:284. (In Russ.)

6. Korolkov O. L. National schools of the peoples of the Volga Region in the 1920s of 19th century // Preservation and interpenetration of national cultures as a factor in the sustainable development of the Yenisei Region. Krasnoyarsk;2004:226 — 230. (In Russ.)

7. Brook S. I., Guboglo M. N. Development and interaction of ethnodemographic and ethnolinguistic processes in the soviet society at the current stage // History of the USSR. 1974;4:39 — 40. (In Russ.)

8. Zandanova L. V. Main stages in the development of soviet resettlement policy and the formation of resettlement bodies // Vestnik of Irkutsk State University. Series: Religious studies. Political Science. 2007;1:27 — 45. (In Russ.)

9. Krivonogov V. P. The Khakass: Ethnic processes in the Second Half of 19th century. Abakan;1997:144. (In Russ.)

10. Karachakova O. M. The Chuvash in Khakassia: The history and present day of the diaspora. February 7, 2018 // Abakan — BezFormata [website]. URL: <https://abakan.bezformata.com/listnews/chuvashi-v-hakassii-istoriya-i-segodnyashnij/64696930/> (reference date: 12.07.2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.05.2025;
одобрена после рецензирования 24.10.2025; принята к публикации 25.10.2025

Информация об авторе:

Баранцева Наталья Анатольевна, заведующий кафедрой истории
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова
(655017, Россия, г. Абакан, пр. Ленина, 90, корп. 2),
кандидат исторических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1721-4705>, barantzeva@inbox.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editorial office 28.05.2025;
approved after reviewing 24.10.2025; accepted for publication 25.10.2025

Information about the author:

Natalia A. Barantseva, head of the history department,
the Khakassian State University named after N. F. Katanov
(90/2, Lenin Ave., Abakan, Russia, 655017),
candidate of Historical Sciences, associate Professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1721-4705>, barantzeva@inbox.ru

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 28.05.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗан 24.10.2025 ырланӑ; 25.10.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Баранцева Наталья Анатольевна, Н. Ф. Катанов ячӗллӗ
Хакас патшалӑх университетӗн истори кафедрин пуҗлӑхӗ,
(655017, Раҗсей, Абакан хули, Ленин пр., 90, 2 корп.),
истори аслӑлӑхӗсен кандидачӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1721-4705>, barantzeva@inbox.ru

*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

УДК 94(470.344)"1941/1945"
ББК 63.3(2Рос.Чув)622

Научная статья

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. И. Бойко

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
boyko2003@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления, по которым идет изучение российской повседневности. Показан вклад отдельных ученых в становление и развитие этого сектора исторической науки. Заметное внимание уделено изучению ее различных аспектов в годы Великой Отечественной войны. Отмечено изменение содержания повседневной жизни в этот период, в том числе усиление чрезвычайности во всех сферах жизни, сокращение всех видов ресурсов, нарастание дефицита в предметной среде, возрастание роли женщин в организации жизнеустройства, сокращение времени на частную жизнь, возрастание общественных задач, проблема воспитания и сохранения детей и подростков, организация работы детских домов. Объективный анализ особенностей традиционной жизни в годы войны во многом определяется наличием или отсутствием соответствующей источниковой базы.

Ключевые слова: история повседневности, Великая Отечественная война, население Чувашии, письма на фронт

Для цитирования: Бойко И. И. Повседневная жизнь населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны: подходы и направления исследования // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 30 — 43

© Бойко И. И., 2025

Scientific article

DAILY LIFE OF THE POPULATION OF CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: APPROACHES AND RESEARCH DIRECTIONS

I. I. Boyko

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
boyko2003@yandex.ru

Abstract. This article studies the main areas related to the Russian daily life. The contribution of individual scholars to the formation and development of this historical sector has been highlighted. Particular attention is devoted to the study of various aspects in the Great War daily life in particular the changes such as intensification of emergency in all spheres of life, the reduction of all types of resources, the growing shortages in the material environment, the increasing role of women in life order organization, private life time reduction, the increasing importance of public affairs, the problem of raising and caring for children and adolescents and orphanages' work organization. The presence or absence of a relevant source base determines an objective analysis of traditional life peculiarities during the war.

Keywords: everyday history, the Great Patriotic War, the population of Chuvashia, the letters to the front

For citation: Boyko I. I. Daily life of the population of Chuvashia during the Great Patriotic War: approaches and research directions // Modern humanities. 2025;1(4):30 — 43

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЕН ХАЛĂХĔН ТĂВАН ÇĔР-ШЫВĂН АСЛĂ ВĂРÇИ ÇУЛĔСЕНЧИ КУЛЛЕНХИ ПУРНĂÇĔ: ТĔПЧЕВ МЕЛĔСЕМПЕ ÇУЛ-ЙĔРĔСЕМ

И. И. Бойко

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
boyko2003@yandex.ru

Аннотаци. Статьяра Раççейри кулленхи пурнăçа тĕпченин паллăрах туртăмĕсене пăхса тухнă. Истори аслăлăхĕн çак ыйтусене тишкерекен пайне аталантарас ёçри тĕпчевĕсен çитĕнĕвĕсене кăтаргнă. Тăван çĕр-шывăн Аслă вăрçи вăхăтĕнчи пурнăçан тĕрлĕ енĕсене тишкернĕ. Çак тапхăрта кулленхи лару-тăру тĕпрен улшăннине пăхса тухнă: пурнăçан пур енĕнче те ăнсăртлăхпа хатарлăх вай илнине, пурлăх тĕлĕшĕнчен майсем палăрмаллах чакнине, куллен кирлĕ япаласем çителĕксĕр пулнине, пурнăç условийĕсене йĕркелесси ытларах та ытларах хĕрарăм çине тиеннине, харпăр пурнăç валли уйăракан вăхăт чакнине тата обществăпа сыхăннă задачăсен пĕлтерĕшĕ ўснине палăртнă; ачасемпе çамрăксене çитĕнтерессипе тата ача сурçĕсен ёсне йĕркелессипе сыхăннă ыйтусене çĕкленĕ. Халăхăн вăрçă вăхăтĕнчи пурнăçĕн уйрăмлăхĕсене кăтартакан тĕпчевсен тĕрĕслĕхĕ чылай чухне тивĕçлĕ çалкуçсен никĕсĕ пуррипе суккинчен килет.

Тĕп сăмахсем: кулленхи пурнăç историйĕ, Тăван çĕр-шывăн Аслă вăрçи, Чăваш Ен халăхĕ, фронта янă çырусем

Цитатăлама: Бойко И. И. Чăваш Ен халăхĕн Тăван çĕр-шывăн Аслă вăрçи çулĕсенчи кулленхи пурнăçĕ: тĕпчев мелĕсемпе çул-йĕрĕсем // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 30 — 43

Введение

О событиях Великой Отечественной войны написаны книги и воспоминания, сняты прекрасные фильмы, созданы бессмертные музыкальные произведения и т. д. Память об этом времени проходит через поколения россиян и становится одной из основных опор их идентичности. Закономерно, что в связи с войной чаще вспоминают фронтовые подвиги, работу тыловых предприятий промышленности, сельского хозяйства, транспортников и проч. Реже речь идет о повседневной тыловой жизни: как люди переносили трудности и лишения, в каких условиях жили и питались, как лечились в случае болезней, как одевали и кормили детей. В статьях и книгах, сборниках документов, посвященных войне, подобные сюжеты встречаются, но они редко становятся ведущими темами.

Материалы и методы

В статье изучаются труды российских ученых по рассматриваемой теме, сделана попытка их группировки по отдельным направлениям. Автор опирается на принципы историзма, системности, объективности. С опорой на достижения предшественников, а также указанные методологические и методические основы научного анализа предложено авторское понимание изменения содержания повседневной жизни в условиях военного времени.

Результаты исследования и их обсуждение

В первой части статьи дается краткий анализ исследований российских ученых, посвященных общим и отдельным вопросам проблем повседневности. Во второй части мы попытались показать особенности повседневной жизни в годы войны применительно к Чувашии, сознавая при этом, что привести какой-либо полный перечень изменений повседневной жизни с наступлением военных испытаний невозможно.

Повседневность в исследованиях российских ученых

Российская история повседневности имеет значительное методологическое и историографическое осмысление. Само понятие «история повседневности» вошло в арсенал отечественных исследователей в 1990-е гг. Речь идет о материалах конференций [28], отдельных статьях, монографиях [7; 9; 21] и др. Благодаря усилиям таких отечественных исследователей, как Н. Л. Пушкарева, Е. С. Сеньявская, А. С. Сеньявский, Н. Б. Лебина, Е. Ю. Зубкова, Н. Н. Козлова, С. В. Любичанковский, Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина, И. Б. Орлов, С. В. Журавлев, А. К. Соколов и др., было показано, что реконструкция обыденной жизни — весьма непростое занятие и, как отметила Н. Л. Пушкарева, «во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна, во-вторых, у историка часто нет источников (или слишком много), относимых именно только к ней» [26]. Этот исследователь внес значительный вклад в осмысление и продвижение истории повседневности как самостоятельного научного направления [3]. С ее точки зрения, это «сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах», образ жизни и его изменения «у представителей разных социальных слоев», трансформация «их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события» [26, с. 3]. Позднее в совместной статье с С. В. Любичанковским были подтверждены следующие компоненты повседневности: 1) событийная область публичной повседневной жизни; 2) частные события, то есть приспособление людей к внешнему миру; 3) обстоятельства личной домашней жизни; 4) эмоциональная сторона событий, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и локальными группами; 5) праздничное в обыденной жизни, если оно разыгрывается по одному и тому же повторяющемуся сценарию [27, с. 9]. Здесь же они подтверждают мысль С. В. Любичанковского о возможности рассматривать в качестве субъекта истории повседневности «и отдельного человека, и (очень часто) выделенные по определенным признакам группы людей» [27, с. 13 — 14]. Тем самым развивается наблюдение Е. С. Сеньявской о том, что в военную пору особое значение приобретают так называемые коллективные (групповые) настроения [32, с. 60].

Известный российский социолог М. К. Горшков отмечает, что существует огромное количество и чисто обыденных, и сугубо философских, социологических объяснений данного понятия. По его мнению, в контексте житейской трактовки повседневность — это привычные, повторяющиеся формы жизнедеятельности человека, при которых происходит реализация его насущных потребностей. С позиции наиболее распространенной научной интерпретации повседневность понимается как процесс жизнедеятельности индивидов, который развертывается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий [5, с. 57].

К настоящему времени имеется достаточно много историографических и методологических исследований, посвященных истории повседневной жизни в целом и отдельным ее сюжетам [2; 10 — 12; 22; 24; 33]. Особым направлением стало изучение жизни «рядовых» людей в годы войны. Начало историко-психологическому осмыслению положения людей в военных условиях положили труды Е. С. Сеньявской [30 — 32] и др. В 2003 г. был издан сборник документов личного и официального происхождения, посвященный особенностям массового сознания, фронтовой и тыловой повседневности¹.

¹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939 — 1945: сборник документов / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. Москва: РОССПЭН, 2003. 472 с.

В ряде изданий ростовских ученых в значительной мере характеризуется повседневный мир советского человека в довоенное, военное и послевоенное время [18; 19]. В коллективной монографии «Народ и война», подготовленной в Институте Российской истории РАН, отдельный раздел посвящен влиянию войны на население страны, повседневной жизни в тылу. Авторами, в том числе Н. А. Араповец, О. М. Вербицкой и В. Б. Жиромской, показаны будни городского населения и повседневная жизнь деревни в годы войны [1]. Повседневной жизни наших сограждан посвящена монография М. С. Зинич [8]. Автор полагает, что контекст повседневности дает возможность анализировать как общегосударственную стратегию в годы войны, так и частные практики выживания в различных условиях [8, с. 7]. Такая постановка вопроса перекликается с тезисом И. Б. Орлова, считающего, что именно в анализе повседневной жизни содержится ключ к разгадке часто возникающего при знакомстве с конкретными судьбами людей вопроса: как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи? Как люди приспосабливались к жизненным обстоятельствам? [25, с. 32].

На эти и другие вопросы отвечали авторы исследований о повседневной жизни в годы войны в различных регионах страны. Особенности этих процессов в Северной Осетии анализировала Л. Ч. Хаблиева и др. авторы [35; 36]. О наличии интереса к различным сторонам жизни тыловых регионов свидетельствует тематика диссертационных исследований, увидевших свет во втором десятилетии XXI в.: опубликованы работы о повседневной жизни такого индустриального центра, каким стал в годы войны Нижний Тагил², об отличительных чертах обыденной жизни в тылу у таких социально-демографических групп, как женщины³. Отдельные сюжеты этой проблемы на Ставрополье раскрыты в диссертации А. И. Тальцева⁴. Появились историографические обобщения некоторых направлений исследований по данному вопросу, относящихся к периоду войны [14; 15; 23; 37] и др.

Практически самостоятельным направлением научных изысканий стала проблема детства в годы войны. Особо отметим усилия в этом направлении Е. Ф. Кринко. В 2006 г. он опубликовал статью о проблемах и перспективах изучения этой задачи [16]. Позднее вышла еще одна историографическая статья ростовского исследователя, а затем в этом же году вместе с соавторами он опубликовал вводную часть книги с воспоминаниями детей Сталинграда, в которой также поставил ряд методических и историографических проблем [17; 20]. Об отражении повседневной жизни детей в годы войны на страницах республиканской газеты «Социалистическая Осетия» свидетельствует статья коллектива авторов [34]. Жизни детей в Молотовской (Пермской) области посвящена диссертация В. М. Коренюк⁵,

² Гонцова М. В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны: на материалах г. Нижний Тагил: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-педагогич. академия, 2011. 30 с.

³ Гетманова Е. С. Повседневная жизнь женщин Ставрополья в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь: Северо-Кавказ. федерал. ун-т, 2016. 30 с.

⁴ Тальцев А. И. Повседневная жизнь советского общества в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ставрополья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т, 2024. 31 с.

⁵ Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пермь: Пермский гос. гуманитарно-пед. ун-т, 2017. 33 с.

о школьниках Тюмени пишет Д. А. Вычеров⁶. Цикл работ, посвященных женщинам и детям в годы войны, принадлежит исследователю из Костромы Е. Ю. Волковой. Первому из этих направлений посвящена диссертация на соискание доктора исторических наук⁷, второму – монография [4].

Имеются труды, раскрывающие весьма своеобразные объекты исследования. Например, речь может идти о жизни партизан⁸, советских граждан, угнанных в Германию [13] и др. Понятно, что для анализа подобных тем требуется опора на достаточно редкие источники.

Особенности повседневной жизни населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война кардинально преобразила жизнь советского общества, стала для него самым масштабным и острым потрясением. С точки зрения интересующей нас проблемы следует отметить, что изменилось само содержание повседневности для всех социальных групп населения. Это определялось следующими обстоятельствами.

Во-первых, произошло усиление чрезвычайности во всех сферах жизни. На государственном уровне были приняты решения, повышающие ответственность граждан за исполнение своих обязанностей как на производстве, так и в быту. Государство вводило комплекс ограничений и дополнительных обязанностей для граждан: их привлекали к различным трудовым повинностям, в том числе к участию в работах оборонного характера. Например, в тыловых регионах, достаточно близких к фронту, население мобилизовывалось на строительство оборонительных сооружений. В Чувашии, в частности, речь идет о возведении Сурского и Казанского оборонительных рубежей. В основном в ноябре 1941 — феврале 1942 гг. ежедневно здесь было задействовано до 85 тыс. чел., иногда эти цифры достигали 110 тыс. чел. Минимальный возраст участников этих событий должен был ограничиваться 17-летними юношами и девушками, но нередкими были случаи привлечения и подростков гораздо моложе, в том числе и по причине замены своих родственников, односельчан. Всего было вырыто 380 км траншей, окопов, построены блиндажи, ДОТы, ДЗОТы и другие сооружения. Большинство работников составляли женщины при доминировании тяжелого ручного труда.

В регионах расквартировывались формирувавшиеся воинские части и учреждения, на население легли определенные обязанности по их обслуживанию. На хозяйствующие субъекты и на частных лиц возлагались обязанности по предоставлению рабочей силы, транспортных средств и другие работы. Регулярными были мобилизации на заготовку дров.

Во-вторых, произошло сокращение практически всех видов ресурсов: материальных, финансовых, но прежде всего — человеческих. В Чувашии перед войной проживало около 1,1 млн чел., из них 47 % приходилось на мужчин, то есть их насчитывалось порядка 507 тыс., из которых около половины составляли лица призывного возраста. Призыв в Красную Армию имел ярко выраженный гендер-

⁶ Вычеров Д. А. Повседневная жизнь советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург: Российский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 2023. 23 с.

⁷ Волкова Е. Ю. Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2008. 37 с.

⁸ Литвинова О. Н. Культура повседневной жизни партизан Брянского края в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 2008. 24 с.

ный характер, то есть на войну уходили прежде всего мужчины, и они среди призывников, добровольцев и мобилизованных за годы войны составили свыше 80 % всех представителей сильного пола Чувашии, которые по возрасту должны были служить в рядах Красной Армии и Военно-морского флота. У оставшихся в тылу наблюдается официальное и личное повышение уровня ответственности перед руководством, коллегами по работе, перед семьей, в первую очередь перед детьми. Также наблюдалось возрастание физической, психологической, моральной усталости и напряжения, которое сопровождало каждую семью и каждого человека. В семьях фронтовиков присутствовал постоянный страх потерять мужа, сына, брата, отца.

Сокращение доступа как к продуктам, так и к бытовым вещам, одежде, обуви, средствам гигиены и многому другому вызвало к жизни механизм их распределения. Первоначально система карточного распределения постановлением СНК СССР была введена 17 — 19 июля 1941 г. в Москве, Ленинграде, а также в городах одноименных областей, затем распространилась и по всей стране. В наркомате торговли страны были разработаны положения по использованию карточек населения, которое было дифференцировано по социально-производственному признаку. При этом карточная система была распространена среди городского населения, а членам колхозов продовольствие распределялось в соответствии с заработанными трудоднями, а также они использовали продукцию личного подсобного хозяйства. Распределение продовольственных и промышленных ресурсов в городской местности с помощью карточной системы, с одной стороны, выравнивало положение и возможности людей, с другой — создавало серьезные проблемы для семей, не имевших в своем составе трудоспособных членов. Для них особенно характерно острое восприятие несправедливости, с их точки зрения, при распределении ресурсов. Применительно к Чувашии быт и социальное положение населения проанализированы в монографии А. Д. Григорьева [6].

В-третьих, меняется предметная среда повседневности, прежде всего это относится к жилищам. В Чувашию как в тыловую регион было эвакуировано свыше 70 тыс. жителей западных областей. Часть из них прибыла вместе с предприятиями, часть оказалась в республике как эвакуированные семьи. Работников эвакуированных заводов и фабрик, членов семей военнослужащих расселяли в быстро возведенных общежитиях, но чаще всего подселяли к жителям города, которым приезжие платили квартирную плату. Росла скученность, антисанитария, что стало серьезной проблемой для санитарных служб, медицинских работников. Подобные проблемы были и в сельской местности, наверное, не такие острые по жилью, но здесь возникали проблемы с непониманием местного, чувашского населения и приезжих, большей частью русских, украинцев, белорусов, эстонцев, латышей и др. Не во всех семьях это проявлялось открыто, но такие случаи имели место. Играли роль социальные различия, когда эвакуированные граждане, представлявшие городское население с достаточно высоким материальным достатком, столкнулись с деревенским бытом, низким, по их представлениям, уровнем культуры. Дефицитом как для эвакуированных, так и местного населения стала мебель, одежда, белье, обувь, особенно для детей, продукты, хозяйственная утварь и многое другое.

В-четвертых, заметными стали изменения в гендерном распределении по организации повседневной жизни. Распорядительные уровни на общереспубликанском уровне — обком, горкомы и райкомы ВКП(б), республиканские наркомы

ты, крупные предприятия — в основном оставались за мужчинами, но на более низком уровне заметной стала доля женщин-руководительниц и исполнительниц. В общественной жизни, например, проявилась роль советов жен офицерского состава, созданных при военкоматах в основном в 1942 г. Они вели большую и разностороннюю работу, помогая не только семьям офицеров, но и всех военнослужащих, находящихся на фронте. Безусловно, в круг их обязанностей была включена агитационно-пропагандистская работа, в частности, в своих населенных пунктах, прежде всего в городах, они организовывали проведение лекций, бесед, коллективные чтения газет. Одним из обязательных пунктов стало изучение книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», вышедшей в 1942 и 1944 гг. Советами жен проводились собрания, на которых обсуждались вопросы организации жизни в тылу, в том числе улучшение материально-бытовых нужд семей фронтовиков, организация индивидуальных и коллективных огородов, выплата пособий, помощь в воспитании детей, различные формы моральной поддержки и многое другое. Жены офицеров достаточно активно участвовали в художественной самодеятельности, давали концерты, в том числе платные. Например, совет жен г. Алатыря в марте 1944 г. организовал платный концерт и на вырученные деньги закупил детские обеды на 1850 руб. и выдал их бесплатно 22 остро нуждающимся детям. В этом же городе совет жен офицеров организовал работу кассы взаимопомощи, и за первый квартал 1944 г. было выдано возвратных и безвозвратных ссуд нуждающимся семьям офицеров на 16 тыс. руб. Практически при всех советах жен офицеров организованы «огородные комиссии», которые занимаются вопросами развития индивидуального огородничества среди семей офицеров, выявлением нуждающихся в огородах, изысканием земли, подготовкой и закупкой семян⁹.

В-пятых, происходит резкое сокращение свободного времени граждан, которое они могли потратить на свои нужды, при одновременном росте значения коллективных обязанностей. Люди участвуют в различных мероприятиях, посвященных, например, сбору вещей для детей эвакуированных красноармейцев, женщины вяжут теплые вещи для бойцов, собирают для них посылки, школьники привлекаются к сбору лекарственных растений, посещению раненых бойцов в госпиталях и оказанию им посильной помощи и др. Посредством подобных мероприятий происходит укрепление взаимодействия общества и власти как единой системы, важнейшие цели которой определяются задачами, направленными на борьбу с захватчиками. В повседневной жизни обязательными становятся взносы в различные займы для помощи фронту, пожертвования различных вещей, участие в субботниках и многое другое. В то же время элементы государственной системы низового уровня не всегда квалифицированно справляются со своими обязанностями, например, по своевременному обеспечению выплат пособий, оказанию помощи многодетным семьям, помощи по снабжению продовольственными и промышленными товарами. Иногда подобные затруднения определяются объективными обстоятельствами, которые выходят за рамки полномочий низовых звеньев управления, но нередко причинами подобных явлений становятся личная неприязнь к некоторым односельчанам, безответственность и недисциплинированность, стремление решить свои личные проблемы за счет

⁹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-75. Оп. 22. Д. 1. Л. 67 — 71 об.

коллективных источников. В таких случаях нередкими становятся жалобы, желание добиться законной правды. Люди остро чувствовали проявления, по их мнению, несправедливости, что противоречило не только официальной пропаганде, но и собственному пониманию задач военного времени.

В-шестых, особым направлением работы государственных органов стала организация жизни детей, оставшихся сиротами, а также прибывших в тыловые регионы как эвакуированные из занятых фашистами областей и республик. К началу войны в республике действовало 5 детских домов, в которых насчитывалось около 760 воспитанников. На 1 января 1942 г. в Чувашии насчитывалось 17,1 тыс. эвакуированных детей в возрасте от 3 до 17 лет, из которых 705 прибыли в республику в составе детских домов и детских яслей. Большинство детей жили с родителями, родственниками, сироты, а также оставшиеся без попечения направлялись в детские учреждения. К концу войны в 12 детских домах насчитывалось свыше 1660 воспитанников. Кроме того, было организовано 22 колхозных детских дома с 415 детьми¹⁰. На наш взгляд, организация детских домов сталкивалась с большим набором проблем сравнительно с работой детских яслей, в первую очередь из-за необходимости организации не только учебы, но и трудового воспитания, решения подростковых проблем воспитанников, часть из которых, столкнувшись с новыми для себя реалиями жизни, была достаточно растеряна. Кроме учебы в школах, приходилось работать в подсобных хозяйствах детских домов, заниматься сельским хозяйством, к чему дети-горожане были совсем не готовы. Достаточно серьезными были проблемы дисциплины для юношей. Крайнюю озабоченность у медицинских работников вызывало здоровье детей, которое усугублялось в холодное время года низкими температурами в здании общежитий и учебных классов. Постоянные проблемы вызывались снабжением продовольствием, обеспечением одеждой, обувью, бельем, мебелью, самыми необходимыми хозяйственными вещами. Нередкими были случаи самовольного оставления детьми воспитательных учреждений. Важное значение имела обеспеченность кадрами воспитателей, и эта проблема постоянно давала о себе знать.

Повседневную жизнь в годы войны невозможно осветить без обращения к документальным источникам, в первую очередь личного характера. Речь, в частности, идет о письмах, направляемых на фронт, родственникам, а также заявлениях, например, об оказании помощи.

Приведем примеры только письменных источников. Содержание отдельных писем о жизни семей в Чувашии наполнено горечью, отсутствием надежд, речь идет о нехватке самого необходимого для жизни. Об этом письмо, написанное на фронт летом 1943 г. Жена обращается к мужу, работавшему до мобилизации директором Чувашского академического драматического театра. Она жалуется на несправедливость: «... Я понимаю, сейчас война, всем приходится испытывать трудности, но обидно смотреть — дети, у которых отцы все время в тылу, одеты, а дети фронтовиков ходят как нищие... Люди шьют себе кожаное пальто, а на ботинки детям фронтовиков нет кожи. Вообще так много безобразий, а вы о них не знаете, воюете себе спокойно, думаете, что семьи ваши обеспечены... Я очень прошу тебя, напиши [И. М.] Чарыкову [первому секретарю Чувашского обкома ВКП(б) в годы войны. — И. Б.], ведь он тоже, пожалуй, не знает обо всем». Автор письма делает приписку на письме, обращаясь к будущему цензору

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2536. Л. 30, 35.

и просит того пропустить письмо к мужу, так как находится в тяжелом материальном положении. К письму приложена справка от секретаря горкома ВКП(б) на имя И. М. Чарыкова, в которой сообщается, что в семье 2 детей (4 и 7 лет). Автор письма получает 600 руб., работая редактором радиокомитета, и еще 500 руб. по аттестату мужа. Квартира хорошая, к столовой не прикреплена, овощами не обеспечена, дополнительного питания нет, топливом не обеспечена. Одежда необходима как детям, так и автору письма. Горком обещает прикрепить ее к столовой¹¹.

С началом войны Чувашский государственный педагогический институт был переведен из Чебоксар в г. Мариинский Посад — районный центр Чувашии. Сотрудники НКГБ в октябре 1943 г. направили в Чувашский обком ВКП(б) справку, составленную по материалам писем студентов, прошедших через военную цензуру. Приведем несколько сюжетов из этой подборки. Письма направлялись чаще всего родственникам в города и районы Чувашии. «В общежитии и не поймешь, что творится, так много прибыло первокурсников, что [их] негде стало помещать. Во всех комнатах по 10 — 12 чел., коек не хватает, спят по 2 человека. Ни досок, ни столов, ни стульев не стало. За хлебом и в столовой страшно большие очереди»; «Живем в коридоре [общежития] и спим на трех койках по 5 — 6 человек. Жизнь плохая. У нас часто пропадают вещи — воруют»; «Хлебную карточку чтобы получить, надо стоять в очереди, и после 12 час. ночи только получают и то не все. Хлеб все равно раньше 3-х дней (после получения карточки. — И. Б.) не получишь, без хлеба сидишь 3 дня»¹².

В приведенных документах можно выделить несколько уровней, характеризующих повседневную жизнь авторов.

Во-первых, следует отметить, что автор первого письма представляет семью, которая до войны входила в состав представителей творческой элиты республики: ее муж возглавлял академический драматический театр республики. Жена надеется, что первый секретарь обкома ВКП(б) обратит внимание, но не на ее жалобу, а на письмо фронтовика, которого он, скорее всего, знал лично. Мы не знаем, было ли письмо отправлено, но в обком была направлена справка из местного НКГБ.

Второй уровень — это противопоставление, это обида: мы и они. В силу доступности некоторых лиц к ресурсам они живут лучше, чем семьи фронтовиков.

Третий уровень — это реальные материальные проблемы, свидетельствующие о нехватке обуви и одежды у детей, взрослых, которые доводят мать двух детей до отчаяния. Еще раз процитируем одну из фраз письма: «Вообще так много безобразий, а вы о них не знаете, воюете себе спокойно...». Возможно, автор неудачно выбрала выражение, может быть, и раскаивалась позднее за такие слова, но налицо — отчаяние и бессилие.

Четвертый уровень — следует учитывать, что по содержанию такие письма отобраны сотрудниками НКГБ, в них значительный критический настрой, жалобы и т. п. Не все письма такого содержания, не вся переписка на таком же уровне, и мы не знаем долю таких настроений. Иначе говоря, не должно быть абсолютизации подобных оценок повседневности. Тяжело было всем, но не всех захватывал такой уровень разочарования.

¹¹ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 23. Д. 700. Л. 7, 8.

¹² Там же. Л. 228 — 228 об.

Вторая подборка писем свидетельствует о реальных трудностях, которые переживают молодые студенты, и это характеризует их текущую жизнь. Конечно, молодым людям, не обремененным семьей, было проще переживать трудности, у них складывался свой уровень повседневности.

Еще раз подчеркнем, что письма и другие личные документы передают субъективное восприятие жизни с ее проблемами, и не следует подобные наблюдения распространять на все общество, но в то же время нет сомнений, что люди переживали тяжелые времена, которые оставили неизгладимый след в их жизни.

Заключение

Историографический обзор, выполненный в первой части статьи, показывает, что проблемы повседневной жизни активно разрабатываются, нашли своих исследователей и вопросы повседневности общества, различных социальных и территориальных групп населения в годы Великой Отечественной войны. В Чувашии подобных работ немного, хотя в отдельных исследованиях эти сюжеты нашли отражение. На наш взгляд, важно учитывать изменения, которые реформировали повседневную жизнь в годы войны, и часть которых мы отметили в статье.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Араловец Н. А., Бикейкин Е. Н., Бугай Н. Ф., Вербицкая О. М. и др. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. / отв. ред. А. Н. Сахаров, А. С. Сенявский. Москва: Гриф и К, 2010. 730 с.
2. Веременко В. А. Современная историография истории повседневности в России // Города Центрального Казахстана в 1950 — 1960-е годы: история и повседневность. Караганда: Изд-во Караганд. гос. ун-та, 2017. С. 8 — 33.
3. Веременко В. А., Любичанковский С. В. От Н. Л. Пушкаревой до Н. Л. Пушкаревой: современная историография истории женской повседневности в России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. Вып. 3 (46). С. 85 — 94.
4. Волкова Е. Ю. Маленькие участники большой войны (дети в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.): монография / Костромской гос. технологич. ун-т. Кострома: Изд-во КГТУ, 2010. 155 с.
5. Горшков М. К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. Москва: Альфа-М, 2009. 272 с.
6. Григорьев А. Д. Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: на материалах Чувашской АССР. Чебоксары: ЧГУ, 2004. 234 с.
7. Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: ежегодник, 1997. Москва: РОССПЭН, 1998. С. 287 — 335.
8. Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Москва: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с.
9. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 — 1953 гг. Москва: РОССПЭН, 1999. 229 с.
10. Иллерицкая Н. В. «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2022. № 2. С. 12 — 20.
11. Ипполитов Г. М., Репинецкий А. И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 154 — 161.
12. Керов В. В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна? // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 50 — 59.
13. Ковалев В. И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия. Москва: Спутник, 2011. 350 с.
14. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: История. 2012. № 2. С. 93 — 110.

15. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 30 — 45.
16. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941 — 1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25 — 31.
17. Кринко Е. Ф. Дети и война (1941 — 1945 гг.): отечественная историография // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество: сборник статей. Ростов-на-Дону: Foundation, 2014. С. 77 — 88.
18. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920 — 1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
19. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941 — 1945). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
20. Кринко Е. Ф., Курилла И. И., Рыблова М. А., Хлынина Т. П. Детство Великой Отечественной: историография, память, проблемы поля // Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград: Изд-во РАНХИГС, 2014. С. 6 — 17.
21. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии: 1920 — 1930 годы. Санкт-Петербург: Журн. «Нева»: Летний Сад, 1999. 316 с.
22. Любутин К. Н., Кондрашов Н.Н. Диалектика повседневности: методологический подход: научное издание. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. 295 с.
23. Митронин Д. А., Сухова О. А. Повседневная жизнь советской деревни в период Великой Отечественной войны: историографические аспекты проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2019. № 4 (52). С. 76 — 86.
24. Мясникова Л. А., Дроздова А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневности в современном культурологическом знании // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 86 — 95.
25. Орлов И. Б. История повседневности: смерть или новое рождение? // Преподавание истории в школе. 2008. № 3. С. 32 — 37.
26. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы [сайт]. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280&ysclid=m78uefd476515059124> (дата обращения: 12.04.2025).
27. Пушкарева Н. Л., Любичановский С. В. Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7 — 21.
28. Российская повседневность 1921 — 1941 гг.: новые подходы: доклады, сделанные на международной междисциплинарной конференции, 16 — 19 авг. 1994 г. / сост. А. И. Муравьев, Б. А. Старков. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1995. 156 с.
29. Рыблова М. А., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Архипова Е. В., Курилла И. И., Назарова М. П. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / Южный научный центр Российской академии наук. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХИГС, 2015. 336 с.
30. Сенявская Е. С. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. Москва: ИРИ РАН, 1995. 87 с.
31. Сенявская Е. С. Человек на войне: историко-психологические очерки [На примере двух мировых и афган. войн] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. Москва: Изд. центр ИРИ, 1997. 226 с.
32. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. Москва: РОССПЭН, 1999. 383 с.
33. Сенявский А. С. Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. Москва: МГУС, 2001. С. 25 — 34.
34. Тедеева У. Ш., Хаблиева Л. Ч., Джазаева И. А. Повседневная жизнь детей в годы Великой Отечественной войны: содержание, ресурсы, возможности (по материалам газеты «Социалистическая Осетия») // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 5. С. 167 — 174.
35. Хаблиева Л. Ч. Тыловая повседневность периода Великой Отечественной войны [на материалах г. Орджоникидзе (Владикавказ)] // Значение и роль Советского Союза в победе над нацистской Германией и ее союзниками в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: новый взгляд и осмысление: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Ставрополь, 23 — 24 марта 2023 г.). Ставрополь: Агрус, 2023. С. 219 — 223.

36. Хабльева Л. Ч., Сосранова З. В., Дзотцова З. Е. Условия жизни и быт населения Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2018. № 5. С. 245 — 254.
37. Цеханская К. В. Историография советской повседневности 1941 — 1945 гг.: обзор научных тем, проблем и концепций // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 50 — 67.

REFERENCES

1. Aralovets N. A., Bikeikin E. N., Bugai N. F., Verbitskaya O. M., et al. People and war: The sketches on the history of the Great Patriotic War of 1941 — 1945; edited by A. N. Sakharov, A. S. Senyavsky. Moscow;2010:730. (In Russ.)
2. Veremenko V. A. Modern historiography of the everyday life's history in Russia // The towns of Central Kazakhstan in the 1950s — 1960s: history and everyday Life. Karaganda State University Press, 2017:8 — 33. (In Russ.)
3. Veremenko V. A., Lyubichankovsky S. V. From N. L. Pushkareva to N. L. Pushkareva: modern historiography of the women's everyday life in Russia // Vestnik of Perm University. 2019. History Series. 3(46):85 — 94. (In Russ.)
4. Volkova E. Yu. Little participants of the Great War (children in the Great Patriotic War of 1941 — 1945): monograph. Kostroma State Technological University. Kostroma;2010:155. (In Russ.)
5. Gorshkov M. K. Everyday life in Russia during the crisis: a sociological measurement // Everyday life in Russia during the crisis / edited by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tikhonova. Moscow;2009:272. (In Russ.)
6. Grigoriev A.D. Social status and life of the population during the Great Patriotic War of 1941 — 1945: based on materials from the Chuvash ASSR. Cheboksary;2004:234. (In Russ.)
7. Zhuravlev S. V., Sokolov A. K. Everyday life of soviet people in the 1920s // Social history: yearbook, 1997. Moscow;1998:287 — 335. (In Russ.)
8. Zinich M. S. Everyday life of the people during the Great Patriotic War. Moscow: the Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, 2019:349. (In Russ.)
9. Zubkova E. Y. Post-war soviet society: politics and everyday life. 1945 — 1953. Moscow;1999:229. (In Russ.)
10. Illeritskaya N. V. “The History of everyday life” in the context of modern historiography // Vestnik of the Russian State University for the Humanities. Series “History. Political Science. International Relations”. 2022;2:12 — 20. (In Russ.)
11. Ippolitov G. M., Repinetsky A. I. The History of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science // Bulletin of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences. 2012;14(3): 154 — 161. (In Russ.)
12. Kerov V. V. Yekaterinburg, Tomsk, and Hereinafter: What is it, the Russian history of “urban everyday life”, and why is it needed? // Vestnik of Tomsk State University. History. 2017;48:50 — 59. (In Russ.)
13. Kovalev V. I. Everyday life of soviet citizens driven into Nazi Germany: a view through the decades. Moscow;2011:350 p. (In Russ.)
14. Kozlov N. D. Everyday life of the people during the Great Patriotic War. Some aspects of contemporary Russian historiography // Vestnik of the A.S. Pushkin Leningrad State University. 2012;93:110. (In Russ.)
15. Kozlov N. D. Everyday life in the soviet rear during the Great Patriotic War in Russian historiography of the early 19th century // Vestnik of the A.S. Pushkin Leningrad state university. 2014;4(2):30 — 45. (In Russ.)
16. Krinko E. F. Childhood during the war (1941 — 1945): problems and prospects of study // Vestnik of Adygei State University. 2006;4:25 — 31. (In Russ.)
17. Krinko E. F. Children and war (1941 — 1945): domestic historiography // Signs of war in life and memory: the influence of armed conflicts of 20th century on Russian society: a collection of articles. Rostov n/D.;2014:77 — 88. (In Russ.)
18. Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Khlynina T. P. Daily world of a soviet person of the 1920s — 1940s: life in the conditions of social transformations. Rostov n/D: the Southern scientific center of the Russian academy of sciences publishing, 2011:360. (In Russ.)
19. Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Khlynina T. P. The Private life of a soviet Citizen in wartime: space, boundaries and mechanisms of implementation (1941 — 1945). Rostov n/D: the Southern scientific center of the Russian academy of sciences publishing, 2013:362. (In Russ.)
20. Krinko E. F., Kurilla I. I., Ryblova M. A., Khlynina T. P. Childhood of the Great Patriotic War: historiography, memory and problems of the Field // Children and War: The Battle of Stalingrad and life in wartime Stalingrad in the memories of city residents. Volgograd, 2014:6 — 17. (In Russ.)

21. Leбина N. B. Daily Life of a soviet city: norms and anomalies: 1920 — 1930. Saint Petersburg: Journal “Neva”: Summer Garden, 1999:316. (In Russ.)
22. Lyubutin K. N., Kondrashov N. N. Daily dialectics: a methodological approach: scientific publication. The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The Institute of Philosophy and Law. Yekaterinburg, 2007:295. (In Russ.)
23. Mitronin D. A., Sukhova O. A. Daily life of the soviet village during the Great Patriotic War: historiographic aspects of the problem // Bulletin of higher educational institutions. The Volga region. Humanities. History. 2019;4 (52):76 — 86. (In Russ.)
24. Myasnikova L. A., Drozdova A. V. Theoretical and methodological approaches to the study of daily life in modern cultural studies // Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture. 2015;3 (141):86 — 95. (In Russ.)
25. Orlov I. B. The history of everyday life: death or rebirth? // Teaching history in school. 2008;3:32 — 37. (In Russ.)
26. Pushkareva N. L. “The History of Everyday Life” as a direction of historical research” // Perspectives [website]. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280&ysclid=m78uefd476515059124> (reference date: 12.04.2025). (In Russ.)
27. Pushkareva N. L., Lyubichanovsky S. V. Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annales school to the Russian philosophical school // Vestnik of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2014;4:1:7 — 21. (In Russ.)
28. Everyday Life in Russia in 1921 — 1941: new approaches: report presented at the International Interdisciplinary Conf., August 16 — 19, 1994 / compiled by A. I. Muravyov, B. A. Starkov]. Saint Petersburg;1995:156. (In Russ.)
29. Ryblova M. A., Krinko E. F., Khlynina T. P., Arkhipova E. V., Kurilla I. I., Nazarova M. P. Childhood and war: everyday culture, adaptation mechanisms and child survival practices during the Great Patriotic War (based on the battle of Stalingrad) / The Southern scientific center of the Russian academy of sciences. Volgograd;2015:336. (In Russ.)
30. Senyavskaya E. S. Frontline generation: historical and psychological study. Moscow;1995:87. (In Russ.)
31. Senyavskaya E. S. Man at war: Historical and psychological essays [Based on two world and Afghan wars]. Russian academy of sciences, the Institute of Russian history. Moscow;1997:226. (In Russ.)
32. Senyavskaya E. S. Psychology of war in 20th century: Russia’s historical experience. Moscow;1999:383. (In Russ.)
33. Senyavsky A. S. Russian everyday life in XX century: theoretical and methodological approaches to study // Man in Russian everyday Life. The collection of scientific articles. Moscow;2001:25 — 34. (In Russ.)
34. Tedeeva U. Sh., Khablieva L. Ch., Dzhazaeva I. A. Everyday life of children during the Great Patriotic War: content, resources and opportunities (based on materials from the newspaper “Socialist Ossetia”) // Historical Bulletin. 2023;6(5):167 — 174. (In Russ.)
35. Khablieva L. Ch. Everyday life in the rear during the Great Patriotic War [based on materials from the city of Ordzhonikidze (Vladikavkaz)] // The significance and role of the Soviet Union in the victory over Nazi Germany and its allies during the Great Patriotic War of 1941 — 1945: a new look and understanding. The collection of articles based on materials from the all-Russian scientific and practical conf. (Stavropol, march 23 — 24, 2023). The Stavropol state agrarian university. 2023:219 — 223. (In Russ.)
36. Khablieva L. Ch., Sosranova Z. V., Dzotsoeva Z. E. Living conditions and everyday life of the population of North Ossetia During the Great Patriotic War // Scientific dialogue. 2018;5:245 — 254. (In Russ.)
37. Tsekhanskaya K. V. Historiography of soviet everyday Life in 1941 — 1945: a Review of scientific topics, problems, and concepts // Vestnik of Anthropology. 2022;3:50 — 67. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.08.2025;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 14.10.2025

Информация об авторе:

Бойко Иван Иванович, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), доктор исторических наук, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>, boyko2003@yandex.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 01.08.2025;
approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 14.10.2025

Information about the author:

Ivan I. Boyko, chief researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
doctor of Historical Sciences, professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>, boyko2003@yandex.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 01.08.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗӑн 07.08.2025 ырланӑ; 14.10.2025 пичете йышӑннӑ

Автор җинчен:

Бойко Иван Иванович, Чӑваш патшалӑх гуманитар
ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх тӗп ӗҗтешӗ
(428015, Раҗҗей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ӑслӑлӑхӗсен докторӗ, профессор,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-615X>, boyko2003@yandex.ru
Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 94(470.4)"1941/1945"
ББК 63.3(2)622

Научная статья

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

В. С. Воронцов

Институт философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия
vvorontsov@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена детям и подросткам Удмуртии («детям войны»), которые вместе со всей советской страной боролись с фашистскими агрессорами, вносили свой посильный вклад в Победу над врагом. В обстановке военного времени, в тяжелейших бытовых условиях они продолжали учиться, работали на заводах и фабриках, на строительстве железной дороги, на колхозных полях, шефствовали над госпиталями и семьями фронтовиков, собирали средства в Фонд обороны и при этом оставались детьми.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети войны, помощь фронту, строительство железной дороги Ижевск — Балезино, учеба и быт

Для цитирования: Воронцов В. С. Маленькие герои большой войны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 44 — 52

© Воронцов В. С., 2025

Scientific article

THE GREAT WAR LITTLE HEROES

V. S. Vorontsov

The Institute of Philosophy and Law,
the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia
vvorontsov@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the children and teenagers of Udmurtia (“children of war”) who fought against the fascist aggressors and made their own contribution to the Victory over the enemy with the whole Soviet country. In the hard wartime they continued to study and work in factories and plants as well as on collective farm fields. They were engaged in constructing of the railway, patronizing hospitals and families of front-line soldiers and collected means for the Defense Fund and at the same time remained children.

Keywords: the Great Patriotic War, children of war, assistance to the front, the Izhevsk-Balezino railway construction, education and everyday life

For citation: Vorontsov V. S. The Great War little heroes // Modern humanities. 2025;1(4):44 — 52

Ѕслӓӓх статии

ПЫСАК ВӒРЦӒН ПӒЧӒК ПАТТӒРӒСЕМ

В. С. Воронцов

РӒА Урал уйрӒмӒн философиие право институтчӒ,
Екатеринбург, Рацсей
vvorontsov@rambler.ru

Аннотаци. Статияна Удмурти ачисене («вӒрцӒ ачисене») халалланӒ, вӒсем пӒтӒм совет Ӓр-шывӒе пӒрле фашист агрессорӒсемпе кӒрешнӒ, ӒентерӒе май пур таран хӒйсен

түпине хывнӓ. Вӓрҗӓ вӓхӓтӓнчи лару-тӓрура, йӓларӓ җав тери йывӓр тӓрӓмра вӓсем вӓреннӓ, заводсемпе фабрикаҗсенче, чукун җул тунӓ җӓрте, колхоз хирӓсенче ӓҗленӓ, госпитальсене, фронтовиксен җемийсене тӓлевсӓрех пулӓшнӓ, Оборона фондне хывма укҗа-тенкӓ пуҗтарнӓ, җав вӓхӓтрах ача ӓҗсӓмӓнчех пулнӓ.

Тӓп сӓмахсем: Тӓван җӓр-шывӓн Аслӓ вӓрҗӓ, вӓрҗӓ ачисем, фронта пулӓшни, Ижевск — Белезино чукун җул туни, вӓренӓпе йӓла

Цитатӓлама: Воронцов В. С. Пыҗӓк вӓрҗӓн пӓчӓк паттӓрӓсем // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 44 — 52

Введение

В 2025 г. наша страна отмечает 80-летие Победы советского народа над фашистской Германией и ее многочисленными союзниками. Великая Отечественная война — это одновременно и трагедия, и триумф для каждой российской семьи, а Великая Победа — «праздник со слезами на глазах»! Свою посильную лепту в Победу внесли и юные граждане советской страны — дети войны. На основе архивных документов, научной литературы о войне, воспоминаний очевидцев того сурового времени можно реконструировать повседневную жизнь детей и подростков Удмуртии в годы войны.

Материалы и методы

Источниковая база исследования включает в себя ранее опубликованные документы и материалы архивов Удмуртии о повседневной жизни детей и подростков в годы войны (быт, учеба, помощь фронту), их трудового вклада, в том числе на военном производстве, колхозных полях, строительстве стратегически важной для страны железной дороги Ижевск — Белезино. В работе также используются законодательные акты советского государства периода Великой Отечественной войны, которые регулировали режим рабочего времени рабочих и служащих, а также деятельность системы образования в военное время.

Исследование основывается на общих методологических принципах (объективность, историзм, комплексность) и аналитических методах, широко применяемых в общественных науках — анализ и синтез, сравнение, обобщение и др. Материалы статьи могут быть использованы при подготовке и проведении уроков/лекций по истории Великой Отечественной войны и во внеурочной воспитательной деятельности учащихся и студентов.

Результаты исследования

Тяжелое положение на фронте требовало ужесточения мер по организации труда на производстве. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» временно отменялись очередные и дополнительные отпуска рабочих и служащих, а также законодательно разрешалось введение сверхурочных работ от 1 до 3 часов в день, в том числе для лиц, не достигших 16-летнего возраста (не более 2 часов) [5].

В первые же дни войны местные органы власти, отделы народного образования, администрации школ организуют школьников на оказание помощи сельскому хозяйству, промышленности и транспорту, чтобы заменить взрослых, мобилизованных в Красную Армию. 2 июля 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление, которое разрешало совнаркомам союзных республик, автономных республик, областным и краевым исполкомам «привлекать в военное время в организованном порядке учащихся 7 — 10-х классов сельских и городских школ к участию в сельскохозяйственных работах колхозов, совхозов

и подсобных хозяйств предприятий». В постановлении определялась продолжительность рабочего дня школьников в 6 — 8 часов в зависимости от возраста и характера работы [10].

В обстановке невиданной в истории войны школы, детские и юношеские организации развернули широкую общественно полезную работу в помощь фронту, учебный процесс тесно сочетался с трудовой деятельностью на промышленном и сельскохозяйственном производстве. В прифронтовой зоне учителя и учащиеся с первых дней войны принимали активное участие в строительстве оборонительных сооружений, противовоздушной обороне (дежурства на крышах многоэтажных зданий), в тыловых районах — в уборке урожая в колхозах и совхозах, в сборе металлического лома, теплых вещей для фронтовиков, лекарственных растений, в оказании помощи раненым бойцам в госпиталях, в шефстве над семьями фронтовиков и др.

Война наложила свой негативный отпечаток и на образовательный процесс. В первый год войны наблюдался большой отток учащихся: старшеклассники уходили на фронт или на производство, кто-то из детей стал присматривать за младшими братьями и сестрами, у кого-то просто не было возможности посещать школу из-за материальной необеспеченности (не было теплой одежды и обуви, отсутствовали школьные принадлежности и т. д.) или болезней. Многие родители отправляли детей на работу, считая, что в это время «не до учения». В сложившейся ситуации большую роль сыграли учителя и органы народного образования, именно они способствовали возвращению учеников в школы, занятия в которых продолжались, несмотря на войну.

Постановлением Совнаркома Удмуртской АССР от 22 августа 1941 г. были введены нормы на продажу хлеба, сахара и кондитерских изделий по фиксированным ценам для разных категорий населения. По специальным карточкам на иждивенцев и детей до 12 лет ежедневно полагалось 400 грамм хлеба и ежемесячно 400 грамм сахара или кондитерских изделий [8, с. 44 — 46]. Для растущих детских организмов этого было крайне мало. В сельской местности было еще сложнее, продовольственные карточки не выдавались, и нужно было рассчитывать только на возможности семьи. В период учебного года многих учащихся спасали школьные завтраки и обеды. В отчаянном положении оказывались дети, не имеющие возможности посещать школу.

Жизнь впроголодь, отсутствие возможности учиться вынудили школьника из д. Усть-Сарапулка Сарапульского района Павла Вечтомова написать письмо И. В. Сталину (датируется 24 ноября 1942 г.): *«Я учился в 3 кл., перешел в 4 кл., но ходить в школу было не в чем, и я бросил учебу, и маме меня стало не содержать, потому что нас трое, а мама одна. У нас папа в армии, и мы получаем на папу пенсию 75 руб., но нам не хватает. Мы живем плохо, хлеба не дают. Мы работали трое, я, сестра Шура и мама, а маленький брат Вася был дома. Я работал в колхозе целое лето, мне трудодни не заводят, все работаем наполовину даром. Сидим днями голодом. Носить на себе нечего. Жить все хуже и хуже. Прошу помочь»* [6, с. 136].

Органы народного образования по мере возможности старались оказать помощь наиболее нуждающимся, особенно детям фронтовиков. В городах и селах создавались специальные фонды всеобщего обучения, куда привлекались денежные средства общественных организаций, промышленных предприятий, колхозов и совхозов, распределявшиеся среди нуждающихся школьников. В течение 1942 г. в городах

Удмуртии было открыто 4 детских столовых, оказана материальная помощь 807 детям, выдано 68 пар валенок, 976 пар ботинок, 485 пальто, 2 тонны шерсти, 1 тыс. штук овчин. Индивидуальным обучением на дому было охвачено более 276 детей, не имеющих возможности посещать школу. В 1943/44 учебном году в 905 школах были организованы горячие завтраки, открыты интернаты при 166 средних и неполных средних школах [1, с. 95 — 96].

Учителя старались поддержать детей в тяжелое военное время, организуя в школах питание, дополнительные занятия с отстающими, проведение праздников и др. В школах остро ощущался недостаток письменных принадлежностей — учебников, тетрадей, ручек, чернил, карандашей... Тетради заменяли газетами, старыми обоями и квитанциями, оберточной и папиросной бумагой, вместо чернил ученики использовали уголь, свекольный сок, разводили в воде сажу и стержни химических карандашей. Учебники выдавали один на несколько учащихся, живущих недалеко друг от друга, наглядные пособия учителя изготавливали сами.

Школьные работники активно вовлекали учащихся в общественно-полезную деятельность. Дрова для отопления школ дети заготавливали вместе со взрослыми; в школьных огородах сажали картофель, лук, чеснок, морковь, капусту, свеклу, просо; в лесу школьники собирали ягоды, сосновые почки и лечебные травы. Из собранных осенью овощей в школьных столовых варили горячие обеды, из трав и ягод готовились витаминизированные напитки. Как правило, горячий завтрак в большинстве городских школ состоял из 50 граммов хлеба или булочки с чаем без сахара. В сельских школах дети получали небольшой кусочек хлеба, жидкие капустные щи или картофельную похлебку. Несмотря на скудость, дополнительное питание в школах спасло многие тысячи детей от дистрофии, а порой и голодной смерти.

Учебный процесс тесно сочетался с трудовой деятельностью на промышленном и сельскохозяйственном производстве, где дети были вынуждены заменить ушедших на фронт взрослых. Уже в самом начале войны, летом 1941 г. Совнарком Удмуртской АССР принимает постановление о привлечении учащихся 7 — 10-х классов к сельскохозяйственным работам. Например, только из школ Ижевска в августе 1941 г. привлекли 3000 учащихся для работы в колхозах Ижевского, Завьяловского, Мало-Пургинского и Киясовского районов [9, с. 36]. В свою очередь в сельских районах дополнительно принимаются решения об отсрочке начала учебного года для школьников 5 — 10-х классов до завершения сельскохозяйственных уборочных работ (не ранее 1 октября).

Весомый вклад внесли школьники и учителя в производство сельскохозяйственной продукции, выполняя различные виды работ. Летом подростки работали по 12 часов в день (а порой и больше): они пахали землю, поливали и пололи колхозные овощи, косили и сушили сено, помогали матерям на колхозных фермах, перевозили грузы на лошадях, участвовали в заготовке дров на зиму. Только летом 1943 г. из 163 187 учащихся республики на полях работало 85 300 (52,3 %), в том числе 21 245 учеников начальных классов, из 6053 учителей республики в сельском хозяйстве трудились 3203 учителя (52,9 %). Учащимися было выработано 4 726 501, учителями — 1 227 041 трудодень. Всего за годы войны школьниками Удмуртии выработано свыше 12,5 млн трудодней [1, с. 97]. Если до войны подростки выработывали в колхозах в среднем 61 трудодень, то в годы войны — 163 трудодня, то есть норма выросла почти в 3 раза [2, с. 305].

Недостаток рабочих кадров на заводах Удмуртии вынужденно решался за счет молодежи и подростков. 25 мая 1942 г. была объявлена мобилизация городских подростков в ремесленные училища № 1 и № 4 г. Ижевска. Рабочие училища пополнили 462 подростка, осенью того же года обком комсомола поставил задачу мобилизовать еще 1130 молодых людей. По решению органов власти Удмуртии в феврале и октябре 1943 г. в ремесленные и фабрично-заводские училища призвали еще 1610 мальчиков и девочек [14, с. 75, 98]. После напряженных занятий в учебных мастерских и освоения рабочих специальностей выпускники ремесленных училищ распределялись на предприятия республики. Они заменяли взрослых кадровых рабочих, которые уходили добровольцами на фронт.

9 февраля 1942 г. на заводе № 74 начал свою трудовую деятельность в качестве ученика гравера 15-летний Леонард Васев. Совсем еще юному, ему доверяют оформление портсигаров для фронтовиков, а позднее — подарочных ружей серии «Победа», предназначенных в дар советским маршалам. Одно из этих ружей будет передано Верховному главнокомандующему И. В. Сталину. Впоследствии Л. М. Васев станет основоположником ижевской школы многоцветной гравировки по металлу, изобретет метод многоцветного тонального гравирования по оружейной стали, уникальные граверные и ювелирные техники «мороз» и «рельефная насечка» [13].

10 марта 1942 г. в цехе № 9 мотозавода была сформирована первая в Удмуртии комсомольско-молодежная бригада, ее возглавил 16-летний Виль Дубов, он был эвакуирован из занятой фашистами Одессы. Главный лозунг таких бригад — «У станка как в бою!», норма выработки составляла не менее 150 %. По инициативе молодых ижевчан на всех оборонных заводах республики началась кампания по организации комсомольско-молодежных бригад, лучшие из них получали звание «фронтовых», а наиболее отличившиеся — почетное звание «бригады Победы». В Удмуртской АССР на 1 ноября 1945 г. насчитывалось 3095 комсомольско-молодежных бригад с охватом 23 195 юношей и девушек [3, с. 77].

Одной из героических и трагических страниц военной летописи жителей Удмуртии стало строительство стратегически важной для страны железной дороги Ижевск — Балезино. 25 ноября 1941 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял решение о строительстве Заволжской рокадной железнодорожной линии Балезино — Астрахань [7], частью этой дороги был участок Ижевск — Балезино протяженностью 146 км. Дорога имела важное транзитное значение, соединяя Пермскую и Казанскую железнодорожные магистрали, связывая Северный Урал с регионами Поволжья и Юга страны, она позволяла за более короткие сроки перевозить военную технику, боеприпасы, топливо и другие необходимые фронту и тылу грузы.

Строительство дороги началось в январе 1942 г., она сооружалась в условиях, приближенных к фронтовым, методами народной стройки. Основной рабочей силой были женщины и подростки, мобилизованные на строительство из районов республики, практически все работы велись вручную, использовались лопаты, кирки, ломы, тачки, топоры и двуручные пилы, основным транспортом служили лошади. Как уже отмечалось, на строительстве железной дороги трудились не только взрослые, но и молодежь, в том числе подростки и младшие школьники. Документы свидетельствуют о наличии среди строителей детей в возрасте от 10 до 12 лет — 54 чел., от 12 до 14 лет — 880 чел., от 14 до 16 лет — 1306 чел., от 16 до 18 лет — 1870 чел. [3, с. 79].

Из воспоминаний А. И. Пряженниковой: «Я окончила 5 классов весной 1942 г. <...> Бригадир колхоза пришел и сказал: “Пойдешь на стройку железной дороги Балезино — Ижевск” <...> Шли мы двое суток, в лаптях. Лапти исхудались. Стирать, мыть, штопать, лапти плести — все надо было самой, и причем после работы. А на работе придет утром мастер участка, отмеряет колхозу, сколько надо за день навозить земли для насыпи на железную дорогу, если это сделаешь, то получишь справку, что действительно работала. А неумелые руки не подчинялись сначала. Ну, а потом привыкли... Осенью меня отправили домой, мне надо было идти в школу, в 6 кл. Проучилась, перешла в 7 кл., опять лето. Снова бригадир ко мне, чтоб я шла на строительство железной дороги...» [4, с. 258 — 259].

Из воспоминаний Н. К. Бывальцева: «В 1942 г., окончив 6 кл., в период летних каникул я работал в колхозе в д. Отцешур в тракторной бригаде. В начале июля в с. Кулига собрали со всего района отряд, в основном из женщин и учащихся, и направили на строительство железной дороги Ижевск — Балезино. Мы в доме жили 3 женщины и я. Спали вместе на полу. Сменной одежды не было, как работали, так и спали... На работу ходили пешком несколько километров утром рано и возвращались поздно вечером... Работа была очень тяжелая, копали землю лопатой, ломом, так как участки были с глиной и щебенкой. Ежедневно выполняли нормы независимо от возраста, от погодных условий. Жили и работали по законам военного времени. Питания не хватало. Ежедневно выдавали 800 грамм хлеба и в обед — суп перловый. Работали под лозунгом “Каждая лишняя лопата брошенной земли — удар по врагу”. Я не помню о выходных днях и каких-то развлечениях...» [4, с. 263 — 264].

Строилась дорога рекордными темпами, менее чем за два года строители выработали 3 млн кубометров земли, прорубили в лесу трассу протяжением 80 км, заготовили и подвезли 10 тыс. кубометров лесоматериала, забили свыше 4 тыс. свай, построили 124 моста, уложили 300 тыс. кубометров балласта. Уже в марте 1943 г. по железнодорожной линии Ижевск — Балезино было открыто рабочее движение, а в сентябре 1943 г. дорога была принята к временной эксплуатации. Только в 1943 — 1944 гг. по построенной дороге было перевезено 1605 тыс. тонн необходимых фронту и тылу грузов, в том числе специальной древесины для авиазаводов, рудостойки¹ для Донбасса, топлива для оборонных предприятий, а также 300 тыс. пассажиров.

А еще школьники Удмуртии в годы Великой Отечественной войны шефствовали над госпиталями: мыли полы, чинили и стирали белье, пилили дрова, дежурили возле раненых бойцов, читали им книги, газеты и журналы, организовывали праздничные вечера и концерты, дарили подарки. Активно включились учащиеся и в движение по сбору теплых вещей и посылок для бойцов Красной Армии. Всего за годы войны дети и подростки собрали и отправили на фронт свыше 4000 посылок, 36 176 кисетов, 21 012 носовых платков и много других вещей [11, с. 312].

Сложно подсчитать сумму денежных средств, собранную школьниками в Фонд обороны, на строительство танковых колонн и авиационных эскадрилий. Можно привести только отдельные примеры патриотического порыва юных граждан Удмуртии. Сохранился список школ, учебных заведений и отдельных

¹ Круглый калиброванный лесоматериал хвойных пород для крепления подземных горных выработок.

лиц, получивших от Верховного главнокомандующего приветственные телеграммы с выражением благодарности за помощь фронту. Среди них учащиеся республики, перечислившие 924 000 руб. на строительство танковой колонны «Советский школьник»; учителя и школьники республики — 1 047 767 руб. в Фонд Красной Армии; школьники г. Сарапула — 55 744 руб. наличными и 11 205 руб. облигациями Госзайма на строительство танков и самолетов; комсомольцы и пионеры Увинского района — 331 000 руб. наличными, 300 000 руб. облигациями Госзайма, 21 000 руб. компенсации за неиспользованный отпуск — на строительство танковых колонн «Колхозник Удмуртии» и «Советский школьник», эскадрильи самолетов «Комсомолец Удмуртии», подарки и теплые вещи бойцам Красной Армии; Ижевское ремесленное училище № 3 — 112 529 руб. на строительство боевого самолета «Ученик Ижевского РУ № 3», 23 000 руб. на строительство танков, 27 кг цветного металла в Фонд обороны, слесарно-монтажный инструмент для ремесленных училищ г. Сталинграда; Каракулинский детский дом — 10 915 руб. на строительство танков; ученик 4-го класса Завьяловской средней школы Вахрушев Николай 2000 руб., заработанные им в колхозе, — в Фонд обороны, и многие другие [12, с. 330 — 331].

Заключение

Таковы были суровые и героические будни детей и подростков Удмуртии и других регионов страны в годы Великой Отечественной войны. Дети войны наравне со взрослыми делили тяготы военного времени, а в послевоенный период активно восстанавливали разрушенную врагами страну. Сегодня необходимо отдать дань уважения тем, кто в детстве и юности прошел через тяжелые военные испытания, не жалел сил и здоровья на благо Родины. Государство и общество должны окружить их вниманием и заботой, приложить максимум усилий, чтобы обеспечить достойную старость маленьких героев большой войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева О. И. Общеобразовательная школа Удмуртии в период Великой Отечественной войны // Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: материалы республиканской научно-практической конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2005. С. 93 — 99.
2. Из доклада председателя Совнаркома УАССР А. В. Тронина на юбилейной сессии Верховного Совета УАССР о трудовом подвиге рабочих и колхозников за годы войны // Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.: сборник документов. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 303 — 305.
3. Куликов К. И. Вклад сынов и дочерей Удмуртии в дело Великой Победы // Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: материалы республиканской научно-практической конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2005. С. 60 — 83.
4. «Мы за cenой не постоим...». Из истории строительства железной дороги Ижевск — Балезино: документы и материалы. Ижевск: Удмуртия, 2005. 304 с.
5. О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД): [сайт]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya> (дата обращения: 27.03.2025).
6. Письмо пионера Павла Вечтомова... // Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.: сборник документов. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 136.
7. Постановление ГКО СССР № 964с «О строительстве Заволжской рокадной линии по направлению от станции Балезино Пермской железной дороги до Астрахани» // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина: [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1339943> (дата обращения: 27.03.2025).
8. Постановление Совнаркома УАССР «О введении продажи населению г. Ижевска и Воткинска по карточкам хлеба, сахара и кондитерских изделий» // Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.: сборник документов. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 44 — 46.

9. Постановление Совнаркома УАССР «О привлечении учащихся 7 — 10 кл. неполных средних и средних школ к сельскохозяйственным работам» // Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.: сборник документов. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 36.

10. Правовое регулирование образования в СССР во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы // Pandia.ru: [сайт]. URL: <https://pandia.ru/text/77/312/33660.php> (дата обращения: 27.03.2025).

11. Сандалов Н. Г. Юность суровых лет // Удмуртия в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: материалы республиканской научно-практической конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2005. С. 304 — 312.

12. Список районов, городов, предприятий, учреждений, ведомств, колхозов, школ, учебных заведений и отдельных лиц, получивших от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина приветственные телеграммы с выражением благодарности за помощь фронту // Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.: сборник документов. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 327 — 334.

13. Шумилов Е. Ф. Легендарный Леонард — ижевский златокузнец, поэт, охотник и бунтарь // Удмуртская правда. 2022. 13 октября.

14. Шумилов Е. Ф. Трудфронт. Героические дела и повседневная жизнь кузницы оружия на Иже. Документальное повествование в пяти главах и ста рассказах. Ижевск: Удмуртия, 2015. 224 с.

REFERENCES

1. Vasilieva O. I. Secondary school of Udmurtia during the Great Patriotic War // Udmurtia during the Great Patriotic War 1941 — 1945: the materials of the Republican Scientific-Practical Conference. Izhevsk;2005:93 — 99. (In Russ.)

2. The report of the Chairman of the Council of People's Commissars of the USSR A. V. Tronin at the jubilee session of the Supreme Soviet of the USSR on the workers' labor feat and collective farmers during the war // Udmurtia in the Great Patriotic War of 1941 — 1945: the collection of documents. Izhevsk;1995:303 — 305. (In Russ.)

3. Kulikov K. I. The contribution of sons and daughters of Udmurtia to the Great Victory // Udmurtia in the years of the Great Patriotic War 1941 — 1945: the materials of the republican scientific-practical conference. Izhevsk;2005:60 — 83. (In Russ.)

4. “We won't stand up for the price ...”. The history of the Izhevsk — Balezino railway construction: Documents and materials. Izhevsk;2005:304. (In Russ.)

5. The working hours of workers and employees in the wartime. The Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1941 // Electronic Library of Historical Documents (ELID): [website]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya> (reference date: 03.27.2025). (In Russ.)

6. The Letter from pioneer Pavel Vechtomov... // Udmurtia in the Great Patriotic War of 1941 — 1945: the collection of documents. Izhevsk;1995:136. (In Russ.)

7. The Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 964 “The construction of the Zavolzhsкая bypass line in the direction from the Balezino station of the Perm railway to Astrakhan” // Presidential Library named after B. N. Yeltsin: [website]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1339943> (reference date: 03.27.2025). (In Russ.)

8. The Resolution of the Council of People's Commissars of the UASSR “The introduction of the sale of bread, sugar and confectionery products to the population of Izhevsk and Votkinsk using food stamps” // Udmurtia in the Great Patriotic War of 1941 — 1945: the collection of documents. Izhevsk;1995:44 — 46. (In Russ.)

9. The Resolution of the Council of People's Commissars of the UASSR “The involvement of 7 — 10 grades' students of incomplete secondary and secondary schools in agricultural work” // Udmurtia in the Great Patriotic War of 1941 — 1945: the collection of documents. Izhevsk;1995:36. (In Russ.)

10. Legal regulation of education in the USSR during the Great Patriotic War and in the post-war years // Pandia.ru: [website]. URL: <https://pandia.ru/text/77/312/33660.php> (reference date: 27.03.2025). (In Russ.)

11. Sandalov N. G. The youth of hard years // Udmurtia during the Great Patriotic War of 1941 — 1945: the Proceedings of the republican scientific and practical conference. Izhevsk;2005:304 — 312. (In Russ.)

12. The list of districts, cities, enterprises, institutions, departments, collective farms, schools, educational institutions and individuals that received congratulatory telegrams expressing gratitude for assistance to the front from the Supreme Commander-in-Chief I. V. Stalin // Udmurtia in the Great Patriotic War of 1941 — 1945: the collection of documents. Izhevsk;1995:327 — 334. (In Russ.)

13. Shumilov E. F. Legendary Leonard is a Izhevsk goldsmith, poet, hunter and rebel // Udmurtskaya Pravda. 2022. October 13. (In Russ.)

14. Shumilov E. F. Labor front. Heroic deeds and everyday life of the weapons forge on the Izh Documentary narrative in five chapters and one hundred stories. Izhevsk;2015:224. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.04.2025;
одобрена после рецензирования 14.07.2025; принята к публикации 17.07.2025

Информация об авторе:

Воронцов Владимир Степанович, старший научный сотрудник
Института философии и права Уральского отделения РАН
(620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16),
кандидат исторических наук, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2491-4141>, vvorontsov@rambler.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 20.04.2025;
approved after reviewing 14.07.2025; accepted for publication 17.07.2025

Information about the author:

Vladimir S. Vorontsov, senior researcher, the Institute of Philosophy
and Law, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(16, Sof'i Kovalevskoy St., Yekaterinburg, Russia, 620108),
candidate of Historical Sciences, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2491-4141>, vvorontsov@rambler.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 20.04.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗӗн 14.07.2025 ырланӗ; 17.07.2025 пичете йышӗннӗ

Автор сӗнчен:

Воронцов Владимир Степанович, РӒА Урал уйрӗмӗн
философие право институчӗн ӗслӗлӗх аслӗ ӗстешӗ

(620108, Раҫҫей, Екатеринбург хули, Софья Ковалевская ур., 16),
истори ӗслӗлӗхӗсен кандидачӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2491-4141>, vvorontsov@rambler.ru

Пайталӗх конфликчӗ: автор пайталӗх конфликчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал сӗрайӗн юлашки вариантне вуласа тухнӗ, ырланӗ.

УДК 908
ББК 63.3(2)622

Научная статья

ВКЛАД ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА В ЛЕЧЕНИЕ РАНЕНЫХ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. А. Дегтярева

Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Россия
degtjareva-natasha@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются ключевые направления деятельности обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в госпиталях Южного Урала во время Великой Отечественной войны. Автор детально анализирует подготовку южноуральскими отделениями этих обществ средних и младших медицинских работников, таких, как медсестры и санитарные дружинницы. Кроме того, в статье освещаются вопросы пропаганды и реализации донорского движения, а также обучения населения основам оказания первой медицинской помощи. Отдельное внимание уделяется шефству обществ Красного Креста и Красного Полумесяца над госпиталями Южного Урала.

Ключевые слова: госпиталь, донорство, медицинские кадры, общества Красного Креста и Красного Полумесяца, шефство

Для цитирования: Дегтярева Н. А. Вклад обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в лечение раненых на Южном Урале во время Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 53 — 59

© Дегтярева Н. А., 2025

Scientific article

THE CONTRIBUTION OF THE RED CROSS AND RED CRESCENT SOCIETIES TO THE TREATMENT OF THE WOUNDED IN THE SOUTHERN URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. A. Degtyareva

Orenburg State University,
Orenburg, Russia
degtjareva-natasha@mail.ru

Abstract. The article examines the key areas of activity of the Red Cross and Red Crescent Societies in the hospitals of the Southern Urals during the Great Patriotic War. The author analyzes the training of middle and junior medical workers by the South Ural branches of these societies, such as nurses and sanitary in detail. In addition, the article covers the issues of propaganda and implementation of the donor movement as well as the first aid training to the population. Special attention is paid to the patronage of the Red Cross and Red Crescent Societies over the hospitals of the Southern Urals.

Keywords: hospital, donation, medical personnel, the Red Cross and Red Crescent Societies, patronage

For citation: Degtyareva N. A. The contribution of the Red Cross and Red Crescent Societies to the treatment of the wounded in the Southern Urals during the Great Patriotic War // Modern humanities. 2025;1(4):53 — 59

Аслăлăх статийи

ХЁРЛЁ ХЁРЕСПЕ ХЁРЛЁ ЪУР УЙАХ ОБЩЕСТВИСЕМ ТАВАН ЪЁР-ШЫВАН АСЛА ВАРЪИ ВАХАТЁНЧЕ КАНТАР УРАЛТА АМАННИСЕНЕ СИПЛЕС ЁЪЕ ХЫВНА ТУПЕ

Н. А. Дегтярева

Оренбург патшалăх университетё,
Оренбург хули, РаѪей
degtyareva-natasha@mail.ru

Аннотаци. Статъяра Хёрлё Хёреспе Хёрлё Ъур уйах обществисен Кантар Уралти госпитальсенчи ёѪ-хёлён Таван Ѫёр-шыван Асла варѪи вахатёнчи тёп Ѫул-йёрне тёпченё. Автор Ѫак обществасен Кантар Уралти уйрамёсем медицинан ватам тата кёѪён ёѪченёсене, уйрамман илсен, медсестрасемпе санитаркасене вёрентсе хатёрленине тёплён тишкернё. Кунсар пуѪне, статъяра донор юхамне пропагандалас тата пурнаѪа кёртес, халаха медицинан малтанхи пулаѪавне парас ёс никёсёсене вёрентес ыйтусене сугатна. Хёрлё Хёреспе Хёрлё Ъур уйах обществисем Кантар Уралти госпитальсене шеф пулаѪавё панине уйрамман Ѫырса катартна.

Тёп сймахсем: госпиталь, донорлаѪ, медицина кадрёсем, Хёрлё Хёреспе Хёрлё Ъур уйах обществисем, шефлаѪ

Цитаталама: Дегтярева Н. А. Хёрлё Хёреспе Хёрлё Ъур уйах обществисем Таван Ѫёр-шыван Асла варѪи вахатёнче Кантар Уралта аманнисене сиплес ёѪе хывна тупе // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 53 — 59

Введение

В этом году наша страна отмечает важную дату в истории — 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. В эти памятные дни важно еще раз вспомнить советские общественные организации, которые оказывали всестороннюю помощь населению в деле приближения Победы. Особенно это приобретает актуальность в связи с проведением специальной военной операции России на Украине. Опыт, накопленный в 1941 — 1945 гг. по спасению раненых бойцов и командиров Красной Армии, может быть использован и в наши дни. Цель исследования — анализ процесса обучения населения Южного Урала активистами обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП) основам оказания первой медицинской помощи; рассмотрение подготовки медицинских кадров для фронта и южноуральских госпиталей. Также уделено внимание шефской работе и донорскому движению СОКК и КП.

Материалы и методы

В ходе исследования автор использовал материалы Архива военно-медицинского музея Министерства обороны РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Объединенного государственного архива Оренбургской области, Объединенного государственного архива Челябинской области, а также статьи в научных сборниках и периодической печати.

Теоретико-методологической основой исследования являются принципы объективности и историзма, научного анализа фактических данных. Применялись проблемно-хронологический, системный, сравнительно-исторический, описательный, документально-иллюстративный, статистический методы. Выводы строятся на результатах критико-аналитического обобщения конкретно-исторического материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Успех лечения раненых и больных бойцов Красной Армии во многом зависел от квалификации медицинского персонала: врачей, медсестер, санитарных инструкторов и санитаров. В годы Великой Отечественной войны в госпиталях и других военных лечебных учреждениях трудились более 200 тыс. врачей и 500 тыс. сотрудников среднего медицинского звена. Благодаря их усилиям было спасено свыше 10 млн раненых воинов¹.

Как отмечал Е. И. Смирнов, начальник Главного военного санитарного управления Красной Армии, роль и значение медицинского персонала в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг., охватившей десятки миллионов людей, существенно возросла [6, с. 8]. В военный период вопрос нехватки медицинских работников приобрел критическое значение.

К началу войны в СССР насчитывалось 155 тыс. врачей, из которых преобладающее большинство (62 %) составляли женщины, а также среди медиков было значительное количество лиц пожилого возраста и других категорий граждан, чья профессиональная деятельность в военной медицине была ограничена [4, с. 5, 585 — 586]. Медицинские учреждения Красной Армии накануне войны были укомплектованы врачами лишь на 77 %.

Сформированные в тылу эвакуогоспитали также нуждались в квалифицированных медицинских кадрах. В первые дни войны ситуация усугубилась вследствие призыва наиболее опытных врачей на фронт.

В целом, здравоохранение Южного Урала в военные годы испытывало острую нехватку врачей и среднего медицинского персонала по совокупности причин. Из Чкаловской (ныне Оренбургской) области за первый месяц войны на фронт выбыло более 350 медсестер и 250 санитарных инструкторов [2, с. 19]. За весь период войны из Челябинской области вместе с госпиталями выбыло 750 врачей и 2 тыс. сотрудников среднего медицинского звена².

Военная необходимость в привлечении большого числа медицинского персонала и постоянной передислокации госпиталей потребовала рационального распределения медицинских кадров и активного участия Общества Красного Креста и Красного Полумесяца в патронажной и санитарной деятельности [3, с. 23].

В мирное время СОКК и КП последовательно готовило средний и младший медперсонал: медсестер и так называемых сандружинниц. Согласно установленному порядку, подготовка медсестер осуществлялась на курсах различной продолжительности для различных категорий населения:

— полугодовые курсы — для работниц и служащих с неполным средним образованием (с сохранением рабочего места);

— годовые курсы — для студенток некоторых вузов (с сохранением учебного места) и для женщин, не занятых на производстве и имеющих семилетнее образование;

— одиннадцатимесячные курсы — для жен командно-политического состава Красной Армии³.

¹ Смирнов Е. И. Великая победа советского народа // Здоровье. 1961. № 6. С. 3 — 4.

² Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 73. Л. 96 — 97.

³ Селиванов В. И. Советское общество Красного Креста и Красного Полумесяца в годы Великой Отечественной войны // Советское здравоохранение. 1965. № 5. С. 20 — 26.

Программа обучения была направлена на подготовку медсестер для работы в медицинских подразделениях действующей армии, эвакуационных госпиталях тыла и военно-санитарных поездах.

Сандружинницы готовились из числа работниц и служащих советских предприятий и учреждений на двухмесячных курсах (без отрыва от производства). Программа обучения включала знания и навыки оказания первой помощи и ухода за ранеными и больными в лечебных учреждениях и военно-санитарных поездах [1, с. 34, 56].

В преддверии и в ходе Великой Отечественной войны областные комитеты ВКП(б) Южного Урала поставили перед районными организациями Красного Креста (РОКК) задачу подготовки квалифицированных медицинских кадров для фронта⁴.

Челябинский обком партии 30 июня 1941 г. поручил РОКК, руководителям областного здравоохранения, городским и районным комитетам партии расширить сеть курсов по подготовке медсестер и санитарных дружинниц, а также организовать кружки санитарной обороны на предприятиях, в учреждениях и колхозах⁵.

В Чкаловской области подготовка медицинских кадров началась с первых дней войны. К 4 июля 1941 г. в г. Чкалове функционировало 45 кружков Государственной санитарной охраны (ГСО) с общим количеством обучаемых — 1200 чел.⁶

В соответствии с приказом Наркома здравоохранения СССР от 11 марта 1942 г. штатные должности санитаров и медсестер в эвакогоспиталях укомплектовывались за счет подготовленных РОКК и медицинских учреждений кадров. Кроме того, привлекались на общественных началах медсестры запаса и сандружинницы РОКК⁷.

За годы Великой Отечественной войны в Чкаловской области силами областного комитета Красного Креста и Красного Полумесяца было подготовлено 3946 медсестер, 7961 санитарная дружинница, 854 санитар, 348 санинструкторов, 316 046 значкистов ГСО, 93 643 значкиста бригад гражданской обороны (БГСО)⁸.

Президиум исполнительного комитета Советского Общества Красного Креста и Красного Полумесяца высоко оценил работу южноуральских комитетов Красного Креста по подготовке кадров. Челябинская организация была признана победителем соревнований в области подготовки санитарно-оборонных кадров, проводившихся в мае 1943 г. среди 29 областных комитетов⁹.

Для повышения профессиональной квалификации медицинских сестер областные отделы здравоохранения совместно с областными комитетами Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, при поддержке санитарных отделов военных округов организовали курсы подготовки и повышения квалификации прямо в госпиталях. Такой подход позволял осуществлять непрерывное наблюдение за ранеными, обеспечить им надлежащий уход и лечение, а также готовить медицинский персонал с учетом специфики работы конкретного госпиталя. За первый год войны на таких курсах получили специальность 61 % средних меди-

⁴ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 3632. Л. 211.

⁶ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 76. Л. 8.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8009. Оп. 1. Д. 424. Л. 310.

⁸ ОГАОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 777. Л. 13; Д. 18. С. 61 — 62.

⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 17. Д. 183. Л. 21; Д. 6. С. 15.

цинских работников. В этот же период в госпиталях было проведено 180 сестринских конференций, на которых прозвучало 199 докладов медсестер и многочисленные выступления врачей¹⁰.

Специализация лечебных учреждений во время войны потребовала ускоренной подготовки медицинских сестер в областях, которые до войны не получили достаточного развития, таких как физиотерапия, лечебная физкультура и др. В Челябинской области, например, около тысячи женщин прошли специальные курсы по операционному делу, гипсовой технике, физиотерапии, лечебной физкультуре и диетическому питанию при эвакуационных госпиталях. Отдел эвакуационных госпиталей ежегодно осуществлял теоретическую и практическую подготовку среднего и младшего медицинского персонала (медсестер и санитарок)¹¹.

Профсоюзы активно способствовали подготовке медицинских кадров для обслуживания населения. 2 июля 1941 г. секретариат ВЦСПС принял постановление, предписывающее профсоюзным организациям заниматься подготовкой медицинских сестер и санитарных дружинниц. Аналогичные решения были приняты на региональном и местном уровнях. Газета «Труд» в своей передовице призвала рассматривать подготовку медицинских кадров как важную государственную задачу. Профсоюзы Южного Урала совместно с органами здравоохранения и организациями Красного Креста организовали кружки и краткосрочные курсы для подготовки медицинского персонала. Занятия проводились в удобное время, учитывая производственные нужды. Так, на Магнитогорском металлургическом комбинате обучение медсестер было организовано в три смены¹².

В подготовке медицинских кадров для нужд фронта сыграли важную роль комсомольские организации. 23 июня 1941 г. Центральный комитет ВЛКСМ принял постановление, предписывающее местным комитетам комсомола активное участие в обучении молодежи на курсах медсестер и санитарных дружинниц¹³.

Для оптимизации этого процесса партийные комитеты организовывали совещания с представителями партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций и органов здравоохранения. Примером тому может служить совещание, прошедшее в декабре 1941 г. при Челябинском городском комитете ВКП(б), на котором обсуждались вопросы учебной работы на курсах медсестер и выработаны рекомендации по совершенствованию деятельности учебных подразделений РОКК¹⁴.

Во время Великой Отечественной войны широкое распространение получила практика шефства над госпиталями. Такими учреждениями становились промышленные предприятия, совхозы, колхозы, общественные, хозяйственные организации, а также учреждения культуры и образования.

Организации Красного Креста осуществляли шефство над госпиталями на протяжении всей войны. Так, в сентябре 1941 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) поручило областному комитету РОКК закрепить все первичные организации за госпиталями, отделениями и палатами. По данным Челябинского городского комитета этой организации, только в 1944 г. в госпиталях работали 144 первичные краснокрес-

¹⁰ Архив военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (АВММ). Ф. 1. Оп. 43307. Д. 9. Л. 21; Д. 20. С. 20 — 21.

¹¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 17. Д. 94. Л. 16; Д. 10. Л. 129.

¹² Труд. 1941. 29 июля. С. 1.

¹³ Диваков П. Д. Подготовка медсестер и сандружинниц // Медицинская сестра. 1942. № 9. С. 26 — 29.

¹⁴ Челябинский рабочий. 1941. 5 декабря. С. 1.

товские организации, обслуживавшие 158 палат. В госпиталях г. Челябинска в годы войны ежедневно дежурили более 5 тыс. санитарных активисток, среди которых особо отличились А. П. Сушкова, А. И. Головизиния, В. П. Ревягини и др.¹⁵

В Чкаловской области 13 районных комитетов Красного Креста активно оказывали поддержку раненым солдатам, проходящим лечение в эвакуогоспиталях¹⁶. За первое полугодие 1945 г. 88 первичных организаций Красного Креста выполнили значительный объем работ: выстирали 12 085 единиц белья, сшили 2093 единицы одежды, собрали 150 единиц белья и обуви, а также 1800 руб.¹⁷

Красный Крест уделял особое внимание патронажу над палатами тяжелораненых воинов. В качестве примера можно привести деятельность председателя одной из первичных ячеек Челябинской области Никовой, которая организовала 47 активисток для постоянного ухода за тяжелоранеными: они кормили солдат и поддерживали чистоту в палатах¹⁸.

Командование госпиталей выражало благодарность активистам общества за эффективную организацию шефства. В 1944 г. в Челябинской области исполком СОКК и КП наградил почетными значками «Отличнику санитарной обороны» секретаря партийной организации конторы Заготзерно В. В. Князева, секретаря парторганизации Петрова, директора завода Шульмана, а также активистов Красного Креста Челябинской ГРЭС Яценко и Голебеву.

Организация донорского движения стала одной из важнейших заслуг СОКК и КП. В тесном сотрудничестве с органами здравоохранения комитеты общества развернули масштабную просветительскую деятельность среди населения, направленную на обеспечение бесперебойного снабжения тыловых госпиталей донорской кровью [7, с. 34]. В июле 1941 г. в Чкаловской области более 1500 женщин выразили готовность стать донорами [5, с. 187]. К концу того же года их число в области достигло 4681 чел. В 1941 — 1945 гг. в ряды доноров Красного Креста в Чкаловской области вступили 8000 чел. Так, домохозяйки железнодорожного узла г. Бузулука Шатинова и Курпанова за это время сдали по 4 литра крови. На опорном пункте в г. Бузулуке в военные годы работало до 400 доноров.

В марте 1942 г. из 110 работников Верховного суда СССР, эвакуированных из Москвы в г. Чкалов, 70 чел. состояли в рядах Российского общества Красного Креста (РОКК) и являлись донорами¹⁹.

Заключение

В ходе Великой Отечественной войны Южно-Уральское отделение Общества Красного Креста и Красного Полумесяца внесло значительный вклад в общую победу. Организация оказывала всестороннюю поддержку раненым, проводила обучение населения основам оказания первой медицинской помощи, готовила квалифицированные медицинские кадры для нужд фронта и госпиталей, а также организовывала шефство над воинскими подразделениями и донорское движение.

Наряду с научно-исследовательским и прикладным значением исследование носит глубокий этический и гуманитарный смысл. До этого момента комплексно никто не изучал данную проблематику.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 769. Л. 3 об.

¹⁶ ОГАОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 148. Л. 8.

¹⁷ Под знаменем Ленина. Бузулукский р-н. 1942. 11 октября. С. 2.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. П-1156. Оп. 1. Д. 59. Л. 44.

¹⁹ ОГАОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 777. Л. 13; Д. 18. С. 61 — 62.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барсуков М. И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР. Москва: Медгиз, 1955. 156 с.
2. Безверхний А. З. В едином боевом лагере: очерк о работе Оренбургской областной партийной организации в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965. 87 с.
3. Злоткин И. Л. Боевые традиции краснокрестовцев Урала. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1967. 47 с.
4. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический сборник. Москва: Госполитиздат, 1987. 678 с.
5. Подвиг оренбуржцев. Документы и материалы об участии трудящихся Оренбургской области в Великой Отечественной войне (1941 — 1945). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. 271 с.
6. Смирнов Е. И. Война и военная медицина. 1939 — 1945 годы. Москва: Медицина, 1979. 524 с.
7. Троян Н. В. Советский Красный Крест в годы Великой Отечественной войны. Москва: Медицина, 1975. 56 с.

REFERENCES

1. Barsukov M. I. The Red Cross and Red Crescent of the USSR. Moscow;1955:156. (In Russ.)
2. Bezverkhny A. Z. A single combat camp: the sketch on the work of the Orenburg regional party organization during the Great Patriotic War (1941 — 1945). Chelyabinsk;1965:87. (In Russ.)
3. Zlotkin I. L. Combat traditions of the Ural Red Cross soldiers. Perm;1967. (In Russ.)
4. National economy of the USSR for 70 years: jubilee statistical collection. Moscow;1987:678. (In Russ.)
5. The feat of the Orenburg residents. The documents and materials on workers' participation of the Orenburg region in the Great Patriotic War (1941 — 1945). Chelyabinsk;1969:271. (In Russ.)
6. Smirnov E. I. War and military medicine. 1939 — 1945. Moscow;1979:524. (In Russ.)
7. Troyan N. V. The Soviet Red Cross during the Great Patriotic War. Moscow;1975:56. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.03.2025,
одобрена после рецензирования 06.08.2025; принята к публикации 08.09.2025

Информация об авторе:

Дегтярева Наталья Александровна, доцент кафедры истории
Оренбургского государственного университета
(460018, Россия, г. Оренбург, пр. Победы, 13),
кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3051-3184>, degtyareva-natasha@mail

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 25.03.2025;
approved after reviewing 06.08.2025; accepted for publication 08.09.2025

Information about the author:

Natalya A. Degtyareva, associate professor
of the Department of History, Orenburg State University
(13, Victory Ave., Orenburg, Russia, 460018),
candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3051-3184>, degtyareva-natasha@mail

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 25.03.2025 җитнѐ;
рецензиленѐ хыҗҗан 06.08.2025 ырлан; 08.09.2025 пичете йышаннѐ

Автор җинчен:

Дегтярева Наталья Александровна, Оренбург патшалѐх
университетѐн истори кафедрин доцентѐ
(460018, Раҗҗей, Оренбург хули, Сѐнтерѐ пр., 13),
истори асламхѐсен кандидадѐ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3051-3184>, degtyareva-natasha@mail

Пайталѐх конфликтѐ: автор пайталѐх конфликтѐ җуккине пѐлтерет.

Автор ал җырѐвѐн юлашки вариантне вуласа тухнѐ, ырлан.

УДК 093.371.5. (373)
ББК 63.3(2) 622:68.42

Научная статья

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СЕМЬЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Ю. Пичугин

Казанское высшее танковое командное училище,
г. Казань, Россия
arcad1977@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению социальной помощи семьям защитников Родины в контексте государственных законодательных актов и практических мер по реализации их основных положений в жизнь. В частности, раскрывается деятельность социальных служб Ульяновской области по организации материальной поддержки семьям военнослужащих. Анализируются меры социальной помощи, действовавшие в отношении семей военнослужащих на территории региона в военное время, а также проблемные аспекты, связанные с уровнем и качеством жизни населения. Вкратце рассматривается роль всенародной помощи семьям военнослужащих.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ульяновская область, законодательные акты, семьи военнослужащих, социальная забота, трудоустройство, всенародная помощь

Для цитирования: Пичугин А. Ю. Социальная помощь семьям военнослужащих в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 60 — 67

© Пичугин А. Ю., 2025

Scientific article

SOCIAL ASSISTANCE TO THE FAMILIES OF MILITARY PERSONNEL IN THE ULYANOVSK REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. Y. Pichugin

Kazan Higher Tank Command School,
Kazan, Russia
arcad1977@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of social assistance to the families of defenders of the Motherland in the context of state legislative acts and practical measures to implement their main statements in life. The activities of social services of the Ulyanovsk region in organizing material support for the families of military personnel have been revealed. At the same time, the social assistance measures in respect of the military personnel families in the region during wartime, as well as problematic aspects related to the standard and quality of life of the population have been analyzed. The role of nationwide assistance to the families of military personnel has been overviewed.

Keywords: the Great Patriotic War, Ulyanovsk Oblast, legislative acts, military families, social care, employment, public assistance

For citation: Pichugin A. Y. Social assistance to the families of military personnel in the Ulyanovsk region during the Great Patriotic War // Modern humanities. 2025;1(4):60 — 67

Аслалӑх статийи

ТАВАН ҶӢР-ШЫВӢН АСЛӢ ВӢРҶИ ҶУЛӢСЕНЧЕ УЛЬЯНОВСК ОБЛАҶӢНЧЕ ҶАР ҶЫННИСЕН ҶЕМӢЙИСЕНЕ СОЦИАЛЛА ПУЛАШУ ПАНИ

А. Ю. Пичугин

Хусан танк команда аслӢ училищи,
Хусан хули, РаҶсей
arcad1977@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра Тӑван ҶӢр-шыв хӳтӑлевҶисен ҶемӢйсене социалла пулашу парас ыйтава тӑпченӑ, Ҷавна май патшалӑхӑн саккун акӶсен тӑп положенийӑсене пурнаҶа кӑртес енӑпе Ҷӑннипе мӑнлерех мерӑсем йышӑннине пӑхса тухнӑ. Уйрӑммӑн илсен, Ульяновск облаҶӑн социалла службисем Ҷар Ҷыннисен ҶемӢйсене пурлаӑх тӑлӑшӑнчен пулашас ӑҶе йӑркеленине уҶса панӑ. ВӑрҶӑ вӑхӑтӑнче регион территорияӑнче Ҷар Ҷыннисен ҶемӢйсене социалла пулашу памалли мерӑсем мӑнле пурнаҶланса пынине, Ҷавӑн пекех халӑх пурнаҶӑн шайӑпе тата пахалӑхӑпе Ҷыхӑннӑ сивӑч ыйтусене тишкернӑ. Ҷар Ҷыннисен ҶемӢйсене пӑтӑм халӑх епле пулашнипе кӑскен паллаштарнӑ.

Тӑп сӑмахсем: Тӑван ҶӢр-шывӑн Аслӑ вӑрҶи, Ульяновск облаҶӑ, саккун акӶсем, Ҷар Ҷыннисен ҶемӢисем, социалла тимлӑх, ӑҶе вырнаҶтару, пӑтӑм халӑх пулашӑвӑ

Цитатӑлама: Пичугин А. Ю. Тӑван ҶӢр-шывӑн Аслӑ вӑрҶи Ҷулӑсенче Ульяновск облаҶӑнче Ҷар Ҷыннисен ҶемӢйсене социалла пулашу пани // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 60 — 67

Введение

Оказание всемерной помощи со стороны государства и общества семьям защитников Родины является одной из значимых составляющих поддержания морального духа солдат и офицеров вооруженных сил, а также позитивного общественно-политического настроения в тылу, необходимого для бесперебойной и стабильной работы индустриально-оборонных и сельскохозяйственных секторов экономики СССР, учреждений социокультурной сферы. В этом отношении не являлись исключением и годы Великой Отечественной войны, когда была создана особая система помощи семьям военнослужащих, позволявшая использовать как государственные фонды и ресурсы местных хозяйствующих субъектов, так и добровольные пожертвования граждан страны. Надлежащее обеспечение родителей, жен и детей фронтовиков позволило не только снизить социальную напряженность и стабилизировать общественно-политические настроения в многонациональном советском обществе, но и повысить производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве, а также расширить формы патриотического новаторства на производстве.

Материалы и методы

Методологическая основа представлена фундаментальными положениями теории научного познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и др.) и основными принципами исторической науки — историзмом, комплексностью и объективностью оценки данных. Указанные выше принципы были реализованы в комплексе с общенаучными методами всестороннего, системного и диалектического анализа, сравнительного и хронологически-проблемного описания деятельности государственных, партийных, общественных и хозяйственных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих в условиях войны. При осуществлении исследования статистических данных был применен описательный метод.

Источниковая база — делопроизводственная и статистическая документация (в основном неопубликованные материалы) из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), а также законодательные акты, документы личного происхождения и др. В научный оборот были введены материалы Ульяновского областного отдела социального обеспечения. Материалы периодической печати военного периода представлены центральными («Правда», «Красная Звезда») и местными («Ульяновская правда», «Пролетарский путь» и др.) газетами.

Кроме того, использованы эмпирические материалы, полученные путем интервьюирования современников событий Великой Отечественной войны. Хотя эти материалы имеют некоторый субъективный и пафосный характер, но они помогли глубже вникнуть в суть проблем, связанных с государственной, общественной и иными формами помощи семьям военнослужащих, а также способствовали формированию сравнительной оценки положения дел в тылу.

Результаты исследования и их обсуждение

Великая Отечественная война — один из важнейших и трагических периодов в истории Ульяновской области, время крайнего напряжения сил народа и ресурсов государства. Ульяновская область в годы войны стала не только местом мобилизации людских ресурсов в действующую армию (всего призвано более 258 тыс. чел.¹, или 28 % жителей области), но и территорией сосредоточения ряда крупных эвакуированных оборонных предприятий, центральных органов исполнительной власти, значительного контингента эвакуированных граждан и беженцев из западных и прифронтовых регионов страны, а также из Ленинграда, Москвы (всего, примерно, 140 тыс. чел.²).

Все это потребовало от местных властей обратить серьезное внимание на проблемы оказания социальной помощи семьям военнослужащих и эвакуированному населению. В годы Великой Отечественной войны особое место в социальной политике Советского государства занимали материальные и нематериальные проблемы военнослужащих (фронтовиков) и членов их семей, которые составляли значительную часть населения страны. Именно в этот период были приняты специальные законодательные акты, гарантировавшие социальную защиту наиболее пострадавшим от войны группам населения: семьям фронтовиков, инвалидам войны и труда, сиротам. Семьям военнослужащих выплачивались пособия, инвалидам — пенсии, а также им предоставлялись социальные, налоговые и другие льготы. В эти годы материальное положение семей военнослужащих, обеспечение нормальных условий их жизнедеятельности было одной из важнейших задач, осуществлявшейся органами государственной власти различных уровней, поскольку от этого зависела не только боеспособность Красной Армии, но и стабильная работа тружеников тыла.

С началом войны увидел свет целый ряд указов Президиума Верховного Совета СССР, послуживших основой для социального обеспечения семей фронтовиков. 26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Пособия получали нетрудоспособ-

¹ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 5. Д. 432. Л. 135 — 135 об.

² Там же. Оп. 1. Д. 128. Л. 6.

ные члены семьи, если в семье не было трудоспособных или если при одном способном к труду имелось три и более нетрудоспособных, или двое детей до 16 лет (учащихся до 18 лет). Семьи были вправе рассчитывать на пособие и в том случае, если военнослужащий был мобилизован в ряды Красной Армии, Военно-морского флота, Пограничных войск НКВД, но не проходил сверхсрочную службу. При отсутствии в семье трудоспособных членов пособие выплачивалось в городах в размере от 100 до 200 руб. исходя из количества нетрудоспособных, в сельской местности — от 50 до 100 руб. Пособие на двоих детей, не достигнувших 16-летнего возраста, составляло 100 руб. Если в семье было три и более нетрудоспособных при одном трудоспособном, то размер пособия составлял 150 руб. в городах и 75 руб. в селах. Согласно положению 6 Указа, нетрудоспособными, находящимися на иждивении военнослужащего, признавались дети, братья и сестры моложе 16 лет либо учащиеся моложе 18 лет при условии отсутствия у них трудоспособных родителей, отец старше 60 лет, мать старше 55 лет, а также супруга или родители — инвалиды первой или второй групп независимо от возраста [2].

Пособие назначалось по месту жительства комиссией при территориальном исполнительном комитете Советов депутатов трудящихся. В комиссию входили председатель, одновременно являвшийся заместителем председателя исполкома, военный комиссар и заведующий отделом социального обеспечения. Она рассматривала вопросы о назначении пособия в трехдневный срок со дня получения заявлений от семей военнослужащих, проживавших в городах, и списков от сельских советов, проживавших в деревнях и селах. В случае гибели или пропажи без вести военнослужащего пособие выдавалось до дня назначения пенсии [1].

Однако к началу 1943 г. существующая система реализации государственной политики в сфере социальной защиты семей военнослужащих не отвечала вызовам времени и требовала серьезных изменений. В постановлении ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г. говорилось, что учреждения социального обеспечения на протяжении двух лет не смогли привести в должное состояние обеспечение семей военнослужащих. Поэтому Указом Президиума Верховного Совета СССР, а затем и РСФСР от 27 января 1943 г. были учреждены отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Вновь созданные структуры снабжали пособиями и пенсиями семьи военнослужащих рядового и младшего начсостава РККА и ВМФ, осуществляли трудоустройство и проведение мероприятий по удовлетворению материально-бытовых нужд, обеспечивали представление льгот, а также рассматривали заявления, жалобы от семей военнослужащих и принимали по ним решения и меры [3].

Этим постановлением вопросы назначения и выплаты пенсий и пособий семьям рядового и младшего начсостава были исключены из ведения органов социального обеспечения. Назначение пособий, пенсий было возложено на комиссии, образованные при исполкомах в составе председателя — заместителя председателя районного или городского исполкома, являвшегося заведующим отделом по государственному обеспечению и ее членов: военкома и заведующего финансовым отделом. Комиссии осуществляли также непосредственный контроль за своевременностью выплат пенсий и пособий³.

³ О комиссиях по назначению пособий и пенсий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава: распоряжение СНК СССР от 22 февраля 1943 г. № 3849-р // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 208. Л. 93.

В суровых военных условиях для аграрно-индустриальной Ульяновской области мобилизация значительной части трудоспособного населения в действующую армию негативно сказалась не только на экономике региона, но и на материальном положении ее жителей, особенно семей военнослужащих. Среди главных причин ухудшения материального и жилищного положения населения следует назвать резкое снижение уровня производства товаров широкого потребления, урожайности хлебов и товарности животноводства, а также увеличение численности социальных иждивенцев в лице семей фронтовиков, инвалидов войны, детей-сирот, родителей, потерявших кормильца, и эвакуированных граждан и беженцев. Особенно остро стоял вопрос снабжения семей военнослужащих продовольствием, поскольку в условиях военного времени из года в год падал валовой сбор хлебов, и тем самым сокращались объемы поставок хлеба государству. К примеру, в 1941 г. аграрный сектор региона сдал государству 245 тыс. т зерна, в 1942 г. — 198 тыс. т, в 1943 г. — 116 тыс. т [6]. Значительное снижение валового сбора хлебов и сокращения поголовья скота не могло не сказаться и на уровне доходов тружеников сельского хозяйства. К примеру, если в 1941 г. в среднем на один трудодень член колхоза получал 1,5 кг зерна, то в 1943 г. — 0,3 кг [4, с. 115]. В результате колхозники, составляющие подавляющее большинство населения области, оказались самой незащищенной категорией семей военнослужащих.

Кроме того, рост общей численности семей фронтовиков ввиду постоянного прибывания эвакуированного населения в Ульяновскую область еще больше обострил проблему материального и жилищного обеспечения семей военнослужащих и инвалидов войны. Эвакуированные граждане направлялись в область не просто для переживания окончания войны, но и для работы на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах и организационно-хозяйствующих и культурно-просветительных структурах. Местным райисполкомам предписывалось в срочном порядке составлять планы расселения эвакуированных граждан, а также в течение двух дней проработать со всеми ответственными лицами вопросы снабжения их жилой площадью, продуктами и промтоварами. Причем все прибывающие в область трудоспособные граждане в пункте прибытия должны были быть устроены на работу, а их дети — в школы и детские сады (ясли), а также решен вопрос оплаты их труда. Оплата труда эвакуированным, работавшим в колхозах, производилась по трудодням, в совхозах — по действующим ставкам и расценкам наряду со всеми рабочими хозяйства. Предоставление продуктов питания в колхозах предлагалось производить авансом под заработок из колхозных фондов. Если таковых не было, облисполком обязывал районные власти выделять помощь из фондов других колхозов. В совхозах эвакуированным людям выдавали на руки аванс в рублях⁴.

В результате местные органы власти оказались в затруднительном положении в плане определения объемов материальных средств, продуктов питания и жилых помещений для эвакуированных семей военнослужащих, поскольку была нарушена установленная схема подачи сведений от вышестоящей в нижестоящую организацию. Взамен этой системы широко практиковались письма и телеграммы, которые часто направлялись напрямую адресату, минуя начальствующие структуры. Естественно, что в таких затрудненных условиях организации работ местными руководителями эвакуированные семьи военнослужащих с первых

⁴ ГАНИ УО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 370. Л. 165.

дней своего пребывания на территории области терпели серьезную нужду. С проблемами снабжения эвакуированных семей военнослужащих не справлялись не только местные органы власти, но и учреждения Приволжского военного округа.

В Ульяновской области за годы войны так и не удалось полностью решить проблему трудоустройства членов семей военнослужащих. В особенно затруднительном положении оказались женщины, имевшие малолетних детей, большая часть которых была занята лишь на сезонных работах, поскольку для их детей требовалась не только организация временных летних детских площадок, но и места в детских садах. Причем многие женщины не имели подходящие специальности для работы на новом месте. И здесь были большие проблемные зоны. В результате процент переобученных членов семей военнослужащих на специальности, востребованные в том или ином районе или населенном пункте, был ничтожно малым. Так, в 1944 г. в среднем на один район области новые специальности приобрели 15 — 20 чел. Кроме того, в сельскую местность в начале войны было эвакуировано большое количество семей фронтовиков, имевших высшее образование, которым там не находилось применения по специальности. На 1 декабря 1945 г. было трудоустроено 5114 трудоспособных членов семей фронтовиков, но более 3 тыс. чел. числились безработными. При этом военный отдел Ульяновского обкома ВКП(б) указывал, что, с учетом окончания военных действий, все большее внимание необходимо обращать на вовлечение в народное хозяйство демобилизованных воинов и инвалидов войны⁵.

Не лучшим в Ульяновской области было и материальное положение семей погибших фронтовиков. Выплата пенсий членам их семей, а также снабжение их необходимыми продуктами и товарами после организации отделов по государственному обеспечению остались в ведении областного собеса и его нижестоящих подразделений. Вплоть до декабря 1945 г. собесы на местах не располагали точными данными о количестве семей погибших фронтовиков. В ряде случаев не только из-за некачественно поставленной внутренней работы по учету состава семей военнослужащих, но и из-за многих противоречивых и нерешенных моментов в списках, подаваемых сельсоветами, регистрационными органами и районными военкоматами⁶. Всего в Ульяновской области к октябрю 1945 г. проживало 32 185 семей погибших фронтовиков, в том числе 3433 семьи офицеров. Наибольшая часть офицерских семей приходилась на Ульяновск — 780, а остальные проживали в районах (от 41 семьи в Старо-Кулаткинском районе до 170 семей в Барышском районе)⁷.

Более 80 % семей фронтовиков нуждались в материальной помощи и около 50 % — в улучшении жилищных условий. Положение семей военнослужащих осложнялось и бездействием, безответственностью, халатностью, черствостью, многочисленными должностными злоупотреблениями и преступлениями местных руководителей.

В годы Великой Отечественной войны в плане разносторонней поддержки семей военнослужащих важную роль сыграла широкая общественность страны, деятельность которой к концу войны приобрела всенародную форму. Объем помощи семьям военнослужащих, представленный населением, во много раз превышал

⁵ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 29. Л. 26 — 28 об.

⁶ ГАУО. Ф. Р-2508. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.

⁷ Там же. Д. 21. Л. 1 — 106.

различные формы государственной социальной поддержки. В целом по СССР пенсий и пособий за счет государственного бюджета было выплачено в размере 25 млрд руб., а за счет фонда помощи семьям военнослужащих — 500 млрд руб. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Ульяновской области. Так, за период с 1 марта 1943 г. по 1 сентября 1945 г. из различных фондов государственного бюджета по области семьям военнослужащих была оказана помощь в сумме 807 тыс. руб., в то время как из фонда помощи семьям фронтовиков жителями Ульяновской области — более 2 млн руб. Кроме того, населением им безвозмездно было передано 548 т хлеба, 9,8 тыс. т картофеля, 3,3 тыс. т овощей, 164 тыс. кубометров топлива, более 14,5 тыс. т кормов для скота, 3,2 тыс. предметов одежды и 12 тыс. пар обуви, почти 2,5 тыс. голов скота [5, с. 221]. Эта бескорыстная всенародная помощь стала одной из форм величайшего подвига тружеников тыла, способствовавшего Победе над врагом.

Заключение

Таким образом, Великая Отечественная война внесла значительные изменения в деятельность служб социального обеспечения Ульяновской области. В этот сложный период вся деятельность органов власти и службы социального обеспечения была ориентирована на решение острейших проблем в плане решения вопросов продовольственного и материального снабжения семей военнослужащих. Конечно, в годы войны в Ульяновской области, учитывая сложности военного времени, социальных проблем было достаточно много. Но при этом следует отметить, что не только благодаря постановлениям правительственных структур и деятельности органов социального обеспечения, но и благодаря бескорыстной всенародной помощи семьям военнослужащих многие вопросы были решены. Важную роль в этом деле в годы войны играла общественность, которая вместе с социальными организациями занималась вопросами улучшения жилищных условий семей фронтовиков, трудоустройства, заготовки дров для отопления домов, вспашки огородов, транспортировки различных грузов и других повседневных хозяйственных работ. К сожалению, история всенародной помощи семьям военнослужащих (фронтовиков) в годы Великой Отечественной войны в историографии нашей страны до сих пор остается малоисследованной темой, особенно в региональном плане.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1941 № 227 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 2 июля.
2. О пособиях семьям военнослужащих: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 30. 7 с.
3. Об образовании при совнаркомах автономных республик, исполкомах краевых, областных, окружных, городских и районных Советов депутатов трудящихся отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 27.01.1943 г. // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942 — 1943. Ленинград, 1944. С. 48 — 49.
4. Пашкин А. Г., Забалухина Н. В. Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России, 1917 — 1991. Люди, события, факты. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 202 с.
5. Пичугин А. Ю., Сидоров С. В. Социальная помощь семьям военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945) / науч. ред. Р. А. Мухамедов. Казань: Изд-во Казанского ВТКУ, 2025. 251 с.
6. Ульяновск в годы войны // Годы и люди [сайт]. URL: <https://xn----glcscwcvw5kob.xn--p1ai/entry/6823> (дата обращения: 20.04.2025).

REFERENCES

1. The procedure for assigning and paying benefits to the families of privates and junior command personnel in wartime: the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 26.06.1941. No. 227 // Vestnik of the Supreme Soviet of the USSR. 1941. July 2. (In Russ.)
2. The benefits for military families: the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR // Vestnik of the Supreme Soviet of the USSR. No 30. 1941:7. (In Russ.)
3. The formation of departments for state support and everyday arrangements for military families under the councils of people's commissars of autonomous republics, executive committees of regional, provincial, district, city and district councils of workers' deputies: the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of 27.01.1943 // the collection of decrees, resolutions, decisions, orders and orders of wartime. 1942 — 1943. Leningrad, 1944:48 — 49. (In Russ.)
4. Pashkin A. G., Zabalukhina N. V. The Simbirsk — Ulyanovsk region in the modern history of Russia, 1917 — 1991. People, events, facts. Ulyanovsk;2012:202. (In Russ.)
5. Pichugin A. Y., Sidorov S. V. Social assistance to the families of military personnel during the Great Patriotic War (1941 — 1945) / scientific ed. R. A. Mukhamedov. Kazan;2025:251. (In Russ.)
6. Ulyanovsk during the war // Years and people: [website]. URL: <https://xn---glcccw5k0b.xn-p1ai/entry/6823> (reference date: 20.04.2025). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 06.10.2025

Информация об авторе:

Пичугин Аркадий Юрьевич, доцент кафедры тактики
Казанского высшего танкового командного ордена Жукова
Краснознаменного училища, подполковник
(420059, Россия, г. Казань, Оренбургский тракт, 6),
кандидат исторических наук, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7620-7794>, arcad1977@yandex.ru.

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 10.04.2025;
Approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 06.10.2025

Information about the author:

Arkady Y. Pichugin, associate Professor at the Tactics Department
of Kazan Higher Tank Command Order of Zhukov
of the Red Banner School, Lieutenant Colonel
(6, Orenburgsky tract, Kazan, Russia, 420059),
candidate of Historical Sciences, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7620-7794>, arcad1977@yandex.ru.

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 10.04.2025 җитнә;
рецензиленә хыҗҗән 12.09.2025 ырланә; 06.10.2025 пичете йышәннә

Автор җинчен:

Пичугин Аркадий Юрьевич, Жуков орденлелә, Хәрлә Явләлә Хусан
танк команда аслә училищин тактика кафедрин доцентчә, подполковник
(420059, Раҗҗей, Хусан хули, Оренбург трактчә, 6),
истори әсләләхәсен кандидачә, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7620-7794>, arcad1977@yandex.ru.

*Пайталәх конфликтчә: автор пайталәх конфликтчә җуккине пәлтерет.
Автор ал җырәвән юлашки вариантне вуласа тухнә, ырланә.*

УДК 94(=512.111):930
ББК 63.3(2Рос.Чув)2+63.1

Научная статья

**«СУВАР» — ГОРОД ИЛИ НАРОД?
(ИСТОРИОГРАФИЯ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА
И ДИСКУССИЯ 1960 — 1980-Х ГОДОВ)¹**

А. С. Сараев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
Чебоксары, Россия
andrejsaraev@yandex.ru

Аннотация. Представление о сувахах как о ближайших предках чувашей оформилось не ранее 1920-х гг. Доминирующим в историографии это представление стало лишь к 1960 гг. Прежде, со второй половины XIX в., спорадически высказывались мнения о близости названия болгарского города Суваха с названием чувашей. До первой трети XIX в. даже о существовании такого города не было известно. Тому, как от начала обнаружения названия «Сувар» на монетах, затем открытия фактического местоположения города в науке перешли к идее о существовании одноименного племени «сувар» и связали его с названием «чуваш», посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: чуваша, Сувар, сувары, савиры, Волжская Булгария, еврейско-хазарская переписка, Х. М. Френ, А. И. Артемьев, А. Я. Гаркави, Б. Мункачи, Н. И. Ашмарин

Благодарности: автор считает своим долгом выразить благодарность сотруднику археологического направления ЧГИГН Е. П. Михайлову за предоставление редких региональных публикаций по теме статьи, сотрудников филологического направления ЧГИГН А. П. Леонтьева, И. П. Лукину, Ю. Дмитриеву (Салонтай) за помощь в переводе с чувашского и венгерского языков.

Для цитирования: Сараев А. С. «Сувар» — город или народ? (историография XIX — начала XX века и дискуссия 1960 — 1980-х годов) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 68 — 81

© Сараев А. С., 2025

Scientific article

**«SUVAR» — CITY OR NATION?
(HISTORIOGRAPHY OF 19th — EARLY 20th CENTURIES
AND THE DISCUSSION OF THE 1960s — 1980s)**

A. S. Saraev

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
andrejsaraev@yandex.ru

Abstract. The idea of the Suvars as the closest ancestors of the Chuvash people took shape no earlier than the first third of the 20th century. It became dominant in historiography only by the 1960s. Earlier, at the end of the 19th century, certain considerations existed about the similarity of the names of the city of Suvar (in Volga Bulgaria) with the name «Chuvash». Until the first third of the 19th century, even the existence of such a city was obscure. The article is aimed to demonstrate how the discovery of the name of the city on coins and then its actual location (now in Tatarstan Republic in Russia) was transformed to a concept of the existence of the eponymous tribe «Suvar». The latter was considered as an earlier form of the name «Chuvash».

¹ Окончание. Первая часть статьи опублик.: Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 3. С. 66 — 81.

Keywords: Chuvash, Suvar, Suvars, Savirs, Volga Bulgaria, Jewish-Khazar correspondence, H. M. Fraehn, A. I. Artemyev, A. Ya. Garkavi, B. Munkácsi, N. I. Ashmarin

Acknowledgements: The author states his sincere gratitude to E. P. Mikhailov, a member of the archaeological department of the Chuvash State Institute of Humanities, for providing rare regional publications on the subject of the article, and A. P. Leontiev, I. P. Lukina, and Y. Dmitrieva (Szalontai), members of the philological department of the Chuvash State Institute of Humanities, for their help in translating from Chuvash and Hungarian.

For citation: Saraev A. S. «Suvar» — city or nation? (historiography of 19th — early 20th centuries and the discussion of the 1960s — 1980s) // Modern humanities. 2025;1(4):68 — 81

Аслăлăх статийи

«СĂВАР» — ХУЛА-И Е ХАЛĂХ-И? (XIX — XX ЁМЁР ПУСЛАМĂШЁНЧИ ИСТОРИОГРАФИ ТАТА 1960 — 1980-МЁШ СЎЛСЕНЧИ ДИСКУССИ)

А. С. Сараев

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен институтё,

Шупашкар хули, Раçсей

andrejsaraev@yandex.ru

Аннотаци. Сăварсем чăвашсен чи сывăх мăн аслашшёсем пулнине 1920-мёш сўлсем хыççăн палăртма тытăнă. Историографире çак шухăш 1960-мёш сўлсем тёлнелле кăна вай илет. Унччен, XIX ёмёрён иккёмёш сурринчен пусласа, Атăлци Пăлхарти Сăвар хулин ячё чăвашемпе сывăх пулни çинчен сайра хутра çеç каланă. XIX ёмёрён 30-мёш сўлсёмччен çак хула пурри çинчен пёлмен. Хула ятне металл укça çинче курнă хыççăн, каярахпа ун вырăнне тупнă хыççăн «сăвар» ятлă йăх пулни çинчен аслăлăхра шухăш суралнине, апа «чăваш» ячёпе сыхантарнине çак статьяра уçса панă.

Тёп сăмахсем: чăвашсем, Сăвар, сăварсем, савирсем, Атăлци Пăлхар, еврейсемпе хасарсем пёр-пёрин патне сыру сўретни, Х. М. Френ, А. И. Артемьев, А. Я. Гаркави, Б. Мункачи, Н. И. Ашмарин

Тав туни: Автор ЧПГĂИ сотрудикусене — археологи енёпе ёçлекен Е. П. Михайлова регионсене статья темипе пичетленсе тухнă сайра тёл пулакан ёçсемпе паллаштарнăшăн, филологи енён ёçченёсене А. П. Леонтёва, И. П. Лукинана, Ю. Дмитриевăна (Салонтая) текстсене чăвашларан тата венгрларан куçарма пулăшнăшăн тав тăвать.

Цитатăлама: Сараев А. С. «Сăвар» — хула-и е халăх-и? (XIX — XX ёмёр пусламăшёнчи историографи тата 1960 — 1980-мёш сўлсенчи дискусси) // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 68 — 81

Часть II. Народ «сувары». Проблема источников

Рассмотрев примеры незамечания «суваров» исследователями XIX — первой трети XX в., логично задаться вопросом: откуда о таком этносе (или племени в составе волжских булгар) исследователи могли бы узнать? Как уже говорилось, проблемы с нахождением упоминаний булгар в различных источниках никогда не возникало. Даже если эти упоминания содержат одно лишь название, о самом факте существования булгар они все же свидетельствуют. Соответственно, логично предположить, что имей авторы XIX в. хотя бы минимальное число упоминаний племени «сувар», они наверняка бы данный факт отметили.

По иному поводу схожую идею в свое время сформулировал Л. Н. Гумилев: «...к счастью, нам осталось наследство от средневековой схоластики — система сносок и ссылок. Читая обзорную работу, по ссылкам легко установить, что от-

куда переписано. Авторы обзорных работ — люди дотошные. Уж если бы они могли откуда-нибудь списать такое ценное сведение..., так и списали бы его. Но, к сожалению, его нет! И мне пришлось копаться в текстах самому» [6, с. 9].

Принимая замечание Л. Н. Гумилева в плане методологическом, все же проверим, не пропустили ли исследователи истории Волжской Булгарии в XIX в. и на рубеже XIX — XX вв. какие-то упоминания «сувар» в письменных источниках? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить, какими источниками они располагали.

Ситуацию с источниками для второй половины XIX в. удачно обрисовал Г. С. Лебедев: «В 1869 г. Д. А. Хвольсон издал в Петербурге свой труд “Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Ибн-Дастан” — своего рода энциклопедическую сводку данных о народах Восточной Европы <...> В 1870 г. А. Я. Гаркави... издал свою сводную работу “Сказания мусульманских писателей о славянах и русских”, которая на *последующие сто лет стала основным источником* (курсив наш. — А. С.) для археологов и историков-славистов, когда-либо обращавшихся к сведениям восточных источников» [13, с. 147]².

Фактически, не считая упомянутых выше отрывков из Ибн Фадлана, переведенных еще в 1820 — 1830-е гг. на латынь и немецкий Х. М. Френем³, публикациями Д. А. Хвольсона и А. Я. Гаркави круг восточных источников о прошлом народов Поволжья и ограничивался. Ни русские, ни европейские источники даже города Сувар не знают. Тем не менее рассмотрим, что конкретно могли узнать исследователи из переводов Френа, Хвольсона и Гаркави.

Как уже говорилось, В. В. Григорьев приводит по изданию Френа «слова его [Ибн Фадлана] вполне в таком виде, в каком сохранил их Якут в своем Географическом словаре» [5, с. 83]. Действительно, издание Григорьева и Френа показывает, что в обоих случаях рассказ Ибн Фадлана о булгарах обрывается на сообщении о наказании вора и фразе, приписываемой уже самому Якуту: «Много можно было бы сказать об этом народе, но мы ограничиваемся тем, что сказано» [5, с. 90; 25, с. 577].

Соответственно, в любые переводы Ибн Фадлана по словарю Якута (в издании Гаркави перевод обрывается на том же самом месте⁴) просто не мог попасть фрагмент, считающийся ключевым для суваро-сувазской проблемы, о встрече в ставке болгарского правителя с неким народом, название которого можно прочитать как «сувар», «суваз» и еще в нескольких вариантах [21, с. 14, 27, 29; 36].

Только с обнаружением Мешхедской рукописи и изданием ее вместе с критическим переводом, то есть не ранее 1939 г., когда вышли переводы на русский и немецкий языки, стало доступно ранее неизвестное продолжение рассказа Ибн Фадлана о булгарах. Но если бы сувары были сколько-нибудь значимым пле-

² О значении труда Хвольсона [7, с. 185 — 192]. О значении переводов Гаркави см.: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1939. С. 16.

³ Не без горькой иронии описывает А. П. Ковалевский несостоявшуюся публикацию в «Саратовских губернских ведомостях» перевода Ибн Фадлана, подготовленного арабистом Г. С. Саблуковым: «Среди прочих материалов Г. Саблуков представил, по-видимому, в 1848 г. также перевод на русский язык Ибн-Фадлана, надо думать, основываясь на тексте, изданном Х. Френем, *так как другого у него быть не могло* (курсив наш. — А. С.). Однако саратовский губернатор Кожевников нашел излишним помещение этого перевода в газете, по-видимому, считая, что раз немецкий перевод уже имеется, то им и без того “каждый” может пользоваться». См.: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. С. 16.

⁴ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских. (С половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). Санкт-Петербург: Тип. Императ. Академии наук, 1870. С. 92.

менем, сведения о них не могли ограничиться единственной утерянной на века рукописью. Помимо Ибн Фадлана Волжскую Булгарию посещало немало путешественников из пределов исламского мира, но они сообщали о «суваре» исключительно как о городе и иногда о его жителях, но никогда — как о народе.

Эти сведения собрал и перевел Д. А. Хвольсон⁵. В части перевода собственно Ибн Русте («Ибн Даस्ता») говорится о трех группах болгар: «берсула», «эсегель» и «болгар»⁶. Как видно, и Ибн Русте не знал никаких суваров. А. Я. Гаркави в двух своих сборниках переводов не упоминает даже г. Сувар, но и о булгарах помимо перевода отрывков из Ибн Фадлана сообщает немного.

Таким образом, ни у специалистов-востоковедов, ни у историков, археологов или краеведов вплоть до рубежа XIX — XX вв. не было в распоряжении ни письменных, ни археологических источников, чтобы даже осторожно предположить о существовании самостоятельного племени под названиями «сувар» или «суваз».

В таком случае закономерен вопрос: если ни в каких источниках, доступных исследователям XIX в., не находили сувар, как они попали в исторические работы?

Появление суваров

А. Я. Гаркави принадлежит честь выявления уникального источника по истории народов Восточной Европы — так называемой «пространной редакции» письма хазарского кагана (или «царя») Иосифа. Осенью 1874 г., уже после выхода «Сказаний еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве», А. Я. Гаркави обнаружил в бумагах караимского коллекционера Авраама Фирковича ранее неизвестный вариант ответа кагана Иосифа сановнику из Кордовского халифата в Испании Хасдау ибн Шафруту, чье письмо было опубликовано в указанном сборнике.

Случайности, имеющие порой принципиальное значение: предисловие к сборнику еврейских документов о Хазарии подписано январем 1874 г., хотя и указано, что в целом сборник был готов уже 1866 г.⁷ Стоило подождать еще немногим более полугода, чтобы ввести в издание источник, по своей информативности перекрывавший все остальные документы сборника вместе взятые. Однако этого не произошло, и путь до научной общественности пространной редакции письма Иосифа занял фактически годы и даже десятилетия. Хотя сообщение о находке письма появилось уже в конце 1874 г. (на иврите), а перевод на немецкий опубликован в следующем 1875 г. [27] (русский перевод опубликован только в 1879 г. и тогда же, причем в другом издании, — еврейский оригинал), — все это были, по выражению П. К. Коковцова, труднодоступные издания [11, с. XV]. Впрочем, немецкое издание сразу же обратило на себя внимание в Европе (см. ниже), но не в России.

Именно поэтому, выступая в 1877 г. на IV Археологическом съезде в Казани А. Я. Гаркави рассказывал об открытии письма перед широкой аудиторией едва ли не впервые. Но и издание материалов съезда осуществлено было лишь спустя годы: первый том с докладом А. Я. Гаркави вышел лишь в 1884 г., то есть через десять лет после обнаружения письма.

⁵ Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даस्ता. Санкт-Петербург: Тип. Императ. Академии наук, 1869. С. 45, 73, 75, 77, 82, 84. Судя по примечанию П. К. Коковцова, сославшегося на Д. А. Хвольсона, до первой половины 1930-х гг. число сведений о Суваре не увеличилось [11, с. 98 — 99].

⁶ Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах... С. 22.

⁷ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. Вып. 1. Санкт-Петербург: Тип. Императ. Академии наук, 1874. С. 1 — 2.

Чем же уникальна для «суварской проблемы» пространная редакция письма кагана Иосифа?

В опубликованной еще в XVII в. «краткой редакции» письма указано только общее число платящих дань кагану Иосифу «народов»: «Их девять народов, которые не поддаются (точному) распознаванию и которым нет числа» [11, с. 81]. В «пространной редакции» они перечислены поименно.

Перевод, представленный А. Я. Гаркави на съезде в Казани в 1877 г. следующий: «...уведомляю тебя, что я живу при реке Итиль. <...> По этой реке живут многие народы в городах и селах, в открытых и укрепленных местах; вот названия их: Бургас, Булгар, Сувар, Арису (вероятно, Эрзяне), Цармис (Черемисы), Венентит (или Ванантят, может быть, Вотяки), Север (или Савар, Суур) и Славииун (Словене). Каждый из этих народов многочислен и все они платят мне дань»⁸.

Как видно, в этом списке сразу два названия, в которых можно увидеть «сувар». А. Я. Гаркави предпочел первый «сувар» (второй записан как «сввр»), по-видимому, потому, что «с-вар» следовало в списке сразу за этимологически прозрачным «булг-р», то есть и тут Сувар в значении «город» (соседний с Булгаром) предшествовал пониманию вновь найденного источника. Напрямую А. Я. Гаркави не артикулировал, что «Сувар» это племя. Намек на это следовал лишь из общего контекста перевода. В немецкой публикации со ссылкой на Френа А. Я. Гаркави пояснял, что Сувар — «булгарский город» («eine bulgarische Stadt») [27, с. 92].

Итак, можно с уверенностью сказать, что первый источник, где общий контекст позволяет (но вовсе не обязывает) интерпретировать слово «сувар» в этническом значении — пространная редакция письма кагана/царя Иосифа, обнаруженная в 1874 г., но ставшая сколько-нибудь доступной российским исследователям минимум десятилетием позже, реально же — спустя четверть века.

Тем не менее одно лишь это краткое упоминание названия «сувар» среди «народов», платящих хазарскому кагану дань, дало толчок к возникновению «суварской концепции»⁹. Лишь в самое последнее время было обращено внимание на специфику терминологии еврейско-хазарской переписки, где для «города» и «народа» использовалось одно и то же слово: «В письме содержатся три списка различных географических наименований с перечислением зависимых от Хазарии народов... Некоторые из них, например, Баб ал-Абваб, С-м-к-р-ц или К-р-ц, отождествляются с реально существовавшими городами. Однако в письме все они называются еврейским словом *уммот*, т. е. народы. <...> В краткой редакции письма все три списка заменяются словом *уммот*. Следовательно, автор письма не делал строгого терминологического разделения между топонимами и этнонимами (выделено мной. — А. С.), принимая их все за названия различных этнополитических объединений»¹⁰.

⁸ Гаркави А. Я. Некоторые данные по исторической географии и этнографии России из рукописей недавно приобретенных Императорской Публичной библиотекой // Труды IV Археологического съезда в России (Казань, 31 июля — 18 августа 1877 г.). Т. I. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1884. С. 254.

⁹ Ничто не мешает в письме Иосифа читать «с-вар» только в значении «город Сувар». Так поступали ведущие булгароведы [4, с. 166; 15, с. 187; 19, с. 231]. Характерна позиция авторов раздела о Суваре коллективной «Истории татар», поддержавших сразу обе точки зрения: «Краткое упоминание о Суваре, вернее, о народе сувар, содержится в письме хазарского царя Иосифа...» [8, с. 180].

¹⁰ Рашковский Б. Е. «Города», «страны» и «народы» Восточной Европы в средневековых еврейских источниках: проблемы терминологии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, 17 — 19 апреля 2019 г.: материалы конференции. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2019. С. 217.

Следовательно, что подразумевалось в письме под тем или иным названием, решал каждый раз переводчик, исходя из каких-то общих соображений, например: «Сувар при этом является обозначением города, а не народа» [16, с. 218]. Сам оригинал письма оснований для отождествления «с-вар» конкретно с народом «сувар» или с городом Сувар, как видно, не давал.

Еще раз подчеркнем принципиальный момент: ни в каких других источниках, известных до письма кагана Иосифа, даже намек на существование племени «сувар» не было.

«Суасская» концепции Н. И. Ашмарина

Еще одним невольным соавтором «суварской концепции» стал тюрколог Н. И. Ашмарин. «Невольным», потому что таковым он числится в историографии, хотя сам и не помышлял ничего подобного.

В 1902 г. в Казани вышла ставшая знаменитой его работа «Болгары и чуваш». По всем упоминаниям Суvara в ней Н. И. Ашмарин ничем не выделяется из числа рассмотренных выше исследователей: он знал только город Сувар и то, что сообщали о нем мусульманские авторы, и не знал никакого племени «сувар» [2, с. 18, 22].

Открытие Н. И. Ашмарина состояло совсем в другом. Он обратил внимание на закономерность в назывании разными группами марийцев своих соседей — чувашей и татар. Горные марийцы, наиболее близкие территориально к чувашам, называли чувашей «суасла мари» [2, с. 50], а татар — «тадар». Луговые марийцы, живущие на противоположном (левом) берегу Волги, называли татар «суас» [2, с. 45], а чувашей знали под их собственным наименованием «чуваш» [2, с. 116].

Очевидно, что «суас» первоначально не имело отношения к татарам, а было перенесено марийцами на них с каких-то прежних своих соседей. В то же время эти соседи должны были иметь непосредственное отношение и к чувашам, иначе бы марийцы их не назвали «суасла мари» [2, с. 49 — 50].

Такова логика размышлений Н. И. Ашмарина. В 1902 г. дальше этих размышлений он не пошел и даже не попытался связать между собой названия «суас» и «Сувар»¹¹. Лишь в одном из примечаний он оговорился про «болгарское национальное название (*чуваш*)» (курсив авторский) [2, с. 123]. Откуда в таком случае возник этноним «болгар», исследователь не разбирает.

Более определенно Н. И. Ашмарин высказался два десятилетия спустя (июнь 1925 г.) в личном письме М. П. Петрову: «Все данные языка и истории говорят за то, что чувашаи — потомки древних болгар; но если это так, то следует думать, что древние волжские болгары были известны под этим названием только у других народов, сами же называли себя *чувашами* (курсив наш. — А. С.). Черемисские формы: суас, сѳас, по-видимому, говорят за то, что слово “Бѳаваш” раньше про-износилось сѳавас; если бы это было так, то тогда бы могло оправдаться мнение И. Н. Юркина, что слово “чуваш” происходит от сѳу “лето”...» [14, с. 61].

Таким образом, к концу жизни Н. И. Ашмарин утвердился во мнении, что самоназванием «древних болгар» было слово «чуваш» в какой-то более ранней форме, но никак не связанной с «сувар».

¹¹ Топонимическим эквивалентом «суас» Ашмарин считал деревню тогдашнего Цивильского уезда «Сѳавас (сывас)» и объяснял ее название тем, что «может быть, местность, где теперь расположена эта деревня, была некогда заселена другою народностью, и, составляя... отдельную чувашскую колонию... была отмечена подобным наименованием» [2, с. 49].

Здесь важно подчеркнуть несколько деталей, на которые обычно не обращают внимания. Цитируя по основному тексту предлагаемые Ашмариним [2, с. 46] варианты собственного «чувашского» произношения «суас» (суаҫ, суас, ҫаваҫ, ҫаваҫ) [9, с. 373; 12, с. 16; 22, с. 36 — 37], упускают, что далее в примечании как наиболее древняя обосновывается форма с дифтонгом «уа»: «Сравнение черемисских форм *суас*, *чуваши* и других, приводимых здесь, заставляет нас думать, что в эпоху чувашского влияния на черемис чувашскому языку были свойственны дифтонги *уа*, *уэ*, которые впоследствии всюду изменились в *ыва*, *эвэ*...» [2, с. 116 — 117].

Исходя из сугубо лингвистического вывода, Ашмарин потому и не связывал название г. Сувар (или личное имя Севар из «Именника болгарских ханов» [2, с. 62]¹², ср. выше со взглядами Г. Комиссарова) с «суас», что «соединительный согласный *β*» (Ашмарин использует греческую букву «бета», которая с начала нашей эры обозначает звук «в») между гласными в обоих случаях зафиксирован еще средневековыми источниками, то есть в эпоху, когда, по его мнению, в названии «суас» дополнительного «в» не могло быть. Соответственно, Ашмарин не мог бы предполагать существования в древности племени «сувар», от которого затем произошли чуваша. В его понимании эволюция была обратной: из «суас» в «чуваш»¹³.

Фактор языка: Б. Мункачи и Н. И. Ашмарин

На склоне лет, в конце 1950-х гг., историк-евразиец Г. В. Вернадский, владевший в совершенстве основными европейскими языками [3, с. 9], решил специально выучить венгерский, чтобы иметь возможность читать работы венгерских ученых по истории кочевников [3, с. 39]. По словам В. А. Гордлевского, Н. И. Ашмарин «предпринял изучение языка, у нас пока мало распространенного, — языка венгерского, и это раскрывало перед ним достижения венгерских ученых о дальних их родственниках на Волге»¹⁴.

Действительно, венгерская традиция ориенталистики одна из старейших в Европе. В силу исторических и культурных обстоятельств особенностью венгерской науки была многоязычность: ученые писали труды преимущественно на немецком и вплоть до второй половины XIX в. — на латыни. Национальное возрождение, развернувшееся в империи Габсбургов со второй четверти XIX в., вернуло права народным языкам. Тем не менее и после 1867 г., когда венгерский стал единственным официальным языком земель, управляемых из Будапешта, венгерские ученые продолжали писать также и по-немецки. Очевидно, что написанное по-венгерски имело куда меньше шансов быть замеченным, чем немецкоязычные тексты тех же авторов.

Так и случилось со статьями Берната Мункачи — выдающегося этнографа и востоковеда. Его статьи на немецком становились быстро и широко известными

¹² Это имя Ашмарин считал отглагольной формой от «любить», то есть «любимец». Разбирая содержание мусульманских надгробных надписей, содержащих имена «Сувар» и «Савар», Ашмарин ссылается на этот первый пример и никак не связывает их с названием города Сувар [2, с. 71, 76].

¹³ Вопрос о наличии вставных неэтимологических согласных в чувашском языке особенно актуален для венгерских ученых, поскольку от его решения зависят датировки заимствований из тюркских языков в венгерский. Ср.: Палло М. К. *Hungaro-tschuwaschica* // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары: ЧНИИ, 1985. С. 78. В настоящее время А. Рона-Таш склоняется скорее к позиции Ашмарина (на примере эволюции общетюркского «огул» = «сын» в чувашскую форму «ывӑл») [17, с. 233].

¹⁴ Гордлевский В. А. Памяти Н. И. Ашмарина. (К 85-летию со дня рождения) // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Вып. XIV. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. С. 268 — 269.

среди европейских ученых, включая и российских дореволюционных, а потом и советских, а на венгерские обращали внимание только лингвисты, понимающие язык.

Одну из программных статей Мункачи, посвященную происхождению названия «угры» [29], и ряд других Н. И. Ашмарин обильно цитировал в «Болгарах и чувашах» [2, с. 34 — 39, 108 — 109]. Не будет даже преувеличением считать труд Ашмарина в значительной степени (в разделах, касающихся языка) ответом на исследования Мункачи — в чем-то положительным [2, с. 40 — 41, 51], в чем-то критическим [2, с. 42, 124]. Однако понять, какие идеи венгерского коллеги привлекли наибольшее внимание Ашмарина, по одним только ссылкам на Мункачи, невозможно.

В архиве Ашмарина имеется ряд документов, проливающих свет на взаимоотношения двух ученых. Во-первых, это обширное письмо от Б. Мункачи к Н. И. Ашмарину, датированное 15 мая 1897 г., то есть за пять лет до выхода «Болгар и чувашей». Письмо написано на хорошем русском языке лишь с небольшим числом погрешностей. Из него следует, что Мункачи узнал об Ашмарине по выпискам, посланным ему «проф. Андерсоном»¹⁵ из «драгоценного труда, занимающегося чувашской сравнительной грамматикой»¹⁶.

Действительно, десятилетием ранее Мункачи провел немало времени в России, о чем имеется свидетельство И. Я. Яковлева, который к молодому венгру отнесся с явным недоверием: «В 1885 году школу посетил некто Мункачи, выдававший себя за венгра, впоследствии член Будапештской академии наук. <...> По словам его, он не преследовал каких-либо политических целей, а просто хотел с научной целью изучить чувашский язык как лингвист...» [21, с. 30 — 31].

Мункачи был на десять лет старше Ашмарина, и, естественно, во время своего пребывания в Поволжье никак не мог познакомиться с тогда еще гимназистом.

Второй документ уже авторства самого Ашмарина — «Мое жизнеописание»¹⁷. В нем присутствует краткое замечание о подготовке, вероятно, того же издания (в обоих случаях говорится о чувашской грамматике). Ашмарин сообщает, что труд его был одобрен Н. Ф. Катановым, а затем в примечании добавляет, что «в письме к Н. Ф. Катанову *покойный* (курсив наш. — А.С.) венгерский академик Б. Мункачи назвал эту работу уже после ее напечатания “...”»¹⁸.

¹⁵ Андерсон Н. И. (1845 — 1905) — финно-угровед, с 1894 г. профессор Казанского университета.

¹⁶ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. IV. Ед. хр. 151. Л. 186 — 190. Поскольку на тот момент не было опубликовано еще ни одной крупной работы Ашмарина, речь, скорее всего, идет о готовящихся к публикации «Материалах для исследования чувашского языка» (Казань, 1898).

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 151. Л. 3. Машинопись на 5 листах с двух сторон, датирована 27 апр. 1927 г., Казань.

¹⁸ В машинописи в этом месте пропуск. В литературе дважды цитировался данный фрагмент [1, с. 68], и, судя по всему, продолжение фразы восстанавливалось по почтовой карточке от 23 февраля 1904 г., подшитой в то же архивное дело, посланной Мункачи Н. Ф. Катанову, где присутствовала фраза: «Dies wäre für die Wissenschaft sehr wichtig...» (Это было бы очень важно для науки...). — НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 151. Л. 75. Из фразы бралось одно лишь последнее слово «wichtig» (важный). Однако речь в письме шла о начале подготовки Ашмариним словаря, а не о грамматике. Очевидно, Ашмарин имел в виду какое-то другое письмо от Мункачи. Также ни разу не было отмечено курьезное обстоятельство: в конце 1920-х гг. Мункачи (1860—1937) здравствовал, и вообще пережил Ашмарина (1870—1933) на четыре года. Аналогичный конфуз случился с В. А. Гордлевским (1876 — 1956), откликнувшимся в 1953 г. на слух о смерти В. Ф. Минорского (1877 — 1966). Издатели «Избранных сочинений» Гордлевского пренебрежительно дождались действительного ухода Минорского, чтобы напечатать преждевременный некролог 1953 г. (в 1968 г. в четвертом томе). Учитывая, что первые три тома сочинений Гордлевского вышли в 1960 — 1962 гг., не этим ли обстоятельством вызвана столь длительная задержка выхода последнего тома?

Далее там же Н. И. Ашмарин сообщает, что выход его «Болгар и чувашей» был «встречен сочувственно в иностранной литературе, а член Венгерской Академии Б. Мункачи посвятил изложению ее содержания обширную статью»¹⁹.

Хотя ни в публикациях, ни в автобиографии Ашмарин прямо не упоминал письмо Мункачи 1897 г., оно несомненно было напрямую им использовано при подготовке «Болгар и чувашей». К письму была приложена статья на русском языке, написанная от руки и озаглавленная «Турецкие элементы в венгерском языке с особыми знаками прихождения <происхождения> из какого-то наречия очень близкого к чувашскому». Статья содержит две схемы — разделения алтайского праязыка и подробное генеалогическое древо алтайских языков. Список венгерско-чувашских лексических соответствий из этой статьи был включен Ашмаринным в книгу [2, с. 34 — 35].

Наконец, еще одно письмо, свидетельствующее о продолжающихся контактах между учеными, послано Мункачи в 1903 г. (12 февраля)²⁰. В нем он как раз информирует Ашмарина о подготовленной им для венгерского журнала рецензии на «Болгар и чувашей», которую планирует продублировать и по-немецки. Затем Мункачи предлагает свой взгляд на отношение болгар к гуннам (последних считал монголами). Булгары, по его мнению, — западные тюрки, никогда не бывавшие в Восточной Азии; народ культурный, живший какое-то время вместе с мадьярами на Северном Кавказе «ранее пришествия гуннов». Мункачи полностью солидаризировался с Ашмаринным в вопросе болгаро-чувашской преемственности в области языка. Однако ни в одном из сохранившихся писем ни разу не был поднят ключевой вопрос о «суасах».

Б. Мункачи — предшественник суварской теории

Тем удивительнее, что, выдвигая свою теорию о самоназвании волжских болгар — «суас», Ашмарин не указал, что Мункачи за семь лет до него довольно подробно остановился на этом вопросе, хотя и не предложил окончательного решения.

Мункачи констатировал, что название «чуваш» вопреки явной древности чувашского языка фиксируется только с XVI в., а соседи («черемисы») специального названия для чувашей не имеют [29, с. 382]²¹. Татар марийцы называют «суас», что очень похоже на «чуваш», но еще больше — на «сувар» из «народной генеалогии хазарского короля» [29, с. 382].

Говоря о еврейско-хазарской переписке, Мункачи не упоминает публикации А. Я. Гаркави. Материалы переписки были известны ему лишь в пересказе другого венгерского ученого — графа Гёзы Куна, писавшего преимущественно на латыни [29, с. 366, 368]. Последний, цитируя список народов из письма кагана Иосифа (на латыни и иврите), также напрямую не ссылается на А. Я. Гаркави, хотя и упоминает его. Г. Кун пользовался исследованием немецкого историка и богослова (раввина, перешедшего в лютеранство) Паулюса Касселя [24, с. LXXII — LXXIII]. И только лишь Кассель использовал во всей полноте публикации А. Я. Гаркави.

Первое издание на немецком пространной редакции письма Иосифа, выпущенное, как говорилось выше, А. Я. Гаркави в 1875 г., было немедленно включено Касселем в его собственную публикацию еврейско-хазарской переписки. При-

¹⁹ Ашмарин Н. И. Мое жизнеописание // НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 151. Л. 3 об.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 151. Инв. № 48. Л. 213—214. Листы исписаны с двух сторон.

²¹ Со ссылкой на Н. И. Золотницкого утверждается, что марийцы называют чувашей «курук мари», то есть «горные люди», а русские в Оренбурге — «горскими татарами».

чем представил он материал весьма своеобразно: перевод на немецкий *краткой редакции* письма Иосифа в подстрочных примечаниях дополнен *фрагментами из пространной редакции* по изданию Гаркави [11, с. X]. Там и было упомянуто слово «Suwar» [23, с. 78 (примечание под греческой буквой ρ)]. Однако, если савирам Кассель посвятил отдельный комментарий [23, с. 93], то «сувары» так и остались лишь единожды упомянутыми в примечании.

Таким извилистым путем «сувары» оказались в статье Мункачи. «Suvar» (в таком написании) из письма кагана Иосифа Мункачи сопоставил с «савир», как он уточняет — «из византийских источников»²², «Сибирью» и другими названиями. Мункачи считал неслучайным соседство названий «Булгар» и «Сувар» в генеалогии хазар и реальное соседство городов Булгар и Сувар на Волге. При этом он исходил из ключевого для суварской проблемы принципа, согласно которому названия городов могли совпадать с этнонимами, хотя приводимый им пример с Маджаром²³ (в смысле его тождества с этнонимом «мадьяр») далеко не бесспорен.

Название «суас» Мункачи определил как «z-форму» от «сувар», возникшую в результате влияния небольшой группы огузов, которая «вклинилась в земли башкир и болгар». Мункачи не исключал, что «потерянное древнее огузское (joɣuz) название, будь оно самоназвание, или дано чужими, послужило основой названия suas, čuvaš» [29, с. 383].

Именно Мункачи, а не Ашмарин, выдвинул предположение, что сувар/суас было самоназванием дотатарского населения Волжской Булгарии (Ашмарин не видел связи между «сувар» и «суас», настаивая на позднем происхождении протетического «в» в чувашском; см. выше), тогда как «болгары» были политическим термином, а не этнонимом. Отличие концепции Мункачи еще и в том, что он не считал исключительно чувашей наследниками булгар.

По-видимому, о горномарийском названии чувашей «суасла мари» Мункачи узнал уже из книги Ашмарина, на которую, как уже говорилось, написал обсто-

²² Прямое следствие незнакомства Мункачи с полной публикацией писем кагана Иосифа. В действительности, в генеалогии хазар в обеих редакциях соседствуют булгары и савиры, а не «сувар», как у Мункачи. В списке же данников хазар в пространной редакции (в краткой, напомним, этого нет) — «булгар» и «с-вар». В краткой редакции в генеалогии хазар — «блгд» и «савир» (со всеми огласовками): בלגד סאײר [11, с. 20 (первая строка снизу)]. В пространной редакции генеалогия дана с порядковыми числительными — «девятый блгр десятый савир»: התשיעי בלגר העשירי סאײר [11, с. 28 (третья сверху строка)]. В списке данников в пространной редакции указаны «булгр» (с «вав», передающей «у», но без «алефа») и «свар» (с той же «вав», но, как считается, передающей «в»): בולגר סואר [11, с. 31 (строка 12 сверху)]. Перевод: [11, с. 74, 91—92, 98]. Вплоть до настоящего времени исследователями, отождествляющими пару названий «савир» и «сувар», упускается из виду, что еврейско-хазарская переписка уникальна тем, что в ней в единой графической системе в одном тексте пространной редакции письма Иосифа упоминаются одновременно и савиры (с полной огласовкой) и «свар» (в которых принято видеть «сувар»), и одно название никак не отождествляется с другим. Примечательно, что П. Б. Голден, взявшийся за каталогизацию всех написаний названий тюркоязычных и прочих кочевых народов по оригиналам источников, строит свой генетический ряд для «сяньби/сэрби» с изъятиями, выдавая именно «савир» письма Иосифа за эквивалент арабского «с-вар» [26, с. 3]. Это однозначно ошибочно, поскольку еврейское написание «с-вар» (סואר) в письме Иосифа побуквенно идентично арабскому «с-вар» (سوار). Как раз наличие в письме еще и «савир» (סאײר) подтверждает, что это не разные варианты написания одного и того же слова, не разновременные формы, возникшие вследствие эволюции языка, а просто разные названия, произвольно отождествленные в историографии без внимательного обращения к источникам.

²³ Современный Буденевск. Идея о происхождении венгров из «полей Махарских» в русской литературе высказана еще в конце XVII в. А. И. Лызловым в его «Скифской истории»: Лызлов А.И. Скифская история. Издание и исследование А.П. Богданова. Москва: Альма Матер; Гаудеамус, 2023. С. 230.

ятельный обзор. Передав идею Ашмарина об истинном самоназвании болгар — «суас» [28, с. 149 — 150], Мункачи заметил, что чуваши никогда себя, в отличие от татар, булгарами не называли. Однако имя «чуваш/суас» можно рассматривать как результат подчинения предков чувашей булгарами, в результате чего те сменили свой родной язык на болгарский [29, с. 265].

Племя «сувар» в этой статье Мункачи не упоминает, а название города передает в иной форме — «Szuvar» [29, с. 73 — 74].

Таким образом, в очередной раз подтверждается, что для формулирования «суварской концепции» хватило всего одного источника, где упомянуто только само слово «сувар» без каких-либо содержательных характеристик, и названия города Сувар, до сих пор детально археологически не исследованного.

Самое удивительное, что Мункачи почти в готовом виде сформулировал «суварскую концепцию», но она не была воспринята в полном виде даже Н. И. Ашмариным (как в свое время С. М. Шпилевским в случае с А. И. Артемьевым) и, в силу незнания венгерского языка абсолютным большинством исследователей, осталась неизвестной²⁴. Кажется, она не встретила отклика и среди европейских ученых, и дело здесь не только в языке, но и в том, что это был побочный сюжет на всего полтора страницах в огромной статье, посвященной вовсе не «суварскому вопросу».

Заключение

В дискуссиях середины — второй половины XX в. между татарскими и чувашскими историками активно дебатировалась так называемая «суварская проблема». Смысл ее заключался в попытках найти среди населения Волжской Булгарии конкретных предков современных чувашей, дабы размежевать с татарами единое болгарское наследие. Прямыми предками чувашей были избраны «сувары», которые, как считалось, создали свое полунезависимое княжество в рамках Булгарии со столицей в одноименном городе, известном по письменным арабским источникам и монетному чекану. Считалось, что какая-то часть сувар могла не принять ислам, иначе было бы сложно объяснить последующее чувашское язычество. Сами эти сувары выводились с территории Кавказа, где византийские источники упоминают савиров (или сабиров) и связывают их с племенами гуннского круга.

Проведенное исследование выявило реальные истоки идей, приведших к формированию «суварской концепции». Задолго до археологической идентификации места, где находился Сувар (определено Г. Ахмаровым в 1890-е гг., исследовано в 1930-е гг. А. П. Смирновым), некоторые востоковеды, этнографы и историки, исходя из особенностей арабской графики, допускали возможность различной интерпретации названия города как Сивар, Сувар или Суваз. С другой стороны, обращалось внимание на сходство данного названия с этнонимом «чуваш» (А. И. Артемьев), до XVI в. не известного по письменным источникам. Однако до открытия пространной редакции письма хазарского кагана Йосифа никто не предполагал, что слово «сувар» могло быть обозначением не только города, но и особого племени.

Первым, кто сформулировал концепцию о савирах/суварах как предках (по крайней мере, по названию) чувашей, был венгерский востоковед и этнограф Бернат Мункачи. Он опирался на исследования Н. И. Золотницкого и Н. И. Ашмарина (с которым состоял в личной переписке). Из их трудов он узнал об экзоэтнониме

²⁴ Немецкий вариант статьи представляет предельно сокращенное изложение основной идеи венгерского оригинала, поэтому «суварский вопрос» там не поднимается [31]. В других немецких статьях Мункачи того же времени даже при упоминании еврейско-хазарской переписки говорится лишь о савирах [30, с. 82].

«суас», обозначавшем у луговых марийцев татар, и еще об одной его форме «суасла мари», применявшейся горными марийцами для чувашей. В результате он пришел к выводу, что чувашаи по языку — прямые потомки болгар, но этнически они наследники лишь одного из племен Болгарии, «р-форма» названия которого «сувар», а «з-форма» — «суас». Мункачи не был знаком с полной публикацией письма кагана Иосифа и не знал, что в нем упоминаются и «савиры», и «Сувар». А это исключает возможность рассмотрения их как последовательных форм одного и того же слова. Мункачи ошибочно полагал, что там названо дважды лишь одно слово «сувар», что и делало его концепцию такой стройной.

При этом Н. И. Ашмарин, в силу собственной лингвистической концепции о позднем происхождении в чувашском языке вставного «в», не видел родства между названиями «Сувар» и «чуваш». Он считал, что были некие «суасы» (так, по его мнению, называлось основное население Волжской Болгарии), с которых марийцы это название перенесли на татар. Лишь позже «суас» превратилось в «чуваш», тогда как в названии Суvara «в» было всегда.

Мункачи на несколько десятилетий предвосхитил «эталонную» формулировку «суварской концепции», но из-за незнакомства большинства исследователей с венгерским языком она осталась практически неизвестной и была снова «перезоткрыта» в 1920 — 1930-е гг. В результате утверждение «суварской концепции» в историографии оказалось связано с иными именами. При этом доказанность существования народа «сувары» по-прежнему нуждается в более весомых основаниях, потому что прямых сведений о таком народе, а не о выходцах из г. Сувар, письменные источники в явной форме не сообщают. Какого-то особого культурного своеобразия, отличного от иных мест Волжской Болгарии, раскопки Суvara не дали [20, с. 122 — 125].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография / сост., автор статей и биографии Г. Ф. Благова. Москва: Восточная литература, 2008. 592 с.
2. Ашмарин Н. И. Болгары и чувашаи. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1902. 132 с.
3. Гальперин Ч. Россия и степь: Георгий Вернадский и евразийство. Россия и Золотая Орда: вклад монголов в средневековую русскую историю. Алматы: Санат, 2005. 264 с.
4. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. Москва; Ленинград: Госиздат, 1930. 280+2 с.
5. Григорьев В. В. Россия и Азия. Санкт-Петербург: Тип. братьев Пантелеевых, 1876. 575 с.
6. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Москва: Наука, 1970. 432 с.
7. Заходер Б. А. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Болгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. Москва: Наука, 1967. 212 с.
8. История татар. Т. II. Волжская Болгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. 960 с.
9. Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. 492 с.
10. Ковалевский А. П. Чувашаи и болгары по данным Ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувгосиздат, 1954. 64 с.
11. Кокцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1932. XXXVIII+134+4 с.
12. Комиссаров Г. И. Чăваш халăхĕн историйĕ [История чувашского народа]. Казань: Чуваш. отд. гос. изд-ва, 1921. 165+III с.
13. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700 — 1917 гг. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
14. Петров М. П. О происхождении чуваш. Чебоксары: Чувгосиздат, 1925. 62 с.
15. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. Москва: Наука, 1967. 200 с.
16. Рашковский Б. Е. Письмо Иосифа: подлинность, достоверность, дипломатические практики // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019 — 2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. С. 215 — 231.

17. Рона-Таш А. [Рец. на:] К. Agyagasi. Chuvash historical phonetics. An areal linguistic study, with an appendix on the role of Proto-Mari in the history of Chuvash vocalism... // Чувацкий гуманитарный вестник. 2020. № 15. С. 223 — 234.
18. Сараев А. С. Кого встретил Ибн Фадлан в ставке болгарского правителя в 922 г.? (к истории обнаружения и интерпретации названия «сувар»/«суваз» в тексте «Записки» Ахмеда ибн Фадлана // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 10 / [отв. ред. Дж. Я. Рахаев]; Институт российской истории РАН. Москва: ИРИ РАН, 2023. С. 292—365.
19. Смирнов А. П. Волжские болгары. Москва: Изд-е ГИМ, 1951. 275+18 табл.+2 с.
20. Смирнов А. П. Очерки по истории древних (волжских) болгар // Труды ГИМ. Вып. XI. Сборник статей по археологии СССР. Москва: Изд-е ГИМ, 1940. С. 55 — 136.
21. Федотов М. Р. Б. Мункачи о тюркских элементах в венгерском языке // Советская тюркология. 1985. № 1. С. 30 — 37.
22. Федотов М. Р. Чувашиско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саратов. ун-та. Саран. филиал, 1990. 336 с.
23. Cassel P. Der chazarische königsbrief aus dem 10. jahrhundert. Berlin: Verlag der Expedition des Sunem, 1876.
24. Codex cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum. Primum ex integro editit. Prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. Budapestini: Editio Scient. Academiae Hung., 1880. CXXXIV+395 p.
25. Frähn C. M. Die aeltesten Arabischen Nachrichten ueber die Wolga-Bulgaren, aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Sixième série (sciences politique, histoire et philologie). T. I. St.-Petersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Imperiale des Sciences, 1832. S. 527 — 577.
26. Golden P. B. Reflections on the Ethnonym Türk // Tasar E., Frank A.J., & Eden J. (Eds.). From the Khan's Oven. Leiden: Brill, 2021. P. 1 — 50.
27. Harkavy A. Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's (um 960) als Beitrag zur alten Geschichte Süd-Russlands // Russische Revue. Band 6. Sankt-Petersburg, 1875. S. 69 — 97.
28. Munkácsi B. A volgai bolgárokról // Ethnographia XIV. 1903. P. 66 — 76, 147 — 152, 261 — 265.
29. Munkácsi B. Az «ugor» népnévezet eredete // Ethnographia VI. Oct. — Dec. 1895. P. 349 — 387.
30. Munkácsi B. Praehistorisches in den magyarischen Metallnamen // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. IV. 1895. S. 41 — 49, 81 — 93.
31. Munkácsi B. Ursprung des Volksnamens 'Ugor' // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. V. 1896. S. 7 — 10, 89 — 92.

REFERENCES

1. Alexander Nikolaevich Samoilovich: scientific correspondence, biography / Ed. by G. F. Blagova. Moscow;2008:592. (In Russ.)
2. Ashmarin N. I. Bulgarians and Chuvash. Kazan;1902:132. (In Russ.)
3. Galperin Ch. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism. Russia and the Golden Horde: The Contribution of the Mongols to Medieval Russian History. Almaty;2005: 264. (In Russ.)
4. Gauthier Yu. V. The Iron Age in Eastern Europe. Moscow;1930:280. (In Russ.)
5. Grigoriev V. V. Russia and Asia. St. Petersburg;1876:575. (In Russ.)
6. Gumilev L. N. Searches for an imaginary kingdom. Moscow: Nauka Publ., 1970. 432 p. (In Russ.)
7. Zakhoder B. A. The Caspian compendium of information on Eastern Europe. Vol. II. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russ, Slavs. Moscow;1967:212. (In Russ.)
8. History of the Tatars. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan;2006:960. (In Russ.)
9. Kakhovsky V. F. The origin of the Chuvash people. Cheboksary;1963:492. (In Russ.)
10. Kovalevsky A. P. Chuvash and Bulgars according to Ibn Fadlan. Cheboksary;1954:64. (In Russ.)
11. Kokovtsov P. K. Jewish-Khazar correspondence in the 10th century. Leningrad;1932:XXXVIII+134+4. (In Russ.)
12. Komissarov G. I. History of the Chuvash people. Kazan;1921:165+III p. (In Chuvash)
13. Lebedev G. S. The history of Russian archeology. 1700 — 1917. St. Petersburg;1992:464. (In Russ.)
14. Petrov M. P. On the origin of the Chuvash. Cheboksary;1925:62. (In Russ.)
15. Pletneva S. A. From nomad camp to cities. Saltovo-Mayaki culture. Moscow;1967:200. (In Russ.)
16. Rashkovsky B. E. Khazar king Joseph's letter: authenticity, authenticity, diplomatic practices // The oldest states of Eastern Europe 2019 — 2020. Moscow;2020: 215 — 231. (In Russ.)
17. Rona-Tash A. [Review:] К. Agyagasi. Chuvash historical phonetics. An areal linguistic study, with an appendix on the role of Proto-Mari in the history of Chuvash vocalism // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2020(15):223 — 234. (In Russ.)

18. Saraev A. S. Who Ibn Fadlan met at the headquarters of the Bulghar chief's camp in 922? (To the question of interpret of the name 'suvar/suvaz' in Ahmad ibn Fadhlān's 'Risalah') // The history of the peoples of Russia in research and documents. Issue 10. Ed. by J. Rakhaev. Moscow;2023:292 — 365. (In Russ.)
19. Smirnov A. P. Volga Bulgars. Moscow;1951:275+18 tables.+2. (In Russ.)
20. Smirnov A. P. Essays on the history of the ancient (Volga) Bulgars // Proceedings of the State museum of History. Issue 11. Moscow;1940:55 — 136. (In Russ.)
21. Fedotov M. R. B. Munkachi on Turkic elements in the Hungarian language // Soviet Turkology. 1985(1):30 — 37. (In Russ.)
22. Fedotov M. R. Chuvash-Mari linguistic interrelations. Saransk;1990:336. (In Russ.)
23. Cassel P. Der chazarische königsbrief aus dem 10. jahrhundert. Berlin;1876:64. (In Germ.)
24. Codex cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum. Primum ex integro editid. Prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. Budapestini;1880:CXXXIV+395. (In Lat.)
25. Frähn C. M. Die aeltesten Arabischen Nachrichten ueber die Wolga-Bulgaren, aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg. Sixième série (sciences politique, histoire et philologie). T. I. Saint-Pétersbourg;1832:527 — 577. (In Germ.)
26. Golden P. B. Reflections on the Ethnonym Türk // Tasar E., Frank A.J., & Eden J. (Eds.). From the Khan's Oven. Leiden;2021:1 — 50. (In Engl.)
27. Harkavy A. Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's (um 960) als Beitrag zur alten Geschichte Süd-Russlands // Russische Revue. 1875(6):69 — 97. (In Germ.)
28. Munkácsi B. A volgai bolgárokrol // Ethnographia 1903(XIV):66 — 76, 147 — 152, 261 — 265. (In Hungar.)
29. Munkácsi B. Az «ugor» népnevezet eredete // Ethnographia 1895(VI):349 — 387. (In Hungar.)
30. Munkácsi B. Praehistorisches in den magyarischen Metallnamen // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. 1895(IV):41 — 49, 81 — 93. (In German.)
31. Munkácsi B. Ursprung des Volksnamens 'Ugor' // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. 1896(V):7 — 10, 89 — 92. (In German.)

Статья поступила в редакцию 15.09.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 27.09.2025
Информация об авторе:

Сараев Андрей Сергеевич, научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1), кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4564-0903>, andrejsaraev@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 15.09.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 27.09.2025
Information about the author:

Andrei S. Saraev, researcher at the Chuvash State Institute of Humanities (29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia), candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4564-0903>, andrejsaraev@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 15.09.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 25.09.2025 ырланӗ; пичете 27.09.2025 йышӑннӗ
Автор сиччен:

Сараев Андрей Сергеевич, Чӑваш патшалӑх гуманитарии аслӑлӑхӗсен институчӗн аслӑлӑх ӗстешӗ (428015, Раҫсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.), истори аслӑлӑхӗсен кандидачӗ,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4564-0903>, andrejsaraev@yandex.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал сӑрӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)41

Научная статья

ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР И СЛАВЯН В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. Х. Чаглайан

университет Муш Алп Арслан,
г. Муш, Турция
y.caglayan@alparslan.edu.tr

Аннотация. Политические и торговые отношения волжских булгар со славянским миром, в том числе с Киевской Русью, продолжают оставаться одним из актуальных вопросов в современной турецкой историографии. Общеизвестно, что еще с 40-х гг. прошлого века проблемы истории, языка и культуры тюркских народов оказались в центре внимания турецких историков, были написаны обобщающие и специальные труды, появились известные научные школы тюркологов. А с начала 1990-х гг. турецкие ученые получили широкие возможности для проведения научных исследований в Российской Федерации, а также доступ к трудам российских исследователей по указанной тематике. За последние два десятилетия в турецкой историографии появились фундаментальные исследования по истории взаимоотношений Волжской Булгарии и славянского мира, включая докторские диссертации и монографии.

В современной турецкой историографии по данной тематике основное внимание уделяется вопросам политических (дипломатических) отношений Волжской Булгарии и Киевской Руси, а также отдельным аспектам торговых сношений между этими государствами. Особое место турецкими историками уделяется периоду монгольских нашествий и правления Золотой Орды, а также последствиям военно-политических событий этого периода на развитие булгарского государства и русских княжеств.

В последние годы много работ посвящено исследованию нумизматического и археологического материала, и на сравнительном анализе этих данных с письменными источниками выявлена посредническая роль булгар и славян в северной торговле VIII — XII вв. Широко изучается также общественная и культурная жизнь городов Волжской Булгарии.

Ключевые слова: турецкая историография, Волжская Булгария, Киевская Русь, булгары, восточные славяне, торговля

Для цитирования: Чаглайан Е. Х. Вопросы взаимоотношений волжских булгар и славян в современной турецкой историографии // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 82 — 91

© Чаглайан Е. Х., 2025

Scientific article

INTERACTIONS BETWEEN THE VOLGA BULGARS AND THE SLAVS IN CONTEMPORARY TURKISH HISTORIOGRAPHY

Y. H. Caglayan

Muş Alparslan University,
Muş, Türkiye
y.caglayan@alparslan.edu.tr

Abstract. The political and commercial interactions between the Volga Bulgars and the Slavic world, particularly with Kievan Rus', remain a significant focus within contemporary Turkish historiography. Since the 1940s, issues related to the history, language, and culture of Turkish peoples have occupied a central place in Turkish historical scholarship, resulting in both general and specialized studies, as well as the emergence of prominent schools of Turkology. And since the early

1990s, Turkish researchers have had increasing opportunities to conduct academic work within the Russian Federation and to access the extensive corpus of Russian scholarship on the subject.

Over the past two decades, Turkish historiography has produced substantial research on the historical interactions between Volga Bulgaria and the Slavic world, including doctoral dissertations and monographs. Contemporary scholarship predominantly addresses the political and diplomatic relations between Volga Bulgaria and Kievan Rus', alongside selected aspects of their economic and commercial exchanges. Considerable attention is also devoted to the period of the Mongol invasions and the rule of the Golden Horde, with emphasis on their military and political impact on both the Bulgar polity and the Russian principalities.

Recent studies increasingly incorporate numismatic and archaeological evidence to shed light on these relationships. Comparative analyses of such material with written sources have illuminated the intermediary role of both the Bulgars and the Slavs in the northern trade networks of the 8th to 12th centuries. These materials also serve as an important basis for examining the social and cultural life of urban centers in Volga Bulgaria.

Keywords: Turkish historiography, Volga Bulgaria, Kievan Rus', Bulgars, Eastern Slavs, trade, archaeology, numismatics

For citation: Caglayan Y. H. Interactions between the Volga bulgars and the slavs in contemporary Turkish historiography // Modern humanities. 2025;1(4):82 — 91

Аслалӑх статийи

ХАЛЬХИ ТУРККӑ ИСТОРИОГРАФИЙӒНЧИ АТӑЛЦИ ПӑЛХАРСЕМПЕ СЛАВЯНСЕН ХУТШӑНӑВӒСЕН БИТӑВӒСЕМ

Е. Х. Чаглаян

Муш Алп Арслан университетӗ,

Муш хули, Турци

y.caglayan@alparslan.edu.tr

Аннотаци. Атӑлци пӑлхарсемпе славян тӑнчин, ҫав шутра Киев Русӗн политика тата суту-илӗ ҫыхӑнӑвӒсен хальхи турккӑ историографийӒнче чи актуаллӑ бийтусенчен пӑри. Паллӑ: турккӑ историкӒсем тӑрӑк халӑхӒсен истори, чӗлхе, культура проблемисене иртӑнӗ ӗмӑрӑн 40-мӗш ҫулӒсенчех анлӑн тӑпчеме пуҫланӑ, пӑтӑмлетӗллӗ тата ятарлӑ ӗҫсем ҫырни, ҫав вӑхӑтрах тюркологсен аслӑлӑх шкулӒсем йӑркеленӑ. 1990 ҫҫ. пуҫласа вара турккӑ аҫчахӒсен Раҫҫей ФедерацийӒнче аслӑлӑх тӑпчевӒсем ирттерме анлӑ майсем уҫалнӑ, ҫавӑн пекех вӒсем аҫнӑн тематикапа Раҫҫей тӑпчевӒсем ҫырни ӗҫсемпе паллашма пултарнӑ. Юлашки икӗ вунӑ ҫуллӑхра турккӑ историографийӒнче Атӑлци Пӑлхарпа славян тӑнчин хутшӑнӑвӒсен историне тӑпчесе ҫырни тӑплӗ ӗҫсем кун ҫути курнӑ, ҫак шута доктор диссертацийӒсемпе монографисем те кӑреҫӗ.

Хальхи турккӑ историографийӒнче ҫак тематикара тӑп вырӑнта — Атӑлци Пӑлхарпа Киев Русӗн политика (дипломати) хутшӑнӑвӒсен бийтӑвӒсене, кунсӑр пуҫне — ҫав патшалӑхсен суту-илӗ ҫыхӑнӑвӒсен уйрӑм енӒсене тӑпчесси. Турккӑ историкӒсем уйрӑмах кӑҫӑкланакан бийтусем — монголсем тапӑнса кӑнин тата Билтӑн Урта тытӑмӑн тапхӑрӗ, ҫав вӑхӑтри вӑрҫӑсем, политика пулӑмӒсем Пӑлхар патшалӑхӑпе вырӑс кнеҫлӑхӒсен аталанӑвне еплерех витӑм кӗни.

Юлашки ҫулсенче нумай ӗҫре нумизматикапа археологи материалне тишкерсе пӑтӑмлетнӗ, ҫак пӑтӑмлетӑве ҫыру ҫӑл куҫӒсемпе танлаштарса VIII — XII ӗмӑрсенчи ҫурҫӑр суту-илӑвӒнче пӑлхарсемпе славянсем мӑнле вырӑн йышӑннине кӑтартса панӑ. Атӑлци Пӑлхар хулисен общество-культура пурнӑҫне те анлӑн тӑпчӑҫӗ.

Тӑп сӑмахсем: турккӑ историографийӗ, Атӑлци Пӑлхар, Киев Русӗ, пӑлхарсем, тухӑҫ славянӒсем, суту-илӗ

Цитатӑлама: Чаглаян Е. Х. Хальхи турккӑ историографийӒнчи Атӑлци пӑлхарсемпе славянсен хутшӑнӑвӒсен бийтӑвӒсем // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 82 — 91

Введение

Средневековье занимает особое место в истории Евразии в силу насыщенности этнических, политических, социальных и культурных процессов. Возникшие в ходе Великого переселения народов государства Северо-Восточной Европы не только изменили этническую картину региона, но и сыграли важную роль в его политической и культурной жизни, а также в торговых связях Средневековья в целом.

Проблематика исторических контактов между волжскими булгарами и славянскими народами занимает важное место в изучении средневековой Евразии. Эти взаимоотношения, охватывавшие различные аспекты — от торгово-экономических до культурно-религиозных и политических — оставили заметный след в истории региона. Современная турецкая историография демонстрирует возрастающий интерес к истории тюркских народов, включая Волжскую Булгарию как части огромной тюркской цивилизационной парадигмы. В этом контексте в последние десятилетия важным направлением турецкой историографии стало переосмысление контактов булгар с соседними народами, в первую очередь славянами, с позиций как этнокультурного взаимодействия, так и формирования политических связей. Турецкие исследователи стремятся осветить роль булгар в истории не только тюркского мира, но и Восточной Европы, подчеркнув их вклад в развитие региона и особенности их взаимодействий со славянами в контексте трансформации средневековых государств.

Сравнение этих исследований с российской историографией показывает некоторые нюансы и различия в исследовательских подходах: если в российской историографической традиции акцент часто делается на межэтнических контактах, христианской миссии и политических конфликтах, то в турецкой — на культурно-цивилизационном аспекте, роли Волжской Булгарии в истории тюркского мира и ее взаимодействии с мусульманским Востоком. При этом в обеих историографических традициях наблюдается тенденция к интеграции археологических и нумизматических данных, что способствует формированию более объемного и многослойного исторического нарратива.

Цель данной статьи — проанализировать подходы современной турецкой историографии к вопросам взаимоотношений волжских булгар и славян, выявить основные направления исследований, доминирующие интерпретации и их историографические особенности.

Материалы и методы

В статье нами использован комплексный междисциплинарный подход, основанный на анализе исследований как источниковедческих трудов, так и исследований в области археологии и нумизматики. Основу исследовательской базы составили труды турецких историков (А. Валиди Тоган, И. Кафесоглу, А. Ташагил), в том числе современных (Д. Коч, И. Топсакал и др.), а также труды зарубежных исследователей, занимающихся историей Волжской Булгарии и восточнославянских народов. В работе применен историографический анализ с целью выявления эволюции подходов в турецкой историографии к проблеме булгаро-славянских отношений.

Результаты исследования и их обсуждение

Начиная с III в. н. э. районы Поволжья и бассейна Камы, представлявшие собой земли с благоприятным климатом и богатыми природными ресурсами, а также интенсивными торговыми связями, стали свидетелями больших миграций тюркских и соседних народов. С начала VIII в. эта обширная география становится стыком

тюркских и славянских культур, где происходят интенсивные контакты между волжскими булгарами и восточными славянами. С возникновением Арабского халифата, под контроль которого в конце VII — начале VIII в. перешли огромные территории Азии и Африки, происходит рост экономических связей обширных областей мусульманской империи, в том числе Поволжья. В этот период основными артериями торговли между мусульманскими странами и Крайним Севером становятся Волжско-Каспийский путь и водная магистраль из черноморских портов на север по Днепру.

Возникновение в VII в. полунезависимого (от Хазарского каганата) болгарского государства в Среднем Поволжье и бассейне Камы, а также официальное принятие в начале X в. волжскими булгарами исламской религии открыли большие возможности для развития на огромном пространстве транзитной торговли и культурных связей [16, с. 181 — 182]. Другим важным событием регионального, а впоследствии международного значения стало возникновение в IX в. древнеславянского государства — Киевской Руси. Как отмечает известный российский историк А. Е. Леонтьев, «образование и укрепление в IX — X вв. древнерусского государства и Волжской Болгарии, гибель Хазарского каганата и связанные с этими процессами изменения в этнической и политической карте Восточной Европы не могли не отразиться на географии и динамике функционирования Волжского торгового пути» [17, с. 3]. Торговые связи между Волжской Булгарией и Киевской Русью нередко переплетались с взаимовыгодными политическими отношениями, в ряде случаев закрепленными политическими соглашениями.

Как уже было отмечено выше, история политических, экономических и культурных связей между волжскими булгарами и славянами является одним из актуальных вопросов, привлекавших внимание историков, изучение которого требует обращения в научный оборот огромного количества письменных источников, а также археологических и нумизматических материалов. С образованием в 1923 г. Турецкой Республики создались благоприятные условия для обширных исследований истории, литературы и культуры тюркских народов. Начиная с 1940-х гг. в турецкой историографии появляются фундаментальные труды по истории и культуре тюркских народов, в том числе работы таких известных тюркологов, как А. Валиди Тоган [23], М. Ф. Кёпрюлю [12], Б. Огел [18], О. Туран [27] и др., в которых история волжских булгар исследовалась в контексте общетюркской истории.

Среди этих исследователей, безусловно, в первую очередь следует отметить А. Валиди Тогана, поскольку именно ему принадлежит заслуга в обнаружении и изучении знаменитой рукописной версии «Путешествия» Ибн Фадлана, незаменимого источника по истории Волжской Булгарии. Весной 1923 г. А. Валиди Тоган обнаружил в библиотеке Мешхеда (Иран) неизвестный ранее географический сборник, заключительная часть которого содержала путевой отчет («Рихла») Ибн Фадлана, ранее нигде не зафиксированный. В последующие годы по этой теме А. Валиди Тоган опубликовал несколько статей, а в 1935 г. защитил докторскую диссертацию [3, с. 478 — 479]. Обнаружение рукописи труда Ибн Фадлана и введение ее в научный оборот стало большим открытием не только для турецкой исторической науки, но и для востоковедения в целом: благодаря этому источнику появилась возможность более детально изучать политическую и социальную историю Волжской Булгарии и славян в IX — X вв. Отметим, что на основе Мешхедской рукописи книга Ибн Фадлана была издана на русском языке; к сожалению, из-за политической ситуации в СССР сталинской эпохи фамилии автора,

обнаружившего рукопись (А. Валиди Тогана) и переводчика текста на русский язык (А. П. Ковалевского) в ней не были упомянуты [19].

На турецкий язык труд Ибн Фадлана был впервые переведен Лютфи Доганом в 1954 г., а впоследствии, в 1975 г., Рамазан Шешеном был выполнен новый перевод [4, s. 59 — 80; 20].

Еще одним известным тюркологом прошлого века является М. Ф. Кёпрулю; несмотря на то что в его трудах вопросы, непосредственно связанные с булгарами, не получили отдельного освещения, тем не менее эти исследования представляют значительный интерес в контексте изучения ключевых аспектов истории тюркских народов. В частности, в статье «Феодализм в тюрко-исламском мире Средневековья» (1941) автор акцентирует внимание на социально-экономических особенностях развития мусульманских тюркских государств, включая и Волжскую Булгарию [12].

Значительный вклад в изучение тюркской культуры доисламского периода внес тюрколог Б. Огэль. В его монографии «История тюркской культуры до принятия ислама» (1942) рассмотрены ключевые элементы духовной и материальной культуры тюркских народов, а также проанализированы источники происхождения этой культуры и направления ее распространения на евразийском пространстве [18]. Особый интерес представляет работа О. Турана «Тюрки и ислам» (1946), в которой автор исследует причины обращения тюркских народов, включая волжских булгар, в исламскую религию, а также анализирует культурные и социальные последствия данного религиозного перехода [27].

Что касается конкретно истории и культуры волжских булгар, в том числе политического и культурного развития Поволжья после принятия булгарами ислама, эти вопросы стали объектом специальных исследований таких авторов, как И. Кафесоглу и А. Н. Курат. В этих исследованиях турецкие историки, ссылаясь в основном на труды средневековых мусульманских авторов, сосредоточили внимание на вопросах этнической и языковой принадлежности волжских булгар. Ибрагим Кафесоглу в своих исследованиях, посвященных истории булгар, основное внимание уделил вопросам их происхождения, языковой принадлежности и культурного развития на основе исторических источников, а также сравнительного анализа археологических и лингвистических данных. В этих трудах автор исследовал историю и культуру булгар в общетюркском историческом контексте, одновременно уделяя внимание их отношениям с другими тюркскими народами [7 — 8].

А. Н. Курат в своем труде «Турция и Поволжье» (1966) в основном исследовал политические, дипломатические, экономические и культурные связи Османской империи с Казанским и Астраханским ханствами в XVI — XVII в., а также уделил внимание историческим корням отношений между этими тюркскими государствами. В другой своей монографии (1972) А. Н. Курат исследовал историю тюркских народов и государств на Северном Причерноморье в IV — XVIII вв. Отметим, что этот труд до сегодняшнего дня остается одним из самых фундаментальных исследований в области изучения отношений между тюркскими народами.

Вопросы государственного устройства, а также особенности экономического и культурного развития Волжской Булгарии, в том числе принятие булгарами исламской религии были исследованы такими историками, как А. Ташагил, А. Темир и Н. Язычи [21; 22; 28 — 30]. Объектом этих работ стали также (хотя и не детально) вопросы посреднической роли, которую сыграли волжские булгары в

северной торговле Средневековья. История волжских булгар, их государственное устройство, принятие ими ислама, а также отношения с соседями подробно исследованы в статье А. Ташагила, в которой кратко упомянуты также отношения с Киевской Русью [21]. А статья А. Темира определяет географические границы между Приволжьем и Уралом, подробно изучает природный ландшафт, климат и водные ресурсы этого региона, что способствует пониманию его исторического и культурного наследия [22]. Одним из историков, внесших значительный вклад в изучение средневековой истории тюркских народов, является Н. Язычи. Среди его исследований имеются статьи и главы книг, посвященные конкретно волжским булгарам. В этих работах автор уделяет основное внимание принятию исламской религии волжскими булгарами, политическим и культурным последствиям этого исторического события для региона, также рассматривает политическую историю региона, включая отношения с Киевской Русью [28 — 30].

Как видно из краткого обзора, до 80-х гг. прошлого века в турецкой историографии многие вопросы, касающиеся политической истории и культурного развития тюркских народов, в том числе волжских булгар, были достаточно широко и комплексно исследованы. Наибольшей заслугой турецких исследователей в этом направлении стало детальное прослеживание политической истории региона, акцентирование внимания на значительных исторических событиях и определение места волжских булгар в тюрко-исламском мире. В то же время следует отметить, что в советский период почти полное отсутствие научного сотрудничества Турции с СССР, невозможность научных экспедиций турецких историков в этот регион и, как следствие, недоступность археологических и нумизматических материалов существенно затруднили изучение конкретных вопросов истории волжских булгар (в том числе и их отношений со славянскими народами).

Вопросы истории политических и экономических связей волжских булгар с восточными славянами, в том числе с Киевской Русью, стали привлекать внимание турецких историков с начала 1990-х гг., когда взаимоотношения Турции и постсоветских стран обрели качественно новый уровень, особенно в плане интенсивных взаимосвязей в области науки и культуры. После распада СССР появились широкие возможности для научного сотрудничества турецких историков, археологов и нумизматов с исследователями из стран СНГ, турецкие ученые получили возможность проводить свои исследования благодаря научным командировкам в РФ и Средней Азии. Среди этих исследователей в первую очередь надо отметить И. Топсакала и Д. Коча. Благодаря исследовательским работам в Татарстане и Средней Азии в начале 2000-х гг. этими авторами были написаны фундаментальные труды по истории Волжской Булгарии, в том числе ее политических и экономических отношений с древнерусским государством.

Хотя исследования И. Топсакала не связаны напрямую с отношениями Волжской Булгарии с древнерусским государством, вернее, хронологические рамки его исследований выходят за пределы интересующих нас столетий, в его работах достаточное место уделено и вопросам истории политических отношений между булгарами и русскими княжествами. В магистерской диссертации И. Топсакала «История Волжской Булгарии и Ислам в X — XII вв.» взаимоотношения волжских булгар со славянскими народами не являлись предметом прямого исследования, тем не менее в работе интересующая нас проблематика получила должное освещение в контексте этнических и культурных связей региона [25]. А в своей кандидатской диссертации «Православная миссионерская деятельность в

Волжско-Уральском регионе и тюрки по данным русских миссионерских источников» И. Топсакал, рассматривая вопросы основания и развития Русской православной церкви в этом регионе, исследует некоторые аспекты политических связей болгар и славян [26, с. 63 — 67]. В монографии «Волжские болгары и Ислам» И. Топсакал, исследуя историю принятия волжскими болгарами исламской религии, уделил место и вопросам взаимосвязей между болгарскими и русскими, в том числе повседневной жизни в русском квартале г. Булгар [24, с. 64].

Другой турецкий историк Д. Коч в своей кандидатской диссертации, а также в монографии «Волжские Булгары» исследует политические связи Волжской Булгарии с Киевской Русью, походы киевского князя Владимира и суздальского князя Игоря Долгорукого на земли волжских болгар, военные кампании других русских князей против Булгарии [9 — 10]. В этих трудах рассмотрены также русско-болгарские отношения накануне и в период монгольских нашествий, в том числе мирные соглашения между Булгарией и русскими княжествами 1221 и 1229 гг., последствия монгольских походов для региона, политическое и социально-экономическое положение Волжской Булгарии под властью Золотой Орды и т. д. На основе нумизматических данных автору удалось также классифицировать монеты, отчеканенные эмирами Волжской Булгарии от собственных имен [10].

В этой связи хотелось бы отметить, что в турецкой историографии ранний этап истории отношений между болгарскими и славянами исследован более подробно, нежели взаимоотношения монгольского периода. А в трудах Д. Коча обстоятельно изучены также вопросы военно-политической ситуации в регионе накануне монгольских нашествий и борьба волжских болгар против иноземного ига. Некоторые вопросы взаимоотношений болгар и славян проанализированы им в отдельных статьях, детально рассмотреть которые у нас нет возможности в силу объема данной статьи. В целом не ошибемся, если скажем, что в современной турецкой историографии именно Д. Кочем наиболее развернуто исследованы вопросы взаимоотношений волжских болгар и славян в VII — XV вв.

Некоторые аспекты вышеназванной проблемы разобраны в трудах М. Акынды, Э. Эроглы, С. Карагёза и др. Так, в статье «Происхождение городов Волжской Булгарии» М. Акынды исследует последствия культурных и этнополитических контактов славян и болгар в развитии городов Волжской Булгарии [1, с. 173 — 185]. А в статье «Влияние мусульманского купечества на исламизацию Среднего Поволжья» автором рассмотрена роль волжских болгар и славян в религиозно-политических процессах региона [2]. Э. Эроглы же в статье «Пушная торговля на Северном Причерноморье в VI — X вв.», изучая основные стороны торговли пушниной в раннем Средневековье, касается и некоторых моментов экономических связей между славянами и болгарскими. Автором исследуется также посредническая роль Волжской Булгарии в торговых связях Киевской Руси с мусульманским миром [5, с. 423 — 424]. Связи волжских болгар с кочевым миром, а также посредническая роль, которую играли болгары и славяне в северной торговле, рассматриваются в статьях С. Карагёза и Х. Гёкбору [6; 15].

Одним из самых важных направлений по изучению истории тюркских народов, безусловно, является перевод средневековых источников, относящихся также к истории волжских болгар и славян. Благодаря этой активно развивающейся в последние десятилетия работе было переведено на турецкий язык большое количество арабоязычных и персоязычных источников; среди них особенно следует отметить Ибн Фадлана, аль-Масуди, аль-Истахри, Ибн Хаукаля,

аль-Марвази. Перевод этих источников и авторские комментарии к ним способствовали развитию исследований, направленных на изучение связей волжских булгар с славянским миром.

Заключение

Изучение вопросов взаимодействия Волжской Булгарии и восточнославянского мира в контексте современной турецкой историографии позволяет сделать ряд важных выводов. Прежде всего необходимо отметить, что интерес турецких ученых к данной тематике значительно возрос с конца XX в. — на фоне укрепления научных и культурных связей между Турцией и постсоветскими странами, а также в условиях активизации исследований по истории тюркских народов в рамках национальной исторической парадигмы.

Современные турецкие историки внесли значительный вклад в изучение политических, экономических и культурных связей между Волжской Булгарией и Киевской Русью. Их труды опираются преимущественно на арабо-мусульманские источники, а также современные археологические и нумизматические данные. В них акцентируется внимание на посреднической роли булгар в торговле между Русью и мусульманским Востоком, а также на значении принятия ислама для формирования уникальной болгарской цивилизации.

Особенно надо отметить, что в последние годы исследования турецких историков приобрели мультидисциплинарный характер: открылись широкие возможности для совместных научных работ нумизматов, археологов, лингвистов и историков Турции. Перспектива же совместных научных проектов ученых Турции и Российской Федерации позволяет надеяться на появление новых фундаментальных трудов по истории взаимоотношений тюркского и славянского миров.

Таким образом, вопросы взаимодействия Волжской Булгарии и славян остаются важной областью для дальнейших исследований, особенно в рамках междисциплинарного и международного научного диалога. Привлечение материалов турецкой историографии к изучению этой проблематики обогащает научное представление о процессе этнокультурного взаимодействия в Среднем Поволжье и способствует более полному осмыслению исторического наследия тюркских и славянских народов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Akıncı M. İtil Bulgar kentlerinin kökeni hakkında // Pamukkale Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2023; 55. S. 173 — 185.
2. Akıncı M. Müslüman tüccarların orta İdil'deki İslamlaşmaya etkisi // Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2020; Cilt 21 (39). S. 1129 — 1153.
3. Aliyev S. M. İbn Fadlan // TDV İslam Ansiklopedisi. 1999; Cilt 19. S. 477 — 479.
4. Doğan Lütfi. İbni Fadlan Seyahatnamesi // Ankara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 1954; 3 (1 — 2). S. 59 — 80.
5. Eroğlu E. VI.-X. Yüzyıllarda Karadeniz'in kuzeyinde kürk ticareti // Bingöl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Bahar 2018; 8 (15). S. 419 — 428.
6. Huzin F. Ş. İdil (Volga) Bulgarları ve göçebe dünya / F. Ş. Huzin, Z. G. Şakirov, S. Karagöz // "Mütefekkir" Aksaray Üniversitesi İslami İlimler Fakültesi Dergisi. Haziran 2019; 6 (11). S. 243 — 258.
7. Kafesoğlu İ. Bulgarların kökeni. Ankara: Türk Kültürü Araştırmaları Enstitüsü, 1985. 57 s.
8. Kafesoğlu İ. Türk-Bulgarların tarih ve kültürüne kısa bir bakış // Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Dergisi. 1979; 10. S. 91 — 123.
9. Koç D. İdil Bulgarları. İstanbul: Selenge Yayınları, 2021. 376 s.
10. Koç D. Nüvizmatik Verilere Göre X. Yüzyılda İdil Bulgar Emirleri // Türk Dünyası Araştırmaları. 2010; 187. S. 223 — 236.
11. Koç D. Rus kaynaklarına göre ilk Müslüman Türk devleti: İtil Bulgar devleti. T.C. İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tarih Ana bilim Dalı, Doktora Tezi. İstanbul, 2010. 330 s.

12. Köprülü M. F. Orta zaman Türk-İslam Feodalizmi // TTK Belleten, Ocak-Nisan 194; 5 (17 — 18). S. 319 — 334.
13. Kurat A. N. IV — XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. Ankara: TTK, 1972. 511 s.
14. Kurat A. N. Türkiye ve İdil boyu ((1569 Astarhan Seferi, Ten-İdil Kanalı ve XVI — XVII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münasebetleri). Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 1966. 240 s.
15. Gökbörü H. İ. İtil Bulgarları ve coğrafyacılar / H. İ. Gökbörü, A. Aldahrouj // Uluslararası Selçuklu Araştırmaları Dergisi. Bahar 2021; 14. S. 1 — 22.
16. Gözelova Y. H. Orta asırlarda Avrasiyanın ticaret əlaqələri. Bakı: Təhsil, 2012. 300 s.
17. Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX веке // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Выпуск 183. С. 3 — 9.
18. Ögel B. İslamiyetten önce Türk Kültür Tarihi. Ankara: TTK, 1942. 431 s.
19. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1939. 193 с.
20. Şeşen R. İbn Fazlan Seyahatnâmesi. İstanbul: Bedir, 1975. 160 s.
21. Taşğıl A. İdil Bulgar Hanlığı // TDV İslam Ansiklopedisi. 2000; 21. S. 472 — 474.
22. Temir A. İdil-Ural ve yöresi // Türk Dünyası El Kitabı. Ankara: Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, 1976. S. 1251 — 1271.
23. Togan A. Z. Umumi Türk tarihine giriş Cilt 1. En eski devirlerden XVI. asra kadar. İstanbul: Enderun, 1980. 538 s.
24. Topsakal İ. İdil Bulgarları ve İslamiyet. İstanbul: Ötüken, 2019. 190 s.
25. Topsakal İ. X. — XII. Asır İdil (Volga) Bulgarları Tarihi ve İslamiyet. T.C. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tarih Ana bilim Dalı, Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2000. 103 s.
26. Topsakal İ. Rus misyoner kaynaklarına göre İdil-Bulgar bölgesinde Ortodoks misyoner faaliyetleri ve Türkler (1552 — 1917). T.C. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü İlahiyat Ana bilim Dalı, Doktora Tezi. İstanbul, 2007. 393 s.
27. Turan O. Türkler ve İslamiyet // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi dergisi. 1946; 4 (4) S. 457 — 485.
28. Yazıcı N. İdil (Volga) Bulgar Hanlığında İslamiyet // Yeni Türkiye. 2015; 66. S. 402 — 420.
29. Yazıcı N. İlk Türk İslam devleti: İdil Volga Bulgar Hanlığı // Diyanet Dergisi. Ocak-Şubat-Mart 1993; 1 (29). S. 57 — 69.
30. Yazıcı N. İdil (Volga) Bulgar Hanlığı // İlk Türk İslam Devletleri Tarihi. Ankara: TDV Yayınları, 2022. S. 111 — 128.

REFERENCES

1. Akıncı M. On the origin of the Volga Bulgarian cities // Pamukkale University Journal of Social Sciences Institute. 2023;55:173 — 185. (In Turk.)
2. Akıncı M. The effect of Muslim merchants to Islamization in the Middle Volga // Uludağ University Faculty of Arts and Sciences Journal of Social Sciences. 2020;21 (39);1129 — 1153. (In Turk.)
3. Aliyev S. M. İbn Fadlan // TDV Encyclopedia of Islam. 1999;19:477 — 479. (In Turk.)
4. Doğan L. The Travelogue of Ibn Fadlan // The Journal of the Faculty of Divinity of Ankara University. 1954;3(1 — 2):59 — 80. (In Turk.)
5. Eroğlu E. Fur Trade in the north of the Black Sea in the 6-10. centuries // Bingöl University Journal of Social Sciences İnstitute. Spring 2018;8(15):419 — 428. (In Turk.)
6. Huzin F. Volga Bulgaria and nomadic world / F. Huzin, Z. Şakirov, S. Karagöz // Mütefekkir. June 2019;6(11):243 — 258. (In Turk.)
7. Kafesoğlu İ. Origins of Bulgars. Ankara;1985:57. (In Turk.)
8. Kafesoğlu İ. A brief overview of the history and culture of Turkish Bulgarians // The Journal of Southeastern European Studies. 1979;10:91 — 123. (In Turk.)
9. Koç D. The Volga Bulgars. İstanbul;2021:376. (In Turk.)
10. Koç D. Volga Bulgarian emirs in X. century according to numismatic data // Türk Dünyası Araştırmaları. 2010;187:223 — 236. (In Turk.)
11. Koç D. Volga Bulgarian state: the first Muslim Turkish state according to Russian sources. (Doctoral dissertation). İstanbul University, Institute of Social Sciences, Department of History. İstanbul;2010:330 p. (In Turk.)
12. Köprülü M. F. Turco-Islamic Feudalism in the Middle Ages // TTK Belleten. 1941;5(17 — 18):319 — 334. (In Turk.)
13. Kurat A. N. Turkic Tribes and States in the North of the Black Sea from the 4th to the 18th Century. Ankara;1972:511. (In Turk.)

14. Kurat A. N. Turkey and the Volga Region (1569 Astrakhan Campaign, Don-Volga Canal, and 16th — 17th Century Ottoman-Russian Relations). Ankara;1966:240. (In Turk.)
15. Gökbörü H. İ. Volga Bulgars and geographers / H. İ. Gökbörü, A. Aldahrouj // Selcuk University Journal of Seljuk Studies. Spring 2021;14:1 — 22. (In Turk.)
16. Gezalova Y. H. Trade relations of Eurasia in the Middle Ages. Baku;2011:300. (In Azeri)
17. Leontyev A. E. The Volga — Baltic Trade Route in the 9th Century // Brief Communications of the Institute of Archaeology. 1984;183:3 — 9. (In Russ.)
18. Ögel B. History of Turkish Culture Before Islam. Ankara;1942:431. (In Turk.)
19. Ibn Fadlan's Journey to the Volga. Translation and commentary edited by Academician I. Yu. Krachkovsky. Moscow—Leningrad;1939:193. (In Russ.)
20. Şeşen R. The Travelogue of Ibn Fadlan. İstanbul;1975:160. (In Turk.)
21. Taşağıl A. The Volga Bulgar Khanate // TDV Encyclopedia of Islam. 2000;21:472 — 474. (In Turk.)
22. Temir A. The Volga-Ural Region and Its Vicinity // In Handbook of the Turkic World. Ankara;1976:1251 — 1271. (In Turk.)
23. Togan A. Z. An Introduction to General Turkish History, Vol. 1: From the Earliest Times to the 16th Century. İstanbul;1980:538 pp. (In Turk.)
24. Topsakal İ. The Volga Bulgars and Islam. İstanbul;2019:190. (In Turk.)
25. Topsakal İ. History of the Volga (Itil) Bulgars and Islam in the 10th — 12th Centuries (Master's thesis). Marmara University, Institute of Social Sciences, Department of History. İstanbul;2000:103. (In Turk.)
26. Topsakal İ. Orthodox missionary activities and the Turks in the region of Idil-Ural according to Russian missionary sources. (Doctoral dissertation). Marmara University, Institute of Social Sciences, Department of Theology. İstanbul, 2007:393. (In Turk.)
27. Turan O. The Turks and Islam // Ankara University Journal of the Faculty of Languages and History-Geography. 1946;4(4):457 — 485. (In Turk.)
28. Yazıcı N. Islam in the Volga Bulgar Khanate // Yeni Türkiye. 2015;66:402 — 420. (In Turk.)
29. Yazıcı N. The First Turkish Muslim State: The Itil (Volga) Bulgar Khanate // Diyanet. 1993;1(29):57 — 69. (In Turk.)
30. Yazıcı N. The Volga (Itil) Bulgar Khanate // In History of the First Turkish Muslim States. Ankara;2022:111 — 128. (In Turk.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2025;
одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 23.07.2025

Информация об авторе:

Чаглаян Егяна Хафизовна, заведующий кафедрой истории средних веков университета Муш Алп Арслан (Турецкая Республика), кандидат исторических наук, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5462-2954>, y.caglayan@alparslan.edu.tr
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 02.06.2025;
approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication 23.07.2025

Information about the author:

Yegana H. Caglayan, Head of the Department of Medieval History, Muş Alparslan University (Republic of Turkey), candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5462-2954>, y.caglayan@alparslan.edu.tr
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests. The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 02.06.2025 ڇитнѐ;
рецензиленѐ хыџџан 23.07.2025 ырланѐ; 23.07.2025 пичете йышаннѐ

Автор ڇинчен:

Чаглаян Егяна Хафизовна, Муш Алп Арслан (Турккѐ Республики) университетѐн вѐтам ѐмѐрсен историйѐн кафедрин пуслѐхѐ, истори ѐслѐлѐхѐсен кандидачѐ, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5462-2954>, y.caglayan@alparslan.edu.tr
Пайталѐх конфликтѐ: автор пайталѐх конфликтѐ ڇуккине пѐлтерет. Автор ал ڇырѐвѐн юлашки вариантне вуласа тухнѐ, ырланѐ.

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES /
ФИЛОЛОГИ АСЛАЛАХЁСЕМ**

УДК 811.51,28
ББК 81.62/81.65

Научная статья

**ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛИНГВОАРЕАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ОДНОГО ВОЛЖСКОБУЛГАРСКОГО КЛАССИФИКАТОРА**

К. Адягаши

Дебреценский университет,
г. Дебрецен, Венгрия
agyagasi.klara@arts.unideb.hu

Аннотация. В статье проведен исторический и ареально-лингвистический анализ волжскобулгарских слов со значением ‘семя, зерно’, современные соответствия которых используются в качестве классификаторов в языках Волго-Камского региона.

Ключевые слова: классификаторы, западнодревнетюркские архаизмы словообразования, волжскобулгарские диалекты, фонетические критерии чувашского типа, волжскобулгарские-прамарийские языковые контакты

Для цитирования: Адягаши К. Историческое и лингвоареальное исследование одного волжскобулгарского классификатора // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 92 — 99

© Адягаши К., 2025

Scientific article

**HISTORICAL AND LINGUISTIC-AREAL STUDY OF
ONE VOLGA-BULGARIAN CLASSIFIER**

K. Agyagasi

University of Debrecen,
Debrecen, Hungary
agyagasi.klara@arts.unideb.hu

Abstract. This article provides a historical and areal-linguistic analysis of Volga-Bulgar words meaning ‘seed, grain’. Their modern equivalents are used as classifiers in the languages of the Volga-Kama region.

Keywords: classifiers, Western Old Turkic word-formation archaisms, Volga-Bulgarian dialects, Chuvash-type phonetic criteria, Volga-Bulgarian-Proto Mari language contacts

For citation: Agyagasi K. Historical and linguistic-areal study of one Volga-Bulgarian classifier // Modern humanities. 2025;1(4):92 — 99

Аслаллах статийи

**АТЉЅИ ПЉЉХАР ЧЉЉХИНЧИ СУМ ЯЧЉН
ИСТОРИ ТАТА АРЕАЛ ЛИНГВИСТИКИН ТЉПЧЕВЉ**

К. Адягаши

Дебрецен университетчѐ,
Дебрецен хули, Венгри
agyagasi.klara@arts.unideb.hu

Аннотаци. Ку статьяра АтЉЅи пЉЉхарсен чЉЉхинчи ‘пѐрчѐ’ пѐлтерѐшлѐ сЉмахсене истори тата ареал лингвистики меслечѐсемпе тишкернѐ, вѐсен хальхи тЉр килѐвѐсем-

пе Атӑлпа Кама тӑрӑхӗнчи чӑлхесенче сум ячӑсем (классификаторсем) пек усӑ курнинне палӑртнӑ.

Тӑп сӑмахсем: сум ячӑсем (классификаторсем), анӑсри авалхи тӑрӑк чӑлхин сӑмах пулӑвӗн архаизмӑсем, Атӑлси пӑлхар чӑлхин диалекчӑсем, чӑваш чӑлхинчи евӑр фонетика паллисем, Атӑлси пӑлхарпа авалхи мари чӑлхисен хутшӑнӑвӑсем

Цитатӑлама: Адягаши К. Атӑлси пӑлхар чӑлхинчи сум ячӑн истори тата ареал лингвистикин тӑпчевӑ // Хальхи гуманитаристика. 1 т. 4 №. С. 92 — 99

Введение

Историческое исследование классификаторов (классифицирующих слов) чувашского языка и его предшественника — волжскобулгарского языка появилось в связи с исследованием происхождения венгерских классификаторов, проведенным по предложению Каталин Э. Кишш¹.

В группе многочисленных типов классификаторов венгерского языка представлен подтип индивидуальных классификаторов. Индивидуальные классификаторы характеризуют встречающиеся в природе дискретные (состоящие из отдельных единиц) предметы на основе качества, формы или других типичных свойств (напр. *egy fej káposzta* ‘один кочан капусты’, *egy szem mazsola* ‘одна штучка изюма’, *egy szál gyertya* ‘одна штука свечи’, *egy bokor krumpli* ‘один куст картофеля’). Венгерские классификаторы встречаются в сочетаниях, имеющих структуру Num-CI-N, где CI обязательно имеет форму именительного падежа, совпадающую с его основой. Основные особенности классификатора: он не употребляется без имени числительного, классификатор может быть пропущен без изменения значения указанного сочетания, в роли имени (N) не может выступать абстрактное существительное [5].

В чувашских лингвистических исследованиях установление классификаторов только началось [2, с. 233], среди выявленных классификаторов индивидуальные не упоминаются. Наше сравнительное исследование древнетюркского и правенгерского языков, таким образом, сосредоточено на уникальной структурной модели, которая в венгерском является установленной, в чувашском же в имеющихся на сегодня исследованиях еще не выявлена. В названной выше статье нами рассмотрены два чувашских слова (*pěrcě* ‘семя, зерно’, *tuna* ‘стебель’), выступающие в функции классификатора, и определено их волжскобулгарское и западнодревнетюркское / огурское² происхождение на основе анализа данных из

¹ Первые результаты нашего совместного с Е. Декань исследования мы представили в своем докладе на проведенной в 2018 г. серии конференций «Теория языка и контактология», организованной К. Э. Кишш.

² Тюркские языки в конце пратюркской эпохи распались на огурскую и огурскую языковую ветви. Говорящие на огурских языках огуры, болгары, авары и хазары появились в южных степных зонах восточно-европейского пространства в V в. Их языковые варианты составляли западный древнетюркский диалект, образовавшийся на основе общности территории между V и XIII вв., начиная с XI в. этот диалект дополнялся некоторыми из кыпчакских языков. Письменные источники западно-древнетюркского языка не сохранились, но значительный устный источник представляют собой древнетюркские заимствования, попавшие в правенгерский язык [9]. В это же время группы, говорившие на восточном древнетюркском диалекте, восходившем к огурскому варианту языка, проживали во Внутренней Азии и Южной Сибири. Восточно-древнетюркский язык богат письменными источниками. Современный чувашский язык является единственным живым потомком огурской ветви. Предшественники носителей [чувашского] языка в VIII в. вышли из Хазарской империи и откочевали вверх, к слиянию рек Волги и Камы. В X в. образовалась Волжско-Булгарская империя. На Средней Волге сформировались три волжско-булгарских диалекта, чувашский язык является продолжением волжско-булгарского диалекта 3-го типа [3, с. 160 — 183]. С 1508 г. он упоминается в источниках в качестве самостоятельного языка.

речи носителя чувашского языка. В то же время известно, что слово *pěrcě* отличается большим разнообразием фонетических, словообразовательных (морфологических) и диалектных вариантов. Целью представленного ниже лингвогеографического исследования является изучение сохранившихся в волжскобулгарских диалектах западнодревнетюркских / огурских архаизмов, демонстрирующих некоторые особенности вымерших языков и свидетельствующих о том, что мы имеем дело с древней системой словообразования.

Результаты исследования и их обсуждение

1. История чувашского слова со значением ‘семя, зерно’

Литературным вариантом анализируемого чувашского слова является *pěrcě*³, который можно возвести к ранней западнодревнетюркской форме **bürtik*⁴. Эта форма образована от глагола *bür-* с помощью аффикса принудительного залога *-t-* и является отглагольным существительным с аффиксом *-ok*, ср. в др.-тюрк. *bür-* ‘стягивать, затягивать (с образованием складок)’, *bürt-* ‘заставить стянуть, сложить’⁵. О древнетюркском отглагольном аффиксе *-ok*, образующем существительные, см. в работе М. Эрдала [7, с. 172 — 223].

Ранняя древнетюркская форма **bürtik*, как свидетельствуют западнодревнетюркские заимствования в венгерском языке [9, с. 1076], в западнодревнетюркском могла измениться двумя способами: 1) глухой гуттуральный согласный в конце слова мог сохраниться в неизменной форме; 2) слово могло озвончиться и подвергнуться спирализации вторично (*bürtik* > *bürtig* > *bürtiy*), спирант же исчез еще в первую треть древнетюркской эпохи⁶. В литературном чувашском языке представлен вариант, являющийся результатом второго способа изменения, это же изменение отражается и в чувашских диалектных формах: низовое *pěrcě*, в Спасском уезде⁷ *põrcõ* ‘зерно’⁸; низовое *pěrcě* (Симбирск) ‘зерно, зернышко; капля’; (Самара) ‘ягодка’; (Буинск) ‘крошка, крупинка, снежинка’, ‘волокно’; верховое *põrcõk* ‘зерно’⁹.

При этом западнодревнетюркский вариант с сохранением ауслатного гуттурального **bürtik* представлен как в низовом, так и верховом диалекте: *pěrcěk*, *põrcõk* ‘семя, зерно’¹⁰. Значит, в чувашском языке можно проследить развитие

³ Чувашско-русский словарь / под ред. [и с предисл.] М. И. Скворцова. Москва: Русский язык, 1982. С. 291 — 292.

⁴ На общетюркские параллели чувашского слова и на то, что они встречаются в марийских диалектах, см.: Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 423 — 424.

⁵ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. С. 132 — 133.

⁶ При рассмотрении тюркских заимствований венгерского языка такое изменение гуттуральных согласных венгерские тюркологи в течение долгого времени относили к критериям чувашского типа. Однако позже отошли от этой трактовки, поскольку здесь речь идет об изменении, произошедшем в венгерском и чувашском языках параллельно [4, с. 164].

⁷ Х. Паасонен собирал чувашский материал в 1900 г. среди чувашей Самарской губернии, на территории южного, низового диалекта чувашского языка. Однако в Спасском уезде, находившемся к юго-востоку от границ современной Чувашии, он наткнулся на островок с архаичным языковым вариантом, фонемная система гласных которого совпадала с фонемной системой северного, верхового диалекта.

⁸ Paasonen H. Csuvás szójegyzék // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest: A Magyar Tudományos Akadémia Kiadása, 1907; Reprint: Paasonen H. Tschuwaschisches Wörterverzeichnis / eingeleitet von A. Róna-Tas // Studia Uralo-Altaica. Vol. 4. Szeged, 1974. S. 97.

⁹ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 10. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. С. 236 — 237.

¹⁰ Там же. С. 237.

двух разных более ранних западнодревнетюркских территориальных вариантов¹¹. Однако этим число территориальных вариантов древнетюркского слова **bürtik* не исчерпывается.

Как известно, большая часть носителей огурского варианта западнодревнетюркского языка в VIII в., отделившись от Хазарской империи, несколькими волнами переселились к месту слияния Волги и Камы [3, с. 1 — 2] и в начале X в. основали империю. На новом месте волжские булгары заселились в трех регионах, разделенных реками. В этих регионах на основе огурского языка сформировались три волжскобулгарских диалекта, которые отличались друг от друга в деталях оппозиций по времени образования гласных звуков [3, с. 160 — 183]. Что касается дальнейшего изменения западнодревнетюркского **bürtik*, тут могут быть задействованы волжскобулгарские диалекты 1-го¹² и 3-го типов (который является непосредственным предшественником чувашского языка), так как в этом слове не встречается долгий гласный, свойственный диалекту 2-го типа.

В формах диалектных вариантов, приведенных Паасоненом и Ашмариним, редуцированные гласные представлены в обоих слогах: в низовом диалекте редуцированные гласные — это нелабиальные звуки переднего ряда, а в верховом диалекте в обоих слогах — лабиальные гласные звуки переднего ряда. Наличие гласных верхнего подъема древнетюркского языка полностью соответствует порядку изменений, произошедших в волжскобулгарском диалекте 3-го типа в раннем среднечувашском периоде: редуцирование гласных верхнего подъема произошло в результате частичного копирования по образцу прамарийского языка. Сначала редуцированные звуки появились как аллофоны кратких гласных во втором слоге, затем это качество звука фонематизировалось и превратило в редуцированные все гласные в слове, изначально бывшие гласными верхнего ряда [3, с. 196—220]. Приведенные данные наглядно демонстрируют и то, что в процессе изменения формы **bürtik* в языке — предшественнике чувашского произошло выравнивание по лабиализации в структуре гласных слова. Однако это выравнивание могло произойти только в среднечувашский период после изменения *ti > či* в середине слова. Значит, история общераспространенных на чувашской языковой территории слов низового *pěrcě*, *pěrcěk*, верхового *pörcö*, *pörcök* может быть реконструирована следующим образом: з.-др.-тюрк. **bürtik* ‘семя, зерно’ > ВБ **bürtik* > ВБ-3 **pürtik* > **pürčik* > ср.-чув. **pürčük* > **pürčök* > В *pörcök*, А *pěrcě* ‘то же’ з.-др.-тюрк. **bürtik* ‘семя, зерно’ > **bürtiy* > ВБ **bürti* > ВБ-3 **pürti* > **pürči* > ср.-чув. **pürčĭ* > **pürčü* > **pürčü* > В *pörcö*¹³, А *pěrcě* ‘то же’.

В волжско-булгарском диалекте 3-го типа в западнодревнетюркской форме **bürti* произошло обратное, иллабиальное выравнивание. Об этом свидетельствует и материал, собранный в 1856 г. Августом Альквистом на территории распространения верхового диалекта, в котором слово *pirc'e* [*pěrcě*] ‘зерно’ (< **pirči* < **birti* < з.-др.-тюрк. **bürti*) содержит только нелабиальные гласные¹⁴.

¹¹ Западно-древнетюркский языковой ареал Рона-Таш (1998) отождествлял с регионом Восточноевропейской степи периода V — XIII вв. [17].

¹² Поскольку этот диалект после татарского нашествия стал субстратным языком, а затем вымер, самоназвание он не сохранил. Различение волжско-булгарских диалектов при помощи цифр — это необходимость, вытекающая из этой ситуации.

¹³ Данное слово в форме *тюрчу* зафиксировано уже в словаре Дамаскина 1785 г.

¹⁴ Ahlqvist A. Tschuwaschiska. Tschuwaschischer Nachlass von August Ahlqvist. Bd. 1 / Herausgegeben von K. Agyagási, E. Winkler. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2008. (Studies in Linguistics of the Volga-Region, IV). S. 24.

Буинский говор низового диалекта сохранил еще две формы слова *pěrcě*: *pěrcěn* ‘зернышками’¹⁵ и *pěrcěš* ‘зерно, небольшая часть’¹⁶. Обе формы являются морфологическими архаизмами. Конечное *-н* в слове *pěrcěn* представляет собой аффикс архаичного инструментального падежа древнетюркского языка [6, с. 175 — 177]. Существительные с таким аффиксом уже употреблялись в роли наречий в восточнодревнетюркском языке, а слова западнодревнетюркского происхождения, сохранившиеся в чувашском языке (в том числе *pěrcěn* ‘по семечку, по зернышку’ < з.-др. тюрк. **bürtin*), являются исключительно наречиями [1, с. 27]. Ауслатный аффикс *-š* в слове *pěrcěš* представляет собой остаточное явление от огурского фонетического варианта архаичного западнодревнетюркского притяжательного аффикса 3-го лица (з.-др.-тюрк. **bürtisi* > чув. А *pěrcěš*). Этот вариант аффикса лица в чувашском языке сохранился только в терминах родства и отдельных местоимениях, в которых квалифицируется как словообразовательный формант [1, с. 15, 35].

2. Наличие западнодревнетюркского **bürtik* ‘семя, зерно’ в волжско-булгарском субстрате

Однако вариант западнодревнетюркского слова **bürti*, развившийся в волжскобулгарском языке, встречается и в волжскобулгарском диалекте 1-го типа. В этом диалекте, согласно данным контактной лингвистики, еще в позднем древнетюркском периоде произошла редукция гласных верхнего подъема. Этот процесс коснулся гласных первого слога, поскольку, вероятно, основывался на фонетическом различии между ударной и безударной позициями [3, с. 197 — 199]. Примеры наглядно показывают, что в самом начале чувашско-марийских языковых контактов гласные верхнего подъема в первых слогах были редуцированы настолько, что получили качество звука шва, демонстрирующего только один дифференциальный признак (оппозицию переднего и заднего рядов). Это подтверждается и более поздней волжскобулгарской моделью изменения западнодревнетюркского **bürti*¹⁷ (ВБ-1 **pürči* < **birti* < з.-др.-тюрк. **bürti*), но не в чувашском языковом ареале, а в марийских диалектах: Р В М УJ С Ć *pârče*, МК *prčä*, UP *pârčä*, *prčär*, UJ *prče*, USj *pirčä*, JТ *pärtse*, JO V K *pärsä* ‘стебель (волосок, нитка, соломинка, травка); зерно (пшеница, бусинка); капля (дождь, снег)’¹⁸. Так как волжскобулгарское слово встречается на всей территории распространения марийского языка¹⁹, есть основание считать это заимствование результатом контактов позднепрамарийского языка и волжскобулгарского 1-го типа или же следом ассимилированного марийским языком субстратного языка волжскобулгарского меньшинства.

На карте, представленной ниже²⁰, показана территория распространения чувашского и марийского языков с их диалектами.

¹⁵ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 10. С. 237.

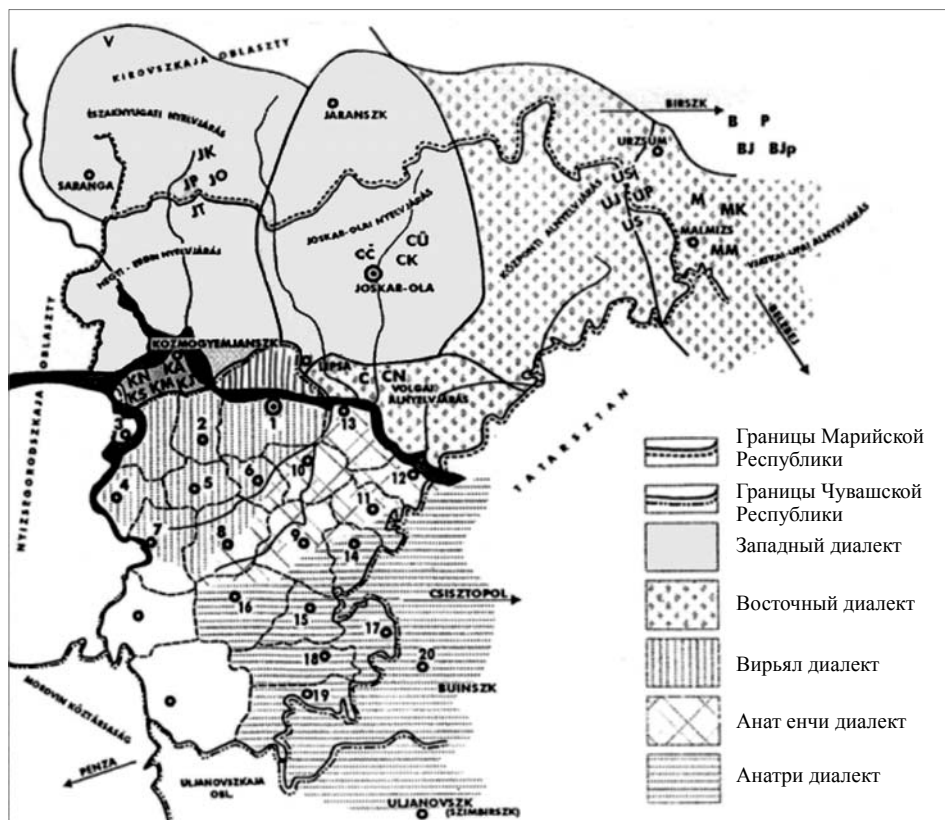
¹⁶ Там же. С. 238.

¹⁷ Судя по материалам из словаря Э. Беке, шва первого слога на сегодня в большинстве своем стало ближе к нулевому произношению. При фиксации подобных звуковых форм Беке использовал знак слогаобразующего *b* на месте гласного первого слога.

¹⁸ Beke Ö. Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Т. 6 / Herausgegeben von J. Pusztay. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Savariae: Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola, 2000. S. 1838.

¹⁹ С данными Э. Беке совпадают и результаты, собранные финскими исследователями: Moisio A. Tscheremissisches Wörterbuch / A. Moisio, S. Saarinen. Helsinki: Suomal-ugrilainen seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. (Lexika Societatis Fenno-Ugricae XXXII). S. 582.

²⁰ Карта предоставлена в 2000 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук, за что выражаю его сотрудникам благодарность.

Карта. Территория распространения чувашского и марийского языков с их диалектами

При наложении вариантов слова со значением ‘семя, зерно’ на карту можно обнаружить, что варианты, развившиеся из волжскобулгарского диалектного **bürti*, восходящего к з.-др.-тюрк. **bürtik*, широко распространены в диалектах как чувашского, так и марийского языка, тогда как формы, образованные с помощью *-n* и *-š*, ограничиваются чувашезычным ареалом. Таким образом, волжскобулгарский язык, являвшийся предшественником чувашского языка, сохранял в своем лексиконе группу из трех элементов западнодревнетюркского языка. Из этих элементов только **bürti* и его фонетические варианты могли быть наделены функцией классификатора, поскольку два других элемента не были формами именительного падежа, что можно было ожидать, судя по заимствованиям в венгерском языке. Это слово и его варианты участвовали в формировании модели индивидуального классификатора, которая послужила образцом для других не доминантных языков Поволжья при копировании конструкций с классификаторами [5, с. 60 — 64]. Диалекты марийского языка заимствовали из диалекта волжскобулгарского языка нечувашского типа не только модель NumCIN, но вместе с ней и волжскобулгарскую лексему, выполнявшую в ней роль классификатора.

Заключение

Функция классификатора слова со значением ‘семя, зерно’, вероятнее всего, была развита уже до X в. в ранних вариантах западнодревнетюркского / огузского языка. Только такая ранняя хронология объясняет то, что свойства классифицирующих формул в чувашском и финно-угорских языках полностью совпадают. Последние изначально не имели слов-классификаторов, но сформировали свои собствен-

ные индивидуальные модели с классификатором, копируя (заимствуя) структуры Num—Cl—N из языка западнодревнетюркского или волжскобулгарского типа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А — низовой диалект
В — верховой диалект
ВБ — волжскобулгарский язык
ВБ-1 — волжскобулгарский язык 1-го типа
ВБ-3 — волжскобулгарский язык 3-го типа
з.-др.-тюрк — западнодревнетюркский
ср.-чув. — среднечувашский
Cl — классификатор
N — имя существительное
Num — имя числительное
P, B, M, UJ, C, Č, MK, UP, UJ, USj, JT, JO, V, K — обозначение говоров и подговоров марийского языка по Г. Березки и Э. Беке²¹

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. Москва: Наука, 1976. 206 с.
2. Сергеев В. И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 398 с. (Строй чувашского языка).
3. Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. *Turcologica* 117. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 333 p.
4. Agyagási K. Nyugati ótörök és magyar kapcsolatok: tanulmányok az ogur hangtörténet számára // *Nyelvelmélet és kontaktológia 2* / K. Agyagási, A. Hegedűs, É. Kiss Katalin (szerk.). Piliscsaba: PPKE BTK, 2013. P. 155 — 172.
5. Agyagási K. Ótörök hatás a Magyar osztályozószók kialakulásában / K. Agyagási, É. Dékány // *Nyelvelmélet és Kontaktológia 4* / K. É. Kiss, A. Hegedűs, L. Pintér (szerk.). Piliscsaba: PPKE BTK, 2019. P. 41 — 75.
6. Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004. 575 p.
7. Erdal M. *Old Turkic Word Formation*. *Turcologica* 7. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. 874 p.
8. Róna-Tas A. *Western Old Turkic // The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics* / Ed. by L. Johanson in cooperation with É.Á. Csató, V. Lock, A. Menz and D. Winterling. *Turcologica* 32. Winterling. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. P. 619 — 626.
9. Róna-Tas A., Berta, Á. *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part 1 — 2*. *Turcologica* 84. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. 1494 p.

REFERENCES

1. Levitskaya L. S. *Historical Morphology of the Chuvash Language*. Moscow;1976:206. (In Russ.)
2. Sergeev V. I. "Morphology of the Chuvash Language: word inflection, form inflection and Form formation. *Cheboksary*;2017:400. (The structure of the Chuvash Language). (In Russ.)
3. Agyagási K. *Chuvash Historical Phonetics. An areal-linguistic study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism*. *Turcologica* 117. Wiesbaden;2019:333. (In Engl.)
4. Agyagási K. *Western Old Turkic and Hungarian relations: Conclusions for Ogur Historical Phonetics. Linguistic theory and contactology 2*. Ed. K. Agyagási, A. Hegedűs, É. Kiss Katalin. Piliscsaba;2013:155 — 172. (In Hungar.)
5. Agyagási K. *Old Turkic influence on the formation of Hungarian Classifier. Linguistic theory and contactology 4*. Ed. K. Agyagási, A. Hegedűs, É. Kiss Katalin. Piliscsaba;2019:41 — 75. (In Hungar.)
6. Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston;2004:575. (In Engl.)
7. Erdal M. *Old Turkic Word Formation*. *Turcologica* 7. Wiesbaden;1991:874. (In Engl.)
8. Róna-Tas A. *Western Old Turkic. The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics* / Ed. by L. Johanson in cooperation with É.Á. Csató, V. Lock, A. Menz and D. Winterling. *Turcologica* 32. Wiesbaden;1998:619 — 626. (In Engl.)
9. Róna-Tas A., Berta, Á. *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part 1 — 2*. *Turcologica* 84. Wiesbaden;2011:1494. (In Engl.)

²¹ Beke Ö. *Mari nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch)*. T. 1 — 9 / Neu redigiert von Gábor Bereczki. Savariae, 1997 — 2001. 3332 p.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025;
принята к публикации 12.11.2025

Информация об авторе:

Клара Адягаш, профессор эмерит Института славистики
Дебреценского университета
(4032, Венгрия, Дебрецен, пл. Эдетем, 1),
доктор Венгерской академии наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6449-5618>, agyagasi.klara@arts.unideb.hu

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 03.11.2025;
approved after reviewing 12.11.2025

Information about the author:

Klara Agyagasi, professor at the Institute of Slavic studies
University of Debrecen (1, Edetem square, Debrecen, Hungary, 4032),
doctor of the Hungarian Academy of Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6449-5618>, agyagasi.klara@arts.unideb.hu

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 03.11.2025 ڤитнӛ;
12.11.2025 пичете йышӓннӓ

Автор ڤинчен:

Клара Адягаш, Дебрецен университетчӛн Славистика институтчӛн
эмерит профессорӛ (4032, Венгри, Дебрецен хули, Эдетем тӱремӛ, 1),
Венгри ӓслӓлӓх академийӛн докторӛ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6449-5618>, agyagasi.klara@arts.unideb.hu

Пайталӓх конфликчӛ: автор пайталӓх конфликчӛ ڤуккине пӛлтерет.

Автор ал ڤырӓвӓн юлашки вариантне вуласа тухнӓ, ырланӓ.

Оригинал статьи опубликован в серии «Általános Nyelvészeti Tanulmányok» (Вып. 32. Будапешт, 2020) на с. 349 — 356.

Перевод с венгерского языка Ю. Дмитриевой

УДК 82-1+821.161.1“197/201”
ББК 83.3 (2=632.3)

Научная статья

ОБРАЗ РУССКО-ТАТАРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ КАЮМА НАСЫРИ В ДРАМАТУРГИИ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА

И. А. Еникеев

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
г. Казань, Россия
eniki07@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы особенности изображения и осмысления личности просветителя К. Насыри в драматургии русскоязычного татарского писателя Р. Бухараева. Актуальность темы обусловлена тем, что в начале XXI в. произошло переосмысление масштабов деятельности просветителя К. Насыри в формате научного дискурса, но в сфере художественной литературы произведений, посвященных личности К. Насыри, было очень мало. Пьесы, рассказы и поэма Р. Бухараева заполнили эту лагуну. Научная новизна исследования состоит в раскрытии историко-документальной основы творческого процесса писателя Р. Бухараева. Целью статьи является анализ художественных приемов, с помощью которых автор соединяет архивные документы, обширные интертекстуальные заимствования с законами драматургии. Показаны особенности столкновения персонажей на примере цикла произведений «Старинные истории» и пьесы «Улица Каюма Насыри». Дано обоснование новаторского подхода Р. Бухараева в литературной презентации образа К. Насыри современным читателям. Показан процесс формирования творческой личности современного писателя, обусловленный поисками в плоскости этнокультурной идентичности, что отразилось на формировании речевых субъектов его произведений. Методологической основой научного анализа текстов Р. Бухараева стали теории М. Бахтина и Ю. Тынянова. В них был выбран аспект о том, как диалог разных социальных групп (социолектов) становится движителем сюжета и формирует фабулу произведения.

Ключевые слова: драматургия, история, политика, контекст, речевая характеристика, татарское общество, миссионерство, К. Насыри, Р. Бухараев

Для цитирования: Еникеев И. А. Образ русско-татарского просветителя Каюма Насыри в драматургии Равиля Бухараева // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 100 — 107

© Еникеев И. А., 2025

Scientific article

THE IMAGE OF THE RUSSIAN-TATAR ENLIGHTENER KAYUM NASYRI IN THE DRAMA OF RAVIL BUKHARAEV

I. A. Enikeev

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia
eniki07@mail.ru

Abstract. This article examines the portrayal and interpretation of the enlightener K. Nasyri in the drama of the russian-language tatar writer R. Bukharaev. The problem is that at the beginning of 21th century, the scope of K. Nasyri's work was reconsidered in scholarly discourse, but in fiction, works dedicated to him were very few. R. Bukharaev's plays, stories and poem filled the gap. The scientific novelty of this study is to reveal historical and documentary basis of R. Bukharaev's creative process. The aim of this article is to analyze the artistic techniques

used in combining archival documents, extensive intertextual borrowings with the laws of drama. The clashes of characters on the example of works “Old Stories” and the play “Kayum Nasyri Street” have been demonstrated. R. Bukharaev’s innovative approach to the literary presentation of K. Nasyri to modern readers has been given. The process of creative personality development in the search for ethnocultural identity reflected in the development of the speech subjects of his works. The theories of M. Bakhtin and Y. Tynyanov serve as the methodological basis for the scientific analysis of R. Bukharaev’s texts. These theories emphasize how dialogue between different social groups (sociolects) drives the plot and shapes the storyline of a work.

Keywords: drama, history, politics, context, speech characteristics, the Tatar society, missionary work, K. Nasyri, R. Bukharaev

For citation: Enikeev I. A. The image of the russian-Tatar enlightener Kayum Nasyri in the drama of Ravil Bukharaev // Modern humanities. 2025;1(4):100 — 107

Аслалӑх статийи

ВЫРӐС-ТУТАР ҶУТТА КӐЛАРУҶИН КАЮМ НАСЫРИН РАВИЛЬ БУХАРАЕВ ДРАМАТУРГИЙӐНЧИ СӐНАРӐ

И. А. Еникеев

ТР ӐА Чӕлке, литература тата ӑнер институтӕ,
Хусан хули, РаҶсей
eniki07@mail.ru

Аннотаци. Статъяра вырӑсла ҫыракан тутар писателӗн Р. Бухараевӑн драматургийӗнче К. Насыри ҫутта кӑларуҫӑ сӑнарне ҫутатнин тата ӑнланма тӕллевенин уйрӑмлӑхӕсене тишкернӗ. Тема ҫивӕчлӕхӗн сӑлтавӕ уҫамлӑ: XXI ӕмӕр пуҫламӑшӗнче К. Насыри ҫутта кӑларуҫӑ ӕҫ-хӕлӗн талкӑашне аслӑлӑх дискурсӗнче малтанхинчен урӑхларах хакланӑ, анчах илемлӗ литература аңлашӗнче ӑна халалланӑ хайлавсем питӗ сахал. Ҷак пушӑлӑх вырӑнӗнче халӗ Р. Бухараев пьесисем, калавӕсемпе поэми. Тӕпчевӗн аслӑлӑхри ҫенӕлӕхӕ — Р. Бухараев ҫыравҫӑн пултарулӑх процесӗн истори-документ никӕсене уҫа пани. Статъя тӕллевӗ — илем мелӕсене тишкересси, вӕсем пулӑшнине автор архив докуменчӕсене, интертекстӑн аңлӑ йышӑнӑвӕсене драматурги саккунӕсемпе ҫыхӑнтарнӑ. «Авалхи историсем» хайлавсен ярӑмӗн тата «Каюм Насыри урамӗ» пьеса тӕслӕхӕпе персонажсен хирӕҫ тӑрӑвӗн хӑйне еврӑлӕхӕсене кӑтартса панӑ. Литературӑри ҫенӗ меслетсемпе уҫӑ курса Р. Бухараев паянхи вулавҫӑсене К. Насыри сӑнарне еплерех калӑпланипе паллаштарнӑ. Паянхи ҫыравҫӑн пултарулӑх сӑн-сӑпачӗ йӕркеленнин процесне кӕретленӗ, Ҷакӑ этнокультура пӕрешкеллӕхӗн талкӑашӗнчи шыравсемпе сӑлтавланнӑ, уйрӑммӑн илсен ку унӑн произведенийӕсен пуплев сӑпачӕсен йӕркеленӕвӗнче палӑрать. Р. Бухараев тексчӕсене аслӑлӑх тӕлӕшӗнчен тишкернин меслетлӕх никӕсӗнче М. Бахтинпа Ю. Тынянов теорийӕсем. Вӕсенчен социаллӑ тӕрлӗ ушкӑн (социолектсен) диалогӗ сюжет хускатуҫи пулнин тата вӑл хайлав фабулине йӕркеленин аспектне суйласа илнӗ.

Тӕп сӑмахсем: драматурги, истори, политика, контекст, пуплев характеристики, тутар обществи, миссионерлӑх, К. Насыри, Р. Бухараев

Цитатӑлама: Еникеев И. А. Вырӑс-тутар ҫутта кӑларуҫин Каюм Насырин Равиль Бухараев драматургийӗнчи сӑнарӗ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 100 — 107

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в 2025 г. научная и культурная общественность широко отметила юбилей знаменитого просветителя и ученого Каюма Насыри. Данное событие дало повод по-новому осмыслить масштаб и значимость деятельности этой выдающейся личности. Была издана персональная энциклопедия К. Насыри, очень содержательная и основанная на архивных источниках монография И. Загидуллина, проведены научные конфе-

ренции в рамках Академии наук Республики Татарстан. Дискуссии в формате этих научных проектов позволили изменить и скорректировать угол зрения на деятельность К. Насыри и в то же время показали, что образ просветителя явно недостаточно представлен в сфере татарской и русской художественной литературы.

Поэтому творчество русскоязычного татарского писателя Р. Бухараева своевременно заполнило эту лакуну в литературном процессе. Оно заслуживает пристального изучения еще и потому, что писатель использовал в процессе написания подлинные архивные источники, которые будут введены в широкий научный оборот лишь спустя 30 лет.

Научная новизна исследования состоит в раскрытии историко-документальной основы творческого процесса писателя Р. Бухараева. Целью статьи был анализ художественных приемов, с помощью которых автор соединяет исторические документы, обширные интертекстуальные заимствования с законами драматургии и особенностями поведения и столкновения персонажей.

Материалы и методы

Методологической основой научного анализа текстов Р. Бухараева (пьеса, поэма, рассказ-эссе) стали теория диалогового воображения М. Бахтина и теория двуголосой стилизации Ю. Тынянова. В их теориях был выбран аспект о том, как диалог разных социальных групп (социолектов) становится двигателем сюжета и формирует фабулу произведения. Наряду с формальным и структурным методами также были применены и другие методы научного исследования: сопоставительный, функциональный и метод интертекстуального анализа. Сопоставительный метод помог выявить диалог русской и татарской культур в плане его сопоставительной интерпретации и типологических характеристик. Функциональный метод направил поиск в область системы взаимодействия художественной формы произведений и их семантического контекста. Метод интертекстуального анализа предусматривал изучение внутренних и внешних связей художественного текста на всех уровнях его структурно-семантической организации: выявление реминисценций и аллюзий создало основу для сопоставления историко-архивных первоисточников и текста художественных произведений.

Результаты исследования и их обсуждение

Каюм Насыри был известным татарским просветителем XIX в. Свою историческую миссию он видел в том, чтобы через преподавание русского языка приобщить татар к передовым достижениям мировой цивилизации. На этом пути он сталкивался с непониманием татар и недоверием со стороны русских. Исследователь И. Загидуллин, ссылаясь на научные работы Г. Губайдуллина и Г. Рахима, упоминает, что они позиционировали татарских мулл XIX в. в роли национальной интеллигенции, сформировавших локальное литературное движение, восточное по духу, но под влиянием европейской культуры породившее новые формы. Эти интеллектуалы получили мусульманское образование в кадимистских медресе, а позднее оказались интегрированными в русскую культуру. Среди них вышеуказанные ученые особо «выделили как знаковую колоритную фигуру Каюма Насыри, ставшего благодаря своей многогранной и результативной деятельности классическим олицетворением личности, стоящей одной ногой на Востоке, другой — на Западе. К. Насыри стал представителем малочисленной группы преподавателей татарского языка, *вовлеченных в реализуемую государственную внутреннюю политику*» [3, с. 7 — 8]. Он претерпел много невзгод и лишений,

но, несмотря на это, сумел сделать очень много: объем его письменного наследия составляет более 5 тыс. печатных страниц.

Труды К. Насыри высоко оценили ученые Императорского Казанского университета, а его ежегодные календари на протяжении двух десятилетий стали для татар настоящей энциклопедией окружающего мира по многим жизненно важным вопросам. В советской идеологии еще с 1920-х гг. К. Насыри представляли как положительного персонажа из истории татар нового времени. Такая личность наделялась следующими качествами: «Прежде всего иметь солидный вклад в историю и культуру татарского народа, во-вторых, соответственно новым советским требованиям, — быть дистанцированным от мусульманской религии и открытым к русской культуре. При ближайшем рассмотрении Насыри действительно оказался очень достойным кандидатом для этого пьедестала» [3, с. 15]. Советские исследователи «пропускали» целый «ряд важных моментов в биографии Насыри, которые резко контрастировали со сложившейся моделью презентации просветителей, посветивших свою жизнь за народное счастье» [3, с. 21].

Масштаб личности К. Насыри был по-настоящему в полном объеме раскрыт и осознан во втором десятилетии XXI в., когда была издана его персональная энциклопедия, появились монографии и документальный фильм, а также множество статей в рамках подготовки к 200-летию юбилею великого русско-татарского просветителя. К сожалению, в современной художественной литературе, и в татарской в том числе, образ К. Насыри освещен явно недостаточно. Здесь можно назвать только поэму Э. Шарифуллиной «Колодец Каюма» (2018) на татарском языке и произведения русскоязычного татарского писателя Равиля Бухараева. Внимание последнего к личности К. Насыри было очень последовательным, системным и вдумчивым. Р. Бухараев представил его в своей пьесе-сказке «Железная горошина» (2005) в традициях фольклора как Насыр-бабая (дедушка Насыр), в поэме «Вокруг Тукая» (1983) и в цикле «Старинные истории» (1989), куда вошли пьеса «Улица Каюма Насыри» и рассказ-эссе «Раскрытие неопределенностей».

В чем же значение этих произведений не только для русскоязычной, но и для татарской литературы? Прежде всего следует отметить, что Р. Бухараев первым представил читателям масштаб личности К. Насыри в его истинном объеме и значении. Да, он опирался на работы ученых-современников, но дополнил их также уникальными документальными материалами, которые читателям того времени были малодоступны и зачастую неизвестны. В ремарках к пьесе «Улица Каюма Насыри» он пишет, что все диалоги и монологи действующих лиц основаны на подлинных документальных материалах той эпохи. И здесь есть смысл перейти к характеристике методов работы писателя над образом К. Насыри. Цикл «Старинные истории» следует рассматривать как единое произведение, потому что рассказ «Раскрытие неопределенностей» фактически является развернутым комментарием и пояснением к следующему за ним тексту пьесы. Прежде всего у Р. Бухараева был доступ к архивным материалам, которые станут известны широкой публике спустя 30 лет. Во-вторых, он поставил под сомнение сложившуюся легенду, согласно которой нищий и полуслепой учитель татарских детей стал жертвой царского режима и закончил жизнь в полном одиночестве. Только в XXI в. татарская общественность узнала, что К. Насыри был довольно состоятельным человеком для своего времени, имел признание среди русской научной общественности и своих односельчан, для которых построил мечеть и двух-

этажную школу на свои собственные средства. В-третьих, представляет интерес историко-политический контекст, в котором Р. Бухараев рассматривает личность героя своей пьесы — Каюма Насыри. Драматическая интрига пьесы совсем не в том, как одинокий герой борется с невежеством окружающих. Интрига в том, что герой оказался в сфере интересов высших политических кругов империи, и прежде всего жандармского управления, а также устремлений различных слоев татарского общества. Текст настолько плотно насыщен историко-политическими сведениями и фактами, что требует очень серьезных размышлений от читателей и зрителей.

Другой момент, типичный для Р. Бухараева, это тема двойничества. Рассказывая об исторических персонажах, Р. Бухараев видит в них себя, ставит себя на их место и исповедуется перед читателем в своих мыслях и переживаниях. Он есть и Каюм Насыри, которого не понимает родная татарская среда, он и глухонемой татарин Ахметша, отлученный от родного языка и татарской речи, он и русский капитан жандармерии Катарыгин, критически оценивающий российскую действительность. Ему близки идеи татарского философа Марджани и идеи русских миссионеров Ильминского и Радлова, и даже в аргументах татарских торговцев и религиозных фанатиков, травивших К. Насыри, он находит элементы здравого смысла. То, что М. Бахтин понимал как диалог социолектов, языков разных социальных групп, представлено в драматургии Р. Бухараева в полном объеме. Если татары называют К. Насыри кривым и слепым Каюмом, то в версии русских жандармов его обзывают «слепешарой». Это жаргонное прозвище несколько раз повторяется в рассказе «Раскрытие неопределенностей» и один раз звучит в устах татарского Торговца. Разнообразие непохожих дискурсов, выстраивание полемики разных нарративов как способ собственного авторского самопознания и самовыражения — это еще одна отличительная черта творчества Рауиля Бухараева.

Национальный дискурс представлен в творчестве русскоязычного писателя Рауиля Бухараева определенным набором мотивов и образов, структурирующих его поэзию и драматургию в оригинальную идейно-художественную систему, опирающуюся на разнообразные пласты историко-литературных, культурных, религиозно-философских и языковых контекстов. Главными темами для Р. Бухараева стали проблемы родного языка и национальной среды (*туган тел, милли мохит*). Писатель разработал свою оригинальную художественную методику погружения в историко-литературное прошлое и создал систему образов, соединяющих давние времена с насущными проблемами современности. Указанный комплекс приемов он отработал на теме родного языка и личности Г. Тукая — национального татарского гения. Диалог Р. Бухараева и Г. Тукая продолжался на протяжении всей сознательной жизни казанского писателя. Как ни парадоксально, он был взаимным. Тукай помог Бухараеву понять многое о самом себе и окружающем мире, также, как и Бухараев, раскрыл для читателей самые драматичные моменты жизни татарского гения. Благодаря Тукаю Бухараев вышел на осознание острых проблем родного языка, культуры и национальной среды. Для Р. Бухараева это была очень личная тема, и понятие «дискурс Тукая» наиболее точно отражает внутренние противоречия художественного сознания татарина Рауиля Бухараева, писавшего на русском языке. Отличительными признаками методики Р. Бухараева стали элементы техники вербатим, то есть дословное воспроизведение в речах художественных персонажей реальных высказываний одноименных исторических лиц.

В своей исторической пьесе «Улица Каюма Насыри» (1989) драматург очень умело использовал мотив гоголевского ревизора, сделав его частью механизма развития сюжетной интриги. Р. Бухараева отличает энциклопедический подход к описываемым событиям, он глубоко и обстоятельно изучает историческую фактуру эпохи и органически включает ее в ткань произведения. Другой составляющей становится экстраполяция, перемещение своего современного сознания в те далекие эпохи для поиска истины и причин произошедших событий и обратное «присвоение» черт личности Тукая, Марджани, Насыри, ощущение себя той личностью прошлого, живущей в настоящей реальности XX в. Здесь мы видим и связь с национальной традицией, и попытку визуально объяснить современникам свой внутренний мир, свои взгляды, идеи и мироощущение. Следующей составляющей художественного мира Р. Бухараева становится драматизм повествования, умение найти зерно интриги, развивающей сюжет и удерживающей внимание читателей. И в этом проявился талант Бухараева как драматурга, хотя критики и исследователи позиционировали его больше как поэта и религиозно-философского автора.

Указанный драматизм пронизывает его стихи, посвященные проблемам *туган тел* и *мили мохит*, представленные в стихотворениях «Демон», «Тафтиляу», «Воспоминания о Казани», «Бесконечный поезд», «Кырай-Кырлык», «С неизреченного», «Родня», «Между-речь». Развивая тукаевскую метафору родного языка, Бухараев находит очень емкие и символические образы. Например, в стихотворении «Родня» он сравнивает себя с немым татаринном Ахметшой: «Еще жива моя душа, но ей все хуже. / Тугой на ухо Ахметша был нем к тому же. / Я нем — не словом языка, всей правдой речи» [1, с. 267]. Действительно, вся будущая рефлексия Бухараева о родном языке, его оторванность от живой татарской среды, от живой татарской речи отразились в этом произведении. Ощущая трагизм своего положения, Бухараев очень емко написал о себе в стихотворении «Между-речь»: «Благословенна будь, судьба моя, / Дурная, окаянно-человечья, / За родину, за чуждые края, / За немощь слов, за правду между-речья!» [1, с. 265]. Именно в поэзии у Бухараева впервые появился образ глухонемого татарина Ахметши, который стал действующим лицом пьесы «Улица Каюма Насыри» (1989). Если в стихотворении читатель только по намекам понимает, что Ахметша это и есть сам Р. Бухараев, оторванный от национальной культуры и родного языка, то в пьесе современный молодой ученый-астроном татарин Ахмет перемещается в татарское прошлое, во времена Ильминского, Марджани, Радлова, Насыри, где превращается в безмолвного слугу татарского Торговца.

Писатель проявляет себя как знаток всех тонкостей споров между Марджани, Насыри и Муслими, о которых многие наши современники ничего не знают, как знаток дискуссий между православным миссионером Ильминским и тюркологом Радловым. Р. Бухараев отлично разбирается в хитросплетениях взаимоотношений Татарской учительской школы, Братства святителя Гурия, духовной семинарии и Крещено-татарской школы. Но все это грамотно представленный исторический фон, а в основе драматического сюжета лежит конфликт между беззаветным просветителем Каюмом Насыри и национальной татарской средой, не признающей значимости его работы. Эта тема была очень личной для Р. Бухараева, она проявляется в его стихах и статьях, он воплотил ее в образе Тукая, а образ бескорыстного просветителя К. Насыри оказался очень близок к его мировоззрению.

Указанный драматический конфликт развивается под воздействием тайной интриги, о которой зрители даже не подозревают. И связана эта интрига с жан-

дармским управлением, которое всех контролирует и манипулирует основными персонажами пьесы. Для развития этой интриги Р. Бухараев использует гоголевский образ ревизора-инкогнито. На протяжении пьесы персонажи так или иначе сталкиваются с вечно пьяным артистом драматического театра Катарыгиным, который произносит, кстати, весьма умные, острые и даже провокационные, крамольные монологи. Он ходит ко всем в гости и даже проникает в дом самого К. Насыри вместе с учеником семинарии Масловским. Поэтому зритель в самой середине пьесы испытывает некий культурный шок, близкий к катарсису, когда вдруг видит этого деклассированного субъекта помытым, постриженным и в мундире капитана жандармерии из Санкт-Петербурга в доме самого губернатора. Там капитан по-хозяйски отчитывает Высокое лицо за упущения в работе и отдает приказы по поводу судеб некоторых персонажей и самого К. Насыри: «Нельзя же позволять каждому мнить о себе невесть что! Меня мало беспокоит его так называемая просветительская деятельность. Жизнь любого “просветителя” иноверцев — бытовая трагедия. Его доймают доносами свои же святоши и ханжи. А донос в нашем учреждении — дело почтенное, ибо означает гражданское бодрствование верноподданных. Эти Насыровы так увлечены своими наукообразными изысканиями, что и не думают о недреманном оке государства. Пусть так. Но суть от этого не меняется. Для меня театр кончился, для него — пусть продолжается. До поры» [2, с. 187]. С тем он откланивается и уезжает, оставляя губернатора в полном страхе: «Счастлив был знакомству, капитан! Что за бестия, право? Надо же столько разноухать? Что же он в таком случае тайно приберег для столицы?» [2, с. 188]

Этот эпизод является тем фокусом пьесы, который заставляет читателей переосмыслить все предшествующее действие и задуматься по поводу мотивов травли К. Насыри его же соотечественниками. Бедствия К. Насыри с отъездом Катарыгина не только не завершаются, но и усиливаются. Он достигает положения подлинно трагического национального героя. Причем отголоски этой трагедии звучат и в наши дни. Пьеса начинается с того, что жениха Зухры ученого-астронома ее отец, простой таксист, прогоняет из своего дома на улице Каюма Насыри за незнание татарского языка и культуры. Затем на протяжении всей пьесы он с дочерью ищет сгинувшего в прошлом Ахмета, чтобы помириться. Они встречаются возле каменной стелы с письменами в самом финале с уже духовно прозревшим Ахметом, прошедшим путь раба Ахметши, и тот произносит очень символическую и насыщенную смыслом фразу: «Я-то еще сумею прочитать. Я корни свои не забыл. А дети мои сумеют? Захотят? — Ну, об этом еще говорить рано! — Рано? Вы думаете, что еще рано?! (Занавес)» [2, с. 228].

В творчестве Р. Бухараева проявилось важное свойство дискурса — разоблачение говорящего через взаимодействие разных историко-временных контекстов. Писатель не только сумел выразить проблемы отчуждения татар от национальной культуры, языка, но и увидеть причины этого в разрушении национальной среды (*мили мохит*). Если человек живет по образу и подобию другого народа, то по-родному думать и говорить он не сможет. С другой стороны, дискурсивный метод Р. Бухараева представил судьбу Габдуллы Тукая и Каюма Насыри с неожиданной стороны. Он сумел показать психологическую глубину этих личностей, снял покровы с образа-памятника и раскрыл их как живых людей, близких по духу и чувствам современникам нового тысячелетия.

Заклучение

Произведения Рауиля Бухараева имеют важное значение для сферы межкультурного диалога разных народов и для собственно татарской литературы. Прежде всего они задали интеллектуальный уровень осмысления и освещения личности К. Насыри в контексте как прошлой исторической эпохи, так и современности. Они пошатнули стереотипы восприятия этой исторической личности, созданные в советскую эпоху. Художественные поиски Р. Бухараева дают благодатный материал современным татарским и русскоязычным писателям для создания крупных прозаических произведений о масштабной личности русско-татарского просветителя Каюма Насыри.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бухараев Р. Р. Избранные произведения: Книга стихов. Казань: Магариф-Вақыт, 2011. 415 с.
2. Бухараев Р. Р. Избранные произведения: Книга историй. Казань: Магариф-Вақыт, 2011. 415 с.
3. Загидуллин И. К. Великий татарский просветитель Каюм Насыри: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2024. 319 с.

REFERENCES

1. Bukharaev R. R. The selected works: a book of poems. Kazan;2011:415. (In Russ.)
2. Bukharaev R. R. The selected works: a book of stories. Kazan;2011:415. (In Russ.)
3. Zagidullin I. K. The great tatar enlightener Kayum Nasyri: a monograph. Kazan;2024:319. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.03.2025;
одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 18.10.2025

Информация об авторе:

Еникеев Ильдар Ахнафович, научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства АН РТ
(420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, 20),
кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4659-273X>, eniki07@mail.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 23.03.2025;
approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 18.10.25

Information about the author:

Ildar A. Enikeev, researcher The Institute of Language,
Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
(20, Bauman St., Kazan, Russia, 420111),
candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4659-273X>, eniki07@mail.ru

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 23.03.2025 җитнә;
рецензиленә хыҗҗән 15.10.2025 ырланә; 18.10.2025 пичете йышәннә

Автор җинчен:

Еникеев Ильдар Ахнафович, ТР ҖА Чөлхе, литература
тата ўнер институтчән әсләләх ёҗтешә
(420111, Раҗсей, Хусан хули, Бауман ур., 20),
филологи әсләләхәсен кандидаҗә,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4659-273X>, eniki07@mail.ru

*Пайталәх конфликтчә: автор пайталәх конфликтчә җуккине пәлтерет.
Автор ал җыраҗән юлашки вариантне вуласа тухнә, ырланә.*

УДК 821.512.142.09
ББК 83.3(2=632.93)

Научная статья

**СТАНОВЛЕНИЕ ДРАМАТУРГИИ
В ЛИТЕРАТУРАХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
(КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ, КУМЫКОВ И ЧУВАШЕЙ):
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

А. М. Саракуева
ГКУ «КБР-Медиа»,
г. Нальчик, Россия
sara.a70@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать процесс становления драматургии у тюркоязычных народов Северного Кавказа — карачаево-балкарцев, кумыков и чувашей Урало-Поволжья, выявить при этом общие тенденции и различия. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что формирование литературы для театра у трех народов проходило аналогично, то есть с опорой на фольклорные традиции, императивы национального просветительского движения; актуальные в начале XX в. социальные проблемы, «женский вопрос», борьба за свободу выбора поэтов К. Мечиева, А. Акаева, К. Иванова. Определенные различия обнаружены в восприятии переводной драматургии, в частности пьес А. Островского. Реформатор русской сцены, сыгравший большую роль в истории чувашского театра, для тюркоязычных мусульман Северного Кавказа оказался не «своим» автором.

Ключевые слова: драматургия, просветительские идеи, поэты К. Мечиев, А. Акаев, К. Иванов, тюркоязычная литература, социальная борьба

Для цитирования: Саракуева А. М. Становление драматургии в литературах тюркских народов (карачаево-балкарцев, кумыков и чувашей): общее и особенное // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 108 — 120

© Саракуева А. М., 2025

Scientific article

**THE DEVELOPMENT OF DRAMA
IN THE LITERATURES OF THE TURKIC PEOPLES
(THE KARACHAY-BALKAR, KUMYK AND CHUVASH):
GENERAL AND SPECIFIC**

A. M. Sarakueva
State-owned institution “KBR-Media”,
Nalchik, Russia
sara.a70@mail.ru

Abstract. The article attempts to study the process of drama development among the Turkic-speaking peoples of the North Caucasus — the Karachay-Balkar, Kumyk and Chuvash of the Ural-Volga region while identifying general and specific. As a result of the study, it can be concluded that the formation of literature for the theater among the three peoples was similar particular in folklore traditions, the imperatives of the national educational movement; social problems relevant at the beginning of 20th century, the “women’s issue”, the struggle for freedom of choice of poets K. Mechiev, A. Akaev, K. Ivanov. Certain differences have been found in the perception of translated drama, in part, the plays of A. Ostrovsky. The reformer of the Russian stage, who played a major role in the history of the Chuvash theater, turned out to be different to the Turkic-speaking Muslims of the North Caucasus.

Keywords: drama, educational ideas, poets K. Mechiev, A. Akayev, K. Ivanov, Turkic-language literature, social struggle

For citation: Sarakueva A. M. The Development of Drama in the Literatures of the Turkic Peoples (the Karachay-Balkar, Kumyk and Chuvash): general and specific // Modern humanities. 2025;1(4):108 — 120

АслӀлӀх статии

ТӀРӀК ХАЛӀХӀСЕН (КАРАЧАЙ-БАЛКАРСЕН, КУМЫКСЕН ТАТА ЧӀВАШСЕН) ЛИТЕРАТУРИСЕНЧЕ ДРАМАТУРГИ ЙӀРКЕЛЕННИ: ПӀТӀМӀШЛИ ТАТА УЙРӀММИ

А. М. Саракуева
«КБР-Медиа» ПХУ,
Нальчик хули, РаӀсей
sara.a70@mail.ru

Аннотаци. Статгьяра ӀурӀӀер Кавказри тӀрӀк чӀлхиллӀ халӀхсен — карачай-балкарсен, кумыксен тата Урал-АтӀлӀси чӀвашӀсен драматургийӀ еплерех йӀркеленнинне тӀпчеме, Ӏавна май пӀтӀмӀшле туртӀмсемпе уйрӀмлӀхсене тупса палӀртма тӀллевлӀннӀ. ТӀпчев Ӏапла пӀтӀмлетме май парать: виӀӀ халӀхӀн театр валли литература никӀсленесси пӀрешкел пулса пынӀ, урӀхла каласан — тӀпре фольклор йӀли-йӀрки, наци ӀутлӀх юхӀмӀн императивӀсем пулнӀ, ӀавӀн пекех — XX ӀмӀршӀн пите ӀивӀч шуланнӀ ыйтусем, Ӏав шутра «хӀрарӀм ыйтӀвӀ», К. Мечиев, А. Акаев, К. Иванов поэтсен хӀйсен Ӏулне ирӀклӀн палӀртассишӀн кӀрешни. КуӀарнӀ драматургие, уйрӀммӀн илсен — А. Островский пьесисене йышӀанас тӀлӀшпе палӀрӀмлӀ уйрӀмлӀхсем тупса палӀртнӀ. ВырӀс сценин реформаторӀ, чӀваш театрӀн историйӀенче пыӀак вырӀн йышӀаннӀ Ӏста ӀурӀӀер Кавказри тӀрӀк чӀлхиллӀ мӀсӀльмансемшӀн «вӀсен» авторӀе пулса тӀрайман.

ТӀп ӀӀмахсем: драматурги, ӀутлӀх идейисем, К. Мечиев, А. Акаев, К. Иванов поэтсем, тӀрӀк чӀлхиллӀ литература, социаллӀ кӀрешӀ

ЦитатӀлама: Саракуева А. М. ТӀрӀк халӀхӀсен (карачай-балкарсен, кумыксен тата чӀвашсен) литературисенче драматурги йӀркеленни: пӀтӀмӀшли тата уйрӀмми // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 108 — 120

Введение

Драматургия тюркоязычных народов Северного Кавказа — карачаево-балкарцев, кумыков и чувашей Урало-Поволжья изучена достаточно хорошо. В основном в этих работах исследуется ее становление, развитие, жанровое разнообразие, эволюция художественного конфликта и т. д. Авторы художественных текстов в начальный период становления драматургии опирались на родной фольклор, просветительские воззрения русских демократов и передовых людей своего времени, с установлением советской власти на рост молодых драматургов имели большое влияние идеи большевиков. Борьба «старого» и «нового» стала основным конфликтом анализируемых произведений. Цель нашей статьи — обратившись к периоду возникновения драмы в трех национальных литературах как жанра, попытаться выявить как общие тенденции, темы, так и особенности.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили драматургические произведения карачаево-балкарских, кумыкских и чувашских авторов, созданных накануне октябрьского переворота и пьесы-агитки 1920-х гг.

При написании статьи применялись герменевтический, историко-типологический, сравнительно-исторический, сопоставительный методы. Ставя перед со-

бой цель выявления общих и особенных черт в трех тюркоязычных литературах, невозможно обойтись без сравнительно-исторического анализа. При толковании текстов, в попытке выявить авторскую идею или же исторический контекст, прибегли к герменевтическому методу. Пользуясь сопоставительным и историко-типологическим методами, определили единство, закономерности развития, доминирующие жанровые направления и систему образов в национальных литературах означенного периода.

Результаты исследования и их обсуждение

Октябрьский переворот 1917 г., масштабные преобразования, рождение новой страны — следовательно, новых идей — отразились в литературе 1920-х гг., по существующей ныне классификации — «советской». Становление национальной драматургии Северного Кавказа и Урало-Поволжья приходится на начало XX в. и формировалось под непосредственным влиянием идеологии и эстетики первого социалистического государства.

Последовавшие революции в России и Гражданская война, в которые были втянуты Северный Кавказ, Урал, Поволжье, другие края и области Российской империи, перевернули сознание людей и литературные принципы. Претерпев идеологическую и эстетическую трансформацию, прежние фольклорные традиции и творчество новой формации писателей были приобщены к новым социалистическим реалиям. Неприятие и критика старого уклада жизни, в том числе культуры и национальной литературы, их огосударствление, ликвидация старой интеллигенции, борьба с духовенством, из числа которых вышли многие просветители, народные поэты и певцы, стали нормой большевистской власти.

Как кумыкские литературоведы, так и исследователь балкарской литературы 1920 — 1930-х гг. считают, что национальная словесность в начале XX в. большей частью оставалась просветительской [2, с. 22; 9, с. 134 — 155]. По части политического устройства и религиозной политики дореволюционные писатели не могли безоговорочно принять навязанные советами воззрения. На этом участке возникал конфликт между «старым» и «новым», который составил основную тенденцию изучаемого периода. Особенно ревностно, с большим энтузиазмом продемонстрировали это молодые национальные писатели. С приходом в литературу они занялись пропагандой большевистских идей, которые совпадали в их стремлении к образованию, просвещению, борьбе за справедливое бесклассовое общество и т. д. Известно, что драма вместе с поэзией оперативно реагирует на общественно-политический климат. Так, в 1920-е гг. литература для театра была «на передовой».

Несмотря на некоторое хаотичное возникновение в послереволюционные годы массовой драматургии, она с завидной настойчивостью упрочила свое положение. Литература для театра оставалась для нескольких поколений национальных писателей привлекательным жанром, где сталкивались революционная героика и романтика, суровый реализм и социальные противоречия. По мнению чувашского исследователя, «драматургия 1920-х гг. в литературах Урало-Поволжья доказала как устойчивость художественно-эстетических критериев, выработанных в этот период и положенных в основу эстетики национальных театров и драмы, так и состоятельность сложных, противоречивых процессов становления драмы как рода литературы на “быто-психологической основе народа”» [6, с. 12].

Исходя из вышеизложенного, в статье предпринята попытка проследить процесс становления тюркоязычной национальной драматургии карачаево-бал-

карцев, кумыков и чувашей в 1920-е гг. Обратим внимание на общность тем и различия, существующие в родственных литературах того времени. Не имея возможности охватить всех знаковых авторов национальных литератур исследуемого периода и значительные произведения, мы пошли путем отбора по соответствующим темам и проблемам.

Возникновение нового вида драматургии — агитационной пьесы (агитпьесы) в России и на ее окраинах — порождение советской власти. Часто одноактные пьесы с пропагандистским значением, направленные на поддержку идей большевизма и отрицание старого режима, имели большую популярность в послереволюционные годы. Противопоставление «старого» и «нового», «тогда» и «сейчас», героев-антагонистов — бая и батрака, комсомольца и муллу, образованного и невежественного рождало социальные, классовые конфликты, поэтому произведения тех лет политизированы, идеологически заострены, публицистичны.

Кумыкская литература в 1920-х гг. развивалась «в жесточайшей борьбе» со «старым миром» за «новую жизнь». Она была многообразной, многослойной по принципам художественного отражения явлений действительности. Однако многообразие художественных форм и жанров зиждилось не только на основополагающих принципах формирующегося метода социалистического реализма, но и на других творческих принципах. Причем в кумыкской литературе отчетливо выделяются два стилевых течения: романтическое и реалистическое, которые с течением времени все больше и больше сближаются» [2, с. 225].

В чувашской литературе «агитационная драматургия в целом не стала значительным явлением...» [7, с. 47]. «...Агитпьеса не сложилась как жанр, хотя определенное развитие получила. Присутствие в системе драмы нескольких агитпьес, поэтики массовой драматургии, видимо, следует признать как закономерное явление в поволжских литературах данного периода, “перепрыгнуть” которую она была не в состоянии... Видимо, определенную роль при этом сыграли ранее приобретенные принципы и художественные средства изобразительности» [6, с. 58].

В данном контексте следует признать, что национальная словесность, которая имела свои художественные традиции еще до революции, за весьма короткое время полностью «перевоплотиться» в агитационную литературу не могла и не желала, хотя не избежала ее влияния. Стоит также отметить, что помимо фольклорной традиции, начиная со второй половины XIX в., в литературе Северного Кавказа активно развивается авторская литература. Будучи знакомым с восточными дастанами Низами, Навои, Физули о влюбленных Тахире и Зухре, Лейле и Меджнуне, о Бузжигите, балкарский поэт, хажи (совершивший паломничество. — А. С.) К. Мечиев перенес данные сюжеты на балкарскую почву и создал свои варианты дастанов «Тахир и Зухра» и «Бузжигит», определяемые нами как драматические поэмы. В обоих произведениях главной преградой к счастью молодых становится их принадлежность к разным социальным стратам. В третьей поэме «Раненый тур» поэт использовал местный материал о назревании недовольства между бедным классом и власть предержащими.

Кумыкский поэт, просветитель, издатель, религиозный и общественный деятель А. Акаев также обратился к известным восточным сюжетам, творчески переложил, адаптировал дастаны об Иосифе Прекрасном, Тахире и Зухре, Бузжигите. В результате А. Акаевым созданы художественно яркие, зачастую возвышенные образы, и поэтому вполне естественно, что дастан «Тахир и Зухра» получил широкое распространение в народе, а многие песни из дастана запоминались

и исполнялись устно. Во многом аналогичная картина наблюдается и в дастане «Кыссату Бозйигит»¹.

Необходимо отметить, что «женский» вопрос волновал передовых людей Карачая и Балкарии начиная с 60-х гг. XIX в. Представителями первой волны просветителей «был поднят вопрос о женском образовании и шире — о роли женщины в семье и обществе (И. Крымшамхалов, Б. Шаханов)» [3, с. 53]. «Женскую» проблему в своем творчестве поэты-гуманисты К. Мечиев и А. Акаев поднимали гораздо раньше, чем в советских агитпьесах. У К. Мечиева в лирике рубежа XIX — XX вв. найдем достаточное количество стихотворений о трудной женской доле [«Къыз тууду эсе...» («Если родилась девочка...»), «Сюйгенледен тыялла» («Не отдают за любимых»), «Тарыгъыу» («Жалоба»), «Жарлы Абидат» («Бедная Абидат»)] и т. д. А. Акаев также неоднократно обращался к актуальной проблеме своего времени [статья «Женщины», «Къызъяшланы тилинден бир шикаят» («Одно стихотворение со слов девушек»)] и т. д.].

Как пишет исследователь становления драматургии в тюркских литературах Урало-Поволжья, «процесс исламизации, обеспечивающий освоение традиций художественных культур народов Центральной, Передней и Средней Азии на новом уровне, с одной стороны, с другой — христианизация (осуществленная в основном насильственным путем), складывающийся тем самым постепенно своего рода синтез — язычески-православный синкретизм, питал дореволюционную словесность этого региона» [6, с. 21]. Таким образом, «татарская литература начала века развивалась в сложной, порой противоречивой как общественно-политической, так и идейно-эстетической ситуации. В ней скрещивались-сталкивались различные по эстетическим корням традиции: восточные, собственно национальные, русские и европейские. В то же время чувашская развивалась, впитывая собственно национальные традиции (фольклорная), традиции русской классической литературы XIX в., традицию христианского просвещения. Была сильна тяга к «европейской образованности» [6, с. 32].

Словно подтверждая мысль исследователя, обратимся к поэме чувашского поэта К. Иванова «Нарспи» (1908), в которой социальный конфликт (богатые родители — бедный жених) является сюжетной основой. Разлучив главную героиню Нарспи с возлюбленным Сетнером, родители насильно выдают ее замуж за старого и жестокого Тахтамана. Убив его, Нарспи убегает к Сетнеру. Но одно убийство порождает за собой и следующие... Здесь «яблоком раздора» является молодая девушка, и позиция К. Иванова достаточно ясна: он против социальной несправедливости и выступает сторонником права влюбленных решать свою судьбу.

Таким образом, можно утверждать, что независимо от религии, образования, политических пристрастий и т. д. поэты-гуманисты, поэты-просветители тюркоязычных народов К. Мечиев, А. Акаев и К. Иванов еще в начале XX в. в своем творчестве искали пути освобождения народа от феодальных пут и невежества, считая, что свобода гораздо выше и ценнее, чем пуды золота, ради которого из века в век торгуют женским и человеческим счастьем. Они предвосхитили «женскую» тему, социальные и классовые конфликты, которые стали доминирующими

¹ Алиева Ш. А. Поэтическое наследие Абусуфьяна Акаева (Жанровое и художественное многообразие): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации (кумыкская литература)». Махачкала, 2006. 24 с.

ми в советских агитпьесах и последующих крупноформатных драматургических произведениях 1920 — 1930-х гг. в советской и национальной литературе для театра. Революция лишь ускорила этот процесс, и он пошел не плавно, не естественно, а с надрывом и под государственным давлением.

Здесь следует обратить внимание на один весьма существенный факт: писатели и поэты старшего поколения Северного Кавказа в основном были и религиозными деятелями, сформировавшимися до революции. В начале 1920-х гг. они сохраняли свой творческий метод, продолжали писать на «вечные» темы, обращая взоры на современные социально-экономические и политические процессы. В это время в кумыкской литературе «наблюдалась определенная раскованность, независимость от идеологии» [2, с. 28]. Аналогичная ситуация была и в Чувашии. До 1926 г., то есть до смены руководства республики, не было соответствующего реагирования на состояние театра и драматургии, поэтому литература для театра развивалась естественным образом [7, с. 48]. После второй половины 1920-х гг. и в следующее десятилетие театры и драматургия попадут под жесткий контроль партийных органов, при этом будет наблюдаться разнообразие тем (антирелигиозная, производственная, колхозная, героическая и проч.).

В национальной драматургии в это время берет начало антирелигиозная тема. Осветить борьбу против религии и религиозных деятелей художественными приемами — задача довольно сложная, молодые драматурги упрощали как самих героев, так и значение этого сложившегося в недрах народа духовно-нравственного, культурно-образовательного института. Советская власть, инициировавшая антирелигиозную кампанию по всей стране, добивалась результата методично и жестко. Особенно болезненно это сказалось на общественной жизни Дагестана, куда ислам проник гораздо раньше других республик Северного Кавказа и пустил корни глубоко. За несколько веков было воспитано не одно поколение известных религиозных и общественных деятелей, шейхов, поэтов и просветителей. «Советская власть, весьма терпеливо относившаяся до середины 20-х гг. к религиозным чувствам мусульман, когда почувствовала, что достаточно окрепла, решила повсеместно в мусульманских регионах по всему СССР ликвидировать духовное сословие...» [2, с. 191 — 192]. В этой борьбе новая власть умело использовала своих же национальных писателей. Антиклерикальная тенденция, критика нечистоплотных служителей культа, имевшаяся еще до революции, уже переходила в антирелигиозную литературу. Состоявшийся в 1928 г. пленум Дагестанского обкома коммунистической партии стал переломным в этом вопросе. Дагестанское отделение Союза воинствующих безбожников действовало с лозунгом «Борьба с религией — борьба за социализм» [2, с. 223].

Нечистоплотные религиозные деятели порою справедливо подвергались критике за различные «грехи», даже со стороны своих «коллег». Например, в произведении, «написанном как отклик на стихотворение Маная Алибекова “Муллы” (1911), А. Акаев в полушутливом тоне советует обратить внимание на то, как в недавнем прошлом было плохо поставлено обучение в медресе, и заключает, что ничего хорошего не приходится ожидать от мулл, окончивших те медресе»². Так или иначе, еще до государственной антирелигиозной политики сами муллы, эфенди, имамы, мюриды провоцировали негативное к ним отношение. Например, название пьесы Т. Мурадова «Вероломный кадий» говорит само за себя. Кадий,

² Алиева Ш. А. Поэтическое наследие Абусуфьяна Акаева...

призванный блюсти человеческую и религиозную порядочность, проявил коварство по отношению к дочери своего друга.

Повесть с аналогичным сюжетом и конфликтом встречается и в балкарской литературе тех лет («Грустный парень» С. Хочуев). По оценке литературоведа Т. Битгировой, социальный тип — «представитель духовенства» — постоянный персонаж фольклорных сатирических рассказов — впервые в балкарской литературе нашел воплощение в «Грустном парне», «который на многие годы определил в балкарской прозе (и драматургии. — А. С.) образ муллы, ставший одиозным и схематичным» [4, с. 346].

Литературовед В. Никифорова связывает начало антирелигиозной кампании в Чувашии с именем И. Мучи, который также работал в сатирическом жанре. «... Им была выпущена книга инсценировки “Комсомольская пасхальная заутреня” ... Интересно отметить, что она была единственной книгой такого жанра на русском языке для чувашского читателя» [7, с. 46]. К сожалению, В. Никифорова не дает даже краткие аннотации пьес, хотя подход к данному вопросу, наверняка, был ожидаемым. Спустя шесть лет, в 1930 г., в Чувашии вышел второй сборник антирелигиозных пьес.

После антирелигиозной кампании в стране ситуация усугубилась: на Северном Кавказе мечети были закрыты или превращены в клубы и склады, или еще хуже — сожжены. Карачаевский поэт и певец И. Семенов, дед и отец которого похоронены в священной для мусульман земле, видя горящие мечети, не находит ответов на свои вопросы: «Чем виновата мечеть?», «Что стало бы, если ее не разобрали бы, а закрыв на ключ, стояла бы она?» [«Горит мечеть» («Межгитни кюйю»)»] [8, с. 62].

Туго затягивалось кольцо вокруг просвещенных религиозных деятелей: был репрессирован кумыкский поэт А. Акаев, занесен в «черный список» карачаевский народный певец И. Семенов, впал в немилость у властей поэт и хажи К. Мечиев.

Говоря про общность тем и определенные тенденции в тюркоязычной драматургии 1920-х гг., невозможно обойти вниманием и существенные различия. В массовом агитискусстве в то время в чувашском театре «широко были распространены “живые газеты”, меньше — агитсуды, которые тоже можно определить как разновидность театральной инсценировки. Агитсуды позволяли сочетать документальный и вымышленный материал, строго фиксированный текст и импровизацию. Так создавалась определенная, достаточно подвижная структура из заданных и изменяющихся элементов при постановке на сцене...» [7, с. 46].

В карачаево-балкарской революционной литературе не зафиксированы агитсуды. (Только в 1979 г. карачаевский драматург М. Батчаев однажды обратился к этой форме и написал трагикомедию «Аймуш».) Но весьма любопытно описание карачаевской «живой газеты»: «В начале 20-х годов прошлого века наибольшим успехом у зрителей пользовались агитационные формы самодеятельного театра (например, “живая газета”, как нельзя лучше приспособленная для визуального восприятия). В подражание столичным коллективам, одетые в одинаковую форму участники представлений динамично сменяли друг друга в разножанровых эпизодах, как бы пролистывая страницы газеты» [10, с. 174].

Довольно значительным различием во взглядах на мир, эстетику театра, поднимаемые в нем проблемы, по нашему мнению, явилась драматургия реформатора русского театра А. Островского. Здесь, скорее всего, со всей очевидностью

проявляется религиозное мировоззрение кавказских народов карачаево-балкарцев — мусульман, в среде которых не прижилось творчество великого русского драматурга, и православных — чувашей, на драматургию и театр которых А. Островский имел большое влияние. В 1918 г. Чувашский драматический театр в Казани открылся именно его пьесой «Не так живи, как хочется». Драма А. Островского была адаптирована и безболезненно «пересажена» на чувашскую почву [6, с. 65]. Вполне понятные предлагаемые обстоятельства, религиозный контекст, сельский быт русской пьесы не вызывали отчуждения у молодых актеров, они были созвучны им. «Пьеса, обнажающая противоречия жизни через Масленицу — народный праздник, где слились и разгул темных языческих сил, и радостное веселье, привлекла чувашских актеров именно наличием в ней игрового начала. “Народная драма” читалась в ключе игры, помогая тем самым первым чувашским актерам импровизировать и создавать яркие характеры» [6, с. 65]. Молодой чувашский театр к творчеству А. Островского в годы своего становления обращался не раз («Не все коту масленица», «На всякого мудреца довольно простоты», «Солнце светит, да не греет», «Бедность — не порок»).

В карачаево-балкарском театре и драматургии имя А. Островского в основном связывают с темой раскрепощения женщины. В пьесах 1920 — 1930-х гг. «Несчастливая карачаевская девушка» М. Борлакова, «Старые адаты и законы» Г. Гибенова, «Два сердца» Х. Байрамуковой и т. д. главной героиней стала молодая женщина. Ее изображали жертвой старых адатов, жадности своих родителей, или же она, не желая мириться со своей участью, вступала на путь борьбы за свое счастье. Этим героинь часто сравнивали с Катериной из «Грозы» А. Островского, которая явилась для нескольких поколений русских и советских деятелей театра и критиков «лучом света в темном царстве». Не избежала этой участи и Жансурат, героиня первой балкарской народной мелодрамы «Кровавый калым» Р. Геляева, поставленной уже в 1941 г. в Балкарском театре [5, с. 149]. Драма «Гроза» отвечала требованиям и духу послереволюционного советского времени. Своеобразный бунт и вызов героини, право на любовь, конфликт «света» и «тьмы» были понятны и близки молодежи, молодым женщинам-горянкам. Все эти факторы, полагаем, связанные с созвучностью «Грозы» А. Островского с темой «текущего момента» в пору становления жанра, сыграли основную роль.

С дотошностью знатока воссозданный драматургом в пьесах русский быт, необычные предлагаемые обстоятельства, специфические герои, «слишком русские» темы и проблемы — далеки от психологии и повседневной жизни горцев. А многие имена героев пьес (Олимпиада Самсоновна, Уар Кирилыч Бодаев, Подхалюзин, Сысой Псоич Рисположенский, Павлин Иваныч Устрашимов и др.) даже в более позднее время у горского зрителя часто вызывали веселый смех (свидетелем чему приходилось быть в пору студенчества на выездах в балкарские села), что сильно мешает и восприятию действия залом, и актерам на сцене. Спектакль «Без вины виноватые» по пьесе А. Островского, поставленный два года назад в Балкарском государственном драматическом театре им. К. Кулиева кумыкским режиссером С. Тулпаровым, трудно назвать культурным событием или открытием «русского Шекспира» балкарским зрителем. Скорее всего это была дань гению и памяти драматурга к его 200-летию.

Смеем предположить, что в восприятии творчества определенного драматурга и влияния его на другие культуры гораздо большее значение имеет не столько языковая общность (хотя отрицать этот факт нельзя), а менталитет народа, его

мировоззрение, психология, нравственные ориентиры, религиозные предпочтения, передаваемые из поколения в поколение. Мифологическое восприятие мира карачаево-балкарцами через призму мусульманских ценностей полностью изжить большевикам не удалось. Они на сознательном или подсознательном уровнях воздействуют на восприятие разных сторон жизни, предметов искусства или же отторжение от чего-либо. Размышляя о влиянии творчества А. Островского на театр и драматургию карачаево-балкарцев, думаем, «религиозный контекст» имеет немаловажное значение. Аскетичность ислама с обязательным соблюдением религиозных предписаний нашла больше отклика в душах карачаево-балкарцев, нежели христианство. Православие имело в Средние века сильное влияние в Карачае, позже в Балкарии. В сложной религиозной борьбе язычества, православия и ислама победил последний. (Балкарский драматург А. Теппеев отразил этот драматический период жизни народа в трагедии «Артутай».) Мусульманская религия была принята жителями суровых гор, но неприхотливыми в быту народами, по разным причинам. В этом вопросе близость идей ислама с понятиями горцев о законе чести и представлениями о справедливости в обоих мирах, как нам кажется, сыграла не последнюю роль. Скорее всего поэтому в период становления карачаево-балкарской и кумыкской драмы был акцент на социальное равенство и героическую тему.

Если посмотрим на первые спектакли любительских театральных коллективов, наша позиция будет более понятна. Так, накануне Октябрьской революции офицером царской армии, режиссером, драматургом Т. Бейболатовым и революционером, поэтом З. Батырмурзаевым было создано кумыкское «Театральное и литературное общество дагестанских мусульман». На его сцене сначала были поставлены уже имеющиеся пьесы на кумыкском языке. Затем увидели свет рампы произведения в переводе с азербайджанского языка «Шамдамбек» Н. Нариманова, «Марал» Д. Гусейна, известные комедии У. Гаджибекова «Аршин мал-алан», «Машади Ибад», переводы с татарского «Тайны нашего города» К. Асхара, «Первый театр», «Абульула» неизвестных авторов и т. д. Из русских драматургов выбор пал на А. Чехова, был поставлен «Медведь» [1, с. 74 — 75]. Пьесы Т. Бейболатова «Даниялбек», «Наперекор муллам», «В медресе пришел мулла» и исторические небольшие драмы «Шамиль» и «Стенька Разин» также имели большой зрительский успех [1, с. 72 — 76].

Первые постановки на карачаево-балкарском языке связаны с Нальчикской горской школой. В 1915 г. ее учащиеся поставили несколько спектаклей. Особый интерес вызвала инсценировка народной трагедии «Каншаубий и Гошayah». В начале спектакль шел на балкарском языке, из-за возросшего интереса зрителей было решено перевести пьесу на русский язык. Затем были поставлены «Демон» М. Лермонтова и несколько сказок А. Пушкина [3, с. 52].

Театр в Симбирской учительской школе И. Я. Яковлева также имел большое значение в становлении сценического искусства и драматургии чувашей. Первые представленные пьесы были переводными: «Женитьба» и «Ревизор» Н. Гоголя, «Недоросль» Д. Фонвизина. Ставились отрывки из тех же произведений русских авторов, а также «Скупой рыцарь» и «Борис Годунов» А. Пушкина, «Лес» А. Островского, инсценировались рассказы И. Тургенева и А. Чехова [6, с. 29 — 30].

В начале XX в. появляются первые чувашские пьесы социально-бытового плана Г. Комиссарова «Женитьба» и «Чувашская свадьба», С. Кириллова «У Оренбургских чувашей», драма М. Акимова «Деревенская жизнь», трагедия К. Иванова

«Раб дьявола», комедия Н. Шубоссинни «Умственный работник». Уже в этот период чувашскими писателями все драматургические жанры были апробированы.

Таким образом, балкарская и кумыкская литературы для театра в период становления опирались на фольклорные традиции, питались просветительскими идеями российских писателей. Кумыки помимо произведений своих авторов адаптировали для театра пьесы соседей-мусульман — азербайджанцев и других единоверцев (например, татар). Начатая Т. Бейбулатовым историко-героическая тема и борьба за социальное равенство затем были продолжены другими авторами. Это, на наш взгляд, обусловлено единым взглядом на мир и нравственные ценности. А к театрализованным сказкам А. Пушкина, особенно к «Сказке о попе и работнике его Балде» и водевилям А. Чехова первые самодеятельные театральные коллективы Балкарии обращались и позже, о чем рассказывал в газетном интервью один из основоположников театра, актер и драматург И. Маммеев³.

Чуваши были чутки к российскому и европейскому просвещению, также стремились отразить жизнь народа через стихию национальных обрядов. «Ранняя чувашская драматургия отличается стремлением проникнуть в суть социальных противоречий действительности, она же определила специфически чувашскую тематику, связывающую драму с национальной жизнью... Социально-бытовая драма явилась основой, “стартовой площадкой” для развития драматургии в литературах Поволжья и Приуралья» [6, с. 38].

По мере развития эстетического мышления национальных авторов менялись и составляющие драматургического действия, в первую очередь — характер конфликта. Он становился сложнее, от драматургов требовались большее мастерство и более точная психологическая мотивировка поступков героев, но пока им это удавалось с переменным успехом. Например, в пьесе «Красный командир в плену у кадетов» карачаевский драматург А. Коркмазов строит сюжетную линию на борьбе между белогвардейским офицером и красным командиром Даутом в период Гражданской войны на Северном Кавказе. Противостояние Даута и его врага определенно относится к типу идейно-классового конфликта. Хотя А. Коркмазову не удалось в полной мере продемонстрировать эволюцию характеров-антагонистов, он преследовал вполне благородную цель — показать образ идеального героя, защитника народных интересов.

В кумыкской пьесе А. Курбанова «Горные соколы» представлена борьба народа за социальное и национальное освобождение. Столкновения противоборствующих классов бедняков и господ с примкнувшими к последним пришлых белогвардейцев показаны в драме схематично. Автору пока не удается индивидуализировать героев. Как часто бывало в литературе исследуемого периода, образы врагов окарикатурены, они выглядят неубедительно.

Наш интерес к данной пьесе вызван в большей мере следующими фактами: драматург здесь наметил две интересные линии — противостояние родных братьев Нурутдина и Мусы, находящихся во враждебных лагерях, и раскол среди белогвардейцев, реализованный непоследовательно. Мы обратим внимание на первую проблему. Раскрыть глубинные социально-исторические противоречия, подтолкнувшие родных людей на крайний шаг, убедительно показать нравственно-этический конфликт между кровными родственниками,

³ Черемисина Н. Б. Это повседневно и навсегда // Кабардино-Балкарская правда. 1993. № 179. 23 сентября. С. 3.

мотивируя их поступки, не каждому драматургу по плечу, как в случае с анти-религиозной темой.

В чувашской драматургии конфликт между родными братьями показан К. Ивановым гораздо раньше в поэме-трагедии «Раб дьявола» (1908). Оказавшись на войне, братья занимаются грабежами и мародерством. Слепленные находкой (мешок с золотом) и жаждой богатства, сами того не подозревая, попадают в хитросплетенную паутину шайтана (дьявола). Нежелание в итоге уступить друг другу приводит к убийству старшим младшего. Жадность, златолюбие, отход от нравственно-моральных принципов, «развиваясь, перерастают в конфликт между человеческим и духовным миром, который в финале завершается трагедией» [11, с. 42].

Остается удивляться, как восемнадцатилетний молодой человек перенес библейский ветхозаветный сюжет в свою поэму и исследовал в небольшом произведении психологию родных братьев, охваченных страстью наживы. Правда, следует отметить, что противостояние между ними строится не на идейном уровне, как в основном встречается в советской литературе. У К. Иванова это морально-нравственный, этический конфликт. Автор поднимает в поэме «Раб дьявола» поистине философскую проблему, к сожалению, актуальную во все века.

Таким образом, в чувашской дореволюционной литературе в самом начале XX в. уже был «апробирован» конфликт между «своими», а читатели были знакомы с ним не только из Библии, а «из первых уст». Произведения национальных поэтов К. Мечиева, А. Акаева и К. Иванова до сих пор воспринимаются как призыв к социальному равенству, как обращение на «вечные» темы и попытка найти ответы на философские вопросы. А пьесы новой послереволюционной волны авторов ныне стали отражением своего времени, показателем общественно-политической, социально-культурной жизни сложных 1920-х гг.

Заключение

Литературы тюркоязычных народов — карачаево-балкарцев и кумыков Северного Кавказа и чувашей Урало-Поволжья до Октябрьского переворота развивались естественным путем. В зависимости от религиозной принадлежности — карачаево-балкарцы и кумыки, тяготея к восточной литературной традиции, органично «переплавляли» известные сюжеты о влюбленных и создавали свои оригинальные произведения. Авторская литература конца XIX — начала XX в. у исследуемых народов развивается естественно и непринужденно, согласно требованиям своего времени и внутреннему духовному миру поэтов. Таким образом, уже в начале XX в. были известны произведения балкарского поэта и хажы К. Мечиева «Тахир и Зухра», «Бузжигит» и «Раненый тур», кумыкского поэта просветителя А. Акаева «Дагир и Зухра», «Кыссату Бозйигит», чувашского поэта К. Иванова «Нарспи» и «Раб дьявола». Они имели большое влияние на дальнейшее развитие национальной литературы, в том числе драматургии.

Наперекор советской идеологии еще до революции передовые представители названных выше народов были озабочены созданием своего национального театра и драматургии. В Горской школе Нальчика, в «Театральном и литературном обществе дагестанских мусульман» в Хасавюрте, в Симбирской чувашской учительской школе закладывались основы сценического искусства.

После революционных событий под жестким диктатом, слепо веруя в большевистские идеи, молодое поколение и революционно настроенная часть писателей приняли основной конфликт большевистского режима — борьбу между «старым» и

«новым». Культивируя образование и просвещение, поднимая «женский» вопрос, критикуя прошлый социальный строй, руководящая партия со своими верными «оруженосцами» провозглашала те же идеи, за которые боролись национальные просветители и народные поэты, передовые люди и религиозные деятели еще в начале XX в. Только методы нового курса были куда жестче и суровее.

В период становления национального театра и драматургии при советской власти на них повлияет религиозный опыт, восприятие событий через призму вероисповедания. Оттого органично прижилась на чувашской сцене драматургия А. Островского, которая кажется «слишком русской» для горского менталитета. При этом северокавказцы с большой симпатией отнеслись к сказкам А. Пушкина и водевилям А. Чехова, к его «маленьким» человекам, потому что зритель был с ними на равных.

В послереволюционное время развитие национальной драматургии шло под присмотром и давлением со стороны большевистской партии, что отразилось в «тогдашней» литературе и внутри писательского цеха. Конфликт поколений среди писателей, борьба власти и художника, стремление контролировать творчество знаковых поэтов, любимцев народа привели к репрессиям, разочарованию в новом строе, что будет выражено в их творчестве конца 1920 — начала 1930-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллатипов А.-К. Ю. Темирболат Бейболатов. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1995. 288 с.
2. Абдуллатипов А.-К. Ю., Шабаетова Л.А. История кумыкской литературы 1917 — 1930 гг. Ч. 1, 2. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 2016. 312 с.; ил.
3. Биттирова Т. Ш. Просветительская литература XIX — начала XX в. // Очерки балкарской литературы / отв. ред. З. Х. Толгуров. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 49 — 88.
4. Биттирова Т. Ш. Салих Хочуев // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. З. Х. Толгуров. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 345 — 349.
5. Григорьев М. С. Первая пьеса балкарского народа // Рамазан Геляев: в жизни и на сцене / авт.-сост. А. М. Саракуева. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. С. 148 — 152.
6. Кириллов К. Д. Особенности становления и развития чувашской драматургии в контексте тюркских литератур Урало-Поволжья (1920-е годы) / сост., авт. пред. И. Ю. Кириллова. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 144 с.
7. Никифорова В. В. Агитационная драматургия и чувашский театр 1920 — 1930-х годов // Явление Театра народу: сборник статей и материалов к 100-летию Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова / сост. и науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 45 — 51.
8. Семенов И. У. (Джырчы Сымайыл) Джырла бла назмула (Песни и стихи) / на карачаевском языке. Москва: Инсан, 1992. 192 с.
9. Толгуров З. Х. Балкарская литература 20 — 30-х годов // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. З. Х. Толгуров. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 134 — 155.
10. Хабичева-Боташева З. Б. Карачаевский театр: Истоки. Самодеятельность. Профессиональное искусство. Москва: ГИТИС, 2012. 522 с.; ил.
11. Чекушкина Е. П. Отражение конфликта человеческого и духовного миров в произведениях К. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58): в 3 ч. Ч. 1. С. 41 — 43.

REFERENCES

1. Abdullatipov A.-K. Y. Temirbolat Beybolatov. Makhachkala;1995:288. (In Russ.)
2. Abdullatipov A.-K. Y., Shabaeva L.A. The history of kumyk literature 1917 — 1930. Parts 1, 2. Makhachkala;2016:312; il. (In Russ.)
3. Bittirova T. Sh. Educational literature of 19th — early 20th centuries // The essays on balkar literature / ed. Z. Kh. Tolgurov. Nalchik;2010:49 — 88. (In Russ.)

4. Bittirova T. Sh. Salikh Khochuev // The essays on the history of balkar literature / ed. Z. Kh. Tolgurov. Nalchik;2010:345 — 349. (In Russ.)
5. Grigoriev M. S. The first play of the balkar people // Ramazan Gelyaev: life and stage / compiled by A. M. Sarakueva. Nalchik;2021:148 — 152. (In Russ.)
6. Kirillov K. D. The features of formation and development of chuvash drama in the context of turkic literatures of the Ural — Volga Region (1920s) / compiled, author and editor I. Yu. Kirillova. Cheboksary;2014:144. (In Russ.)
7. Nikiforova V. V. Agitational drama and the chuvash theater of the 1920s — 1930s // The phenomenon of theater to the people: the collection of articles and materials for the 100th anniversary of the Chuvash state academic drama theater named after K. V. Ivanov / compiled and scientific editor M. G. Kondratyev. Cheboksary;2018:45 — 51. (In Russ.)
8. Semenov I. U. (Dzhyrchy Symayil) Jyrla bla nazmula (Songs and poems) / in the Karachay language Moscow: Insan, 1992. 192 p. (In Karachay)
9. Tolgurov Z. Kh. Balkar literature of the 20s — 30s // The essays on the history of balkar literature / resp. ed. Z. Kh. Tolgurov. Nalchik;2010:134 — 155. (In Russ.)
10. Khabicheva-Botashева Z. B. The Karachay theater: The origins. Self-activity. Professional art. Moscow;2012:522;ill. (In Russ.)
11. Chekushkina E. P. The reflection of the conflict between the human and spiritual worlds in the Works of K. Ivanov // Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2016;4(58): in 3 parts. Part 1:41 — 43. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2025;
одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 07.11.2025

Информация об авторе:

Саракуева Асият Мазировна, редактор-ведущий телепрограмм
государственного казенного учреждения «КБР-Медиа»
(360000, Россия, г. Нальчик, ул. Ленина, 5),
кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2626-6953>, sara.a70@mail.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 27.04.2025;
approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 07.11.2025

Information about the author:

Asiyat M. Sarakueva, TV program editor and presenter,
state public institution “KBR-Media”
(5, Lenin Street, Nalchik, 360000, Russia),
candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2626-6953>, sara.a70@mail.ru

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 27.04.2025 ситнӕ;
рецензиленӕ хысӕн 05.11.2025 ырланӕ; 07.11.2025 пичете йышӕнӕ

Автор сӕнчен:

Саракуева Асият Мазировна, «КБР-Медиа» патшалӕх хысна
учрежденийӕн редакторӕ-телепрограммӕсене ертсе пыраканӕ
(360000, Раӕсей, Нальчик хули, Ленин ур., 5),
филологи ӕслӕлӕхӕсен кандидатӕ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2626-6953>, sara.a70@mail.ru

*Пайталӕх конфликтӕ: автор пайталӕх конфликтӕ суккине нӕлтерет.
Автор ал сӕрӕвӕн юлашки вариантне вуласа тухнӕ, ырланӕ.*

УДК 82.09:821.511.152
ББК 83.3(2=663.1)

Научная статья

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В РАССКАЗАХ В. МИШАНИНОЙ

С. В. Шеянова

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,
г. Саранск, Россия
sheyanovas@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена определению национального образа мира в малой прозе мордовского прозаика Валентины Мишаниной. Предметом исследования является специфика репрезентации образов, посредством которых отражается этнический компонент действительности. Цель работы: выявить особенности художественной реконструкции национальной составляющей мира в рассказах В. Мишаниной. Материалы исследования: рассказы прозаика на мокшанском языке, включенные в сборник «Ёронь юромста стирня (Девочка из рода перепелки)». В результате проведенного исследования приходим к заключению о том, что составляющие национальный мирообраз компоненты выявляются на разных уровнях художественного целого — образом, сюжетно-композиционном, хронотопическом. В авторской индивидуально-творческой концепции мира и человека важным является изображение социальных, национально-культурных реалий рубежной эпохи, раскрытие духовных и материальных предпочтений общества, общечеловеческих ценностей, разрушающегося традиционного этнического сознания. В процессе моделирования художественной реальности особое внимание автор уделяет женским образам, носителям национального менталитета, характерам, наделенным нравственными чертами — чувством справедливости, долга, ответственности, добродушием, стремлением помочь ближнему.

Ключевые слова: современная мордовская проза, мордовская женская литература, В. Мишанина, рассказ, национальная картина мира

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие», <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Для цитирования: Шеянова С. В. Национальная картина мира в рассказах В. Мишаниной // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 4. С. 121 — 128

© Шеянова С. В., 2025

Scientific article

NATIONAL WORLDVIEW IN THE STORIES BY V. MISHANINA

S. V. Sheyanova

National Research

Mordovian State University named after N. P. Ogarev,
Saransk, Russia
sheyanovas@mail.ru

Abstract. This article examines the national worldview in the short fiction of mordovian writer by Valentina Mishanina. The subject of this study is the specific representation of images that reflect the ethnic component of reality. The aim of this study is to identify the features of national worldview artistic reconstruction component in the stories by V. Mishanina. Research material: the stories written by Mishanina in the Moksha language and included in the collection

of “Yoron yuromsta stirnya (A girl from the quail family)”. As a result of the conducted research, we conclude that the components forming national worldview have been revealed at different levels of the artistic whole—figurative, narrative-compositional and chronotopic. The depiction of the social, national, and cultural realities of a turning point era, the revealing of spiritual and material preferences of society, universal values, and the eroding traditional ethnic consciousness is of utmost importance in the author’s individual creative conception of the world and humanity. In the process of artistic reality modeling, the author pays special attention to female characters, bearers of national mentality and the characters endowed with moral traits such as a sense of justice, duty, responsibility, good nature and desire to help others..

Keywords: contemporary Mordovian fiction, Mordovian women’s literature, V. Mishanina, short story, national worldview

Funding: This research was supported by grant No. 24-28-00098 from the Russian science foundation, “Mordovian women’s literature: the specifics of gender worldview representation, national artistic originality”, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

For citation: Sheyanova, S. V. National worldview in the stories by V. Mishanina // Modern humanities. 2025;1(4):121 — 128

Аслăлăх стамтйи

В. МИШАНИНА КАЛАВЁСЕНЧИ НАЦИ СĂНЁЛЛЁ ТЁНЧЕ

С. В. Шеянова

Н. П. Огарев ячёллэ наци тѣпчев Мордва патшалăх университетчѣ,
Саранск хули, Раçсей
sheyanovas@mail.ru

Аннотаци. Статьяра мăкшă прозаикѣн Валентина Мишанинăн пѣчѣк прозинче наци сăнёллэ тѣнчен палăрăвне пăхса тухнă. Тѣпчев предмечѣ — чăнлăхăн этнос уйрăмлăхне кăтартса паракан сăнарсен хайне евѣрлѣхне ўкерсе парасси. Ёѣ тѣллевѣ: В. Мишанина калавѣсенче наци уйрăмлăхѣ мѣнле сăнарланнине тупса палăртасси. Тѣпчев материалѣсем: прозаикăн «Путене йăхѣнчи хѣрача» пуххинчи мăкшă чѣлхипе сырнă калавѣсем. Тѣпчев ирттернѣ хыççăн çак пѣтѣмлетў патне пырса тухатпăр: наци тѣнчин уйрăм палăрăмѣсем илемлѣ хайлавăн тѣрлѣ шайѣнче тупăнаççѣ — сăнар, сюжетпа композици, хронотоп шайѣнче. Авторăн тѣнчене тата сынна кăтартса паракан уйрăм пултарулăх концепцийѣнче ѣмѣрсен чиккинчи социалă, наципе культура чăнлăхѣсене сăнлани, обществăн ас-хакалпа пурлăх преференцийѣсене, пѣтѣм этемлѣх хаклăхѣсене, халăхăн традициллѣ ањ арканнине уçса пани пѣлтерѣшлѣ. Илемлѣ тѣнчене калăпланă май автор наци менталитетне тытса пыракан хѣрарăм сăнарѣсене, кăмăл-сипет енѣсене — тѣрѣслѣх, тивѣçлѣх, яваплăх туйăмѣсене мала кăларакан, ырă кăмăллăх, çывăх сыннине пулăшма ањталакан характерсене уйрăмах витѣмлѣн кăтартать.

Тѣп сăмахсем: хальхи мăкшă прози, мăкшăсен хѣрарăм литератури, В. Мишанина, калав, наци сăнёллэ тѣнче

Финанслав: тѣпчеве Раçсей аслăлăх фончѣн «Мордва хѣрарăм литератури: тѣнчен гендер сăнарлăхне репрезентациленин специфики, наци-илемлѣх хайне евѣрлѣхѣ» 24-28-00098 № гранчѣн шучѣпе пурнăçланă, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>.

Цитатăлама: Шеянова С. В. В. Мишанина калавѣсенчи наци сăнёллэ тѣнче // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 4 №. С. 121 — 128

Введение

Рубеж XX — XXI вв. в мордовской литературе ознаменовался сменой не только художественных тенденций, проблемно-тематических кластеров, но и субъектов творчества. Доминирующий на протяжении многих десятилетий мужской дискурс уступил позиции женскому письму, что следует воспринимать определенным прорывом в творческом сознании общества. Авторы-женщины

привнесли оригинальные повествовательные стратегии, разблокировали табуированные темы (к примеру, взаимоотношения между мужчиной и женщиной), использовали интересные технологии моделирования образов, методики построения картины мира, отказались от традиционного в литературе советского периода контрастного, черно-белого изображения характеров. В. Мишанина, Т. Разгуляева, Т. Баргова, В. Брындина, С. Фадейкина и др. выступили с творческими опытами, которые позволяют говорить об обогащении литературы на разных уровнях — нарративном, композиционном, хронотопическом, образном, стилевом, что обуславливает необходимость разноаспектного изучения женской прозы, «обладающей особыми признаками», воспринимаемой «сложным социокультурным явлением, <...> инструментом, отражающим деформацию, разрушение стереотипов восприятия женского начала, исследующим социально-психологические, этические проблемы современности» [8, с. 338]. Решение обозначенной проблемы позволит определить национально-специфическое в мордовской женской прозе, стратегии ее развития, а также выявить эстетику и идеологию женского письма.

Научный интерес вызывает репрезентированная в произведениях мордовских авторов-женщин национальная картина мира, в интерпретации исследователей являющаяся «отражением культурно-исторической специфики жизнедеятельности, особенностей восприятия мира, специфики мировоззрения, этических и ценностных установок, эстетики конкретного этноса» [4, с. 43], обусловленная «языком, традициями, мифологическими и религиозными представлениями, всей общественно-исторической практикой народа и представляющая систему мировосприятия и мировоззрения»¹. Несмотря на то, что «культурно-этнические смыслы сосредоточены в фольклорных произведениях» [2, с. 28], большая роль в раскрытии этнической картины мира принадлежит литературе, в которой «компоненты, образующие национальный образ мира, выявляются в образном строе, сюжетно-композиционной и пространственно-временной организации текста» [7, с. 11], что доказывается в статьях национальных исследователей [1; 3 — 6; 8; 9]. Безусловно, изучение литературы в аспекте этнопоэтики — продуктивная исследовательская стратегия, поскольку рассмотрение национального мирообраза в авторских текстах служит сохранению и трансляции уникального исторического и культурного кода народа, что особенно актуально в условиях глобализации и поликультурализма.

Материалы и методы

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: метод описательной поэтики, структурно-семантический, а также современные подходы к изучению художественного произведения — аксиологический и гендерный. Материалом исследования стали рассказы из сборника В. Мишаниной «*Ёронь юромста стирня*» («Девочка из рода перепелки»), написанного на мокшанском языке.

Результаты исследования и их обсуждение

В рассказах В. Мишаниной «*Эрясь-ащесь Куля баба*» («Жила-была баба Куля»), «*Васедема*» («Встреча»), «*Сокор веле*» («Слепое село»), «*Сосновкав тев мельге*» («По делам в Сосновку») и др. национальный образ мира обусловлен

¹ Сапожникова О. А. Динамика ментальности монгольского народа в контексте российско-монгольских культурных связей: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Москва, 2019. С. 11.

индивидуально-творческим мировосприятием, стремлением эксплицировать социальные противоречия рубежной эпохи, трагически отразившиеся в жизни сельских жителей. Ее героини, в основном одинокие пожилые люди, транслируют особенности этнической ментальности, «отражающей социокультурное бытие народа, сочетающей в себе психоэтнокультурные, коммуникационные и поведенческие особенности, являющейся важнейшим идентификационным критерием и характеристикой нации»². Персонажи В. Мишаниной находят психологическую индивидуализацию, в их образе жизни, модели поведения одновременно можно выявить некие «константы» (ценностные представления, моральные приоритеты, нормы, формы взаимоотношений между людьми, организация быта, обрядовой сферы), которые присущи всему мордовскому народу.

В рассказе «Слепое село» изображается типичная картина конца прошлого столетия: в разоренном и опустевшем селе, где проживает несколько одиноких стариков, нет даже электричества, за что его прозвали «Слепым». Автор отказывается от именования персонажей, что усиливает ощущение типичности описываемых картин и образов «маленьких людей». Герои произведения — пожилая женщина и ее слепой муж-инвалид — беспомощные старики, оказываются жертвой маргинальных типов, отбирающих у них пенсию, лишаящих средств к существованию. Жестокие обстоятельства, безвыходная ситуация не ожесточают стариков, не лишают их веры в доброе будущее. Казалось, проблема может разрешиться: занимающийся предвыборной агитацией местный чиновник обещает пожилым людям «открыть глаза селу — провести свет»³ (Подстрочный перевод наш. — С. III.), однако вместо конкретных действий, направленных на реализацию обещанного, выбирает «экономически более выгодный» путь — «оставшихся в деревне людей переселить в другое место — дом престарелых»⁴. Финальные строки произведения раскрывают трагизм ситуации и драматизм человеческих судеб: «Жена Тишки через год умерла. Не дождалась света и старушка из Слепого села, ушла из жизни, покинула своего незрячего мужа. В открытый рядом с больницей дом престарелых никто из Слепого села так и не перебрался»⁵. В анализируемом рассказе коррелируют социальные и этические проблемы современности — неэффективная социальная политика властей, не поддерживающих малоимущие слои населения, деградация личности, разрушение основ крестьянского миропорядка, преемственности поколений, нивелирование традиционных ценностей.

В авторской концепции топос «деревня» осмысливается центром сосредоточения этнического начала — языка, культуры народа, воплощает патриархальный образ национальной картины мира. Ее жители — приверженцы традиционного уклада жизни, их поведение обусловлено сформированными в народном сознании аксиологическими понятиями «род», «семья», «совесть», «долг», «ответственность», «милосердие». Они отличаются цельностью натуры, богатством душевных качеств. Автору важно не только показать деревню как локацию, хронотоп, но и раскрыть судьбы ее жителей — «маленьких людей», оказавшихся

² Сапожникова О. А. Динамика ментальности... С. 11.

³ Мишанина В. Ёронь юромста стирня (Девочка из рода перепелки). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. С. 262.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

в экзистенциальной ситуации. Таковы ветеринар Тишка, на протяжении многих лет ухаживающий за парализованной женой, искренне переживающий за ее состояние, безымянная старуха, которая не считает обузой слепого, выжившего из ума мужа.

Образ вымирающей деревни в рассказе «Слепое село» наполняется символической нагрузкой, ассоциируется с разрывом родовых связей между членами одной семьи, нивелированием этнического сознания. Очевидны смысловые параллели между деформацией традиционного уклада жизни народа и разрушением национальной культуры, языка, между материальной нищетой сельских жителей и моральным оскудением общества.

В рассказе «Жила-была баба Куля» внимание автора сконцентрировано на образах пожилых женщин Кули и Микитари (жена Никиты), посредством которых транслируются такие черты национального характера, как особая забота о детях и память об ушедшем супруге, которые, в свою очередь, задают определенную поведенческую модель с установкой на жертвенность, смирение, добродушие, благодарность, уступчивость, отсутствие гордыни. В силу своего возраста женщины не занимаются профессиональной деятельностью, но находят себе занятия — «копшатся на огороде», «вяжут носки и варежки внукам», поскольку в деревне не принято сидеть без дела. Героини одиноки несмотря на то, что у них есть дети, которые редко приезжают и навещают их. В. Мишанина находит оригинальный путь раскрытия материнского потенциала героинь. Так, Микитаря оправдывает своего нерадивого сына, который появляется в деревне редко, «с пустым портфелем, в помятой одежде, с несвежим лицом»⁶, его занятостью на работе. Она живет надеждой на то, что сын изменит образ жизни и заберет ее к себе. Очевидно, что духовно-генетическая связь между матерью и сыном оказалась разорванной. Сын-эгоист не воспринял народные этические заповеди (уважение и забота о предках), что приводит к трагическим последствиям — невозможности продолжить род, вследствие этого — к разрушению преемственности поколений. Баба Куля свою нерастрченную материнскую любовь направляет на соседского мальчика, общение с которым не только избавляет ее от одиночества, но и восстанавливает ее внутренние ресурсы, реанимирует душевно, придает физические силы.

В этнических представлениях эрзян и мокшан ценны семейные традиции, союз женщины и мужчины воспринимается особым актом, что отражается, в частности, в семейно-обрядовой культуре. В поведении бабы Кули проявляется приверженность традиционным ценностям — глубокое уважение к мужу, верность ему, светлая память о нем. Женщина рано овдовела, но боль утраты не позволила ей связать жизнь с другим мужчиной. Долгие годы она хранит верность мужу. Образ Прохора реанимируется в сознании героини посредством ее воспоминаний и снов: «Словно это был не сон, а время повернуло вспять... Вспомнилось все, все... Прошка рубит дрова, а я их складываю. Отдыхать спустились к речке Мирдямас, напились холодной воды. Прошка сделал из широких листьев кувшин, набрал воды, поднес к моим губам... Вода ледяная — горло обжигает... Такой сладкой воды никогда не пробовала...»⁷. Автор транслирует жизненный опыт не только отдельной женщины, но и всего поколения, пережившего

⁶ Мишанина В. Указ. соч. С. 87.

⁷ Там же. С. 88 — 89.

войну, сохранившего общечеловеческие, национальные духовно-нравственные ценности.

В рассказе «По делам в Сосновку» деревня осмысливается автором размеренным национально-культурным пространством, контрастирующим с светлой урбанистической цивилизацией. Крестьянский миропорядок обусловлен сменой сезонных циклов, основан на традиционных началах — труд, близость к природе, ее одухотворение, сохранение и передача обычаев, традиций, фольклорного наследия народа.

Особое место в произведении отведено Никаноровне, по-деревенски Васютаре (жене Василия), колоритной мокшанке, знающей большое количество причитаний, плачей, народных песен, сказок. Женщина глубоко осознает свою причастность к этническому миру, транслирует культурный код предков, что является для нее духовной потребностью и средством гармонизации эмоционально-психологического состояния.

Васютаря часто выступает информантом ученых, студентов, журналистов, приезжающих описывать этнографические реалии села, записывать тексты фольклорных произведений. Про нее говорят: «*Кельсонза цяберь валоц, седисонза цяберь мелец*» (Она — бездонный серебряный колодец. На устах — доброе слово, на сердце — добрая мысль)⁸. За свою долгую жизнь Васютаря «обошла весь белый свет», в плаче она не только выражает душевную боль, но и реанимирует национально-исторический контекст — голодное детство, трагические годы войны, тяжелый труд в колхозе, гибель на фронте мужа и детей.

В данном рассказе В. Мишанина эксплицирует мысль о том, что несмотря на деятельность приверженцев и ценителей традиционной сферы, культурное пространство деревни хрупкое. Пожилые сельчане, проводники национальной ментальности, чтут наследие предков, транслируют этнические культурные и нравственные константы, однако у молодежи иные предпочтения — ценности урбанистической цивилизации, в которой этническое начало подвержено негативному воздействию. В авторской постмодернистской концепции Васютаря может стать последним человеком, знающим причитания, плачи и другие фольклорные тексты на мокшанском языке. Таким образом, на национальном материале В. Мишанина развивает традиции писателей-деревенщиков В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева, художественно реализующих проблему разрушения русского мира, традиционного культурного и аксиологического кода.

Заключение

Проведенный анализ рассказов В. Мишаниной позволяет сделать вывод о том, что ее герои являются носителями национального сознания, а их трагическая судьба отражает национально-исторический опыт. Образы пожилых женщин в произведениях передают особенности мордовского характера, традиционную ценностную сферу, которую составляют понятия «род», «семья», «супружеская верность», «добродушие», «милосердие», «ответственность за ближнего». Постмодернистская концепция автора проявляется в констатации трагизма судьбы героини, ее раннего вдовства, нереализованного материнства, отсутствия коммуникации с детьми. Отражая индивидуально-психологическую идентичность персонажей, прозаик расширяет представления о национальной ментальности, характерных для мордовского народа чертах, моделях поведе-

⁸ Мишанина В. Указ. соч. С. 103.

ния. В процессе воссоздания национальной картины мира автору важно акцентировать внимание на моральных законах, по которым живут ее персонажи, которыми руководствуются в своей жизнедеятельности и при принятии решений. Раскрывая судьбу «маленького человека», В. Мишанина отражает национально-общественные реалии действительности рубежной эпохи, актуализирует насущные проблемы современности — деформация этнического культурного кода, утрата языка, традиций, обрядовой сферы, нивелирование ценностной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галимуллина А. Ф., Галимуллин Ф. Г. Национальные и культурные коды в творчестве современных татарских поэтов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 174 — 190.
2. Джемилева А. А. Концепция этноментальности в прозе Таира Халилова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 27 — 35.
3. Кульсарина И. Г., Мухаметдинова Г. З. Башкирская национальная картина мира в прозе А. Г. Туркина // XVII Акмуллинские чтения: материалы Международной научно-практической конференции; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. 2022. Т. 1. С. 343 — 345.
4. Сангадиева Э. Г., Амгаланова М. В. Репрезентация картины мира в бурятской национальной литературе первой трети XX века // Litera. 2021. № 4. С. 42 — 50.
5. Хайруллин Р. З. Национальные образы мира в поэзии и прозе Мустая Карима // Преподаватель XXI век. 2016. № 1 — 2. С. 431 — 440.
6. Халхарова Л. Ц. Национальная картина мира в прозе Ч. Цыдендамбаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 130 с.
7. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 6 — 16.
8. Шеянова С. В., Юсупова Н. М. Концепция мира и человека в мордовской женской прозе // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 337 — 345.
9. Яковлева О. Н., Мышкина А. Ф. Образ ветра (Çил) в чувашской национальной картине мира и в художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 11. С. 3328 — 3332.

REFERENCES

1. Galimullina A. F., Galimullin F. G. Ethnic and cultural codes of contemporary Tatar poets // Bulletin of the Kalmyk scientific center of the RAS. 2022;1:174 — 190. (In Russ.)
2. Dzhemileva A. A. The Concept of ethnomentality in the prose of Tair Khalilov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Philological sciences. 2023;9 (75);1:27 — 35. (In Russ.)
3. Kulsarina I. G., Mukhametdinova G. Z. Bashkir national worldview in the prose of A. G. Turkin // the 17th Akmullin readings: materials of the International scientific and practical conference; Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmulla. 2022;1:343 — 345. (In Russ.)
4. Sangadieva E. G., Amgalanova M. V. Representation of worldview in the Buryat national literature of the first third of 20th century. Litera;2021;4:42 — 50. (In Russ.)
5. Hairullin R. Z. National images of the world in the poetry and prose of Mustai Karim // Teacher XXI century. 2016;1 — 2:431 — 440. (In Russ.)
6. Khalkharova L. Ts. National picture of the world in the prose of Ch. Tsydendambaev Ulan-Ude;2010:130. (In Russ.)
7. Sheshunova S. V. National image of the world as a category of ethno-poetics of Russian literature // Problems of historical poetics. 2008;8:6 — 16. (In Russ.)
8. Sheyanova S. V., Yusupova N. M. The conception of the world and man in Mordovian women's prose // Vestnik of Ugric Studies. 2022;12;2:337 — 345. (In Russ.)
9. Yakovleva O. N., Myshkina A. F. The image of wind (Çil) in the Chuvash national worldview and literary prose // Philology. Theory & Practice. 2021;14;11:3328 — 3332. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.11.2025;
одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 14.11.2025

Информация об авторе:

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры мордовских языков
и литературы Национального исследовательского
Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева
(430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68),
доктор филологических наук, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru
*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 10.11.2025;
approved after reviewing 12.11.2025; approved for publication 14.11.2025

Information about the author:

Svetlana V. Sheyanova, Professor, Department of Mordovian
Languages and Literature, National Research
Mordovian State University named after N. P. Ogarev
(Bldg. 68, Bolshevistskaya St., Saransk, Russia, 430005),
doctor of Philology Sciences, associate Professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru
*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 10.11.2025 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗӑн 12.11.2025 ырланӑ; 14.11.2025 пичетлеме йышӑнӑ

Автор җинчен:

Шеянова Светлана Васильевна, Н. П. Огарев ячӗллӗ наци тӗпчев
Мордва патшалӑх университетчӗн
мордва чӗлхисемпе литератури кафедрин профессорӗ
(430005, Раҗҗей, Саранск хули, Большевиксен урамӗ, 68),
филологи ӑслӑлӑхӗсен докторӗ, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru
*Пайталӑх конфликтчӗ: автор пайталӑх конфликтчӗ суккине пӗлтерет.
Автор ал җырайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES / ПЕРСОНАЛИСЕМ

ВОСПОМИНАНИЯ ВИКТОРА АШМАРИНА ОБ ОТЦЕ

THE MEMORIES OF VIKTOR ASHMARIN ABOUT HIS FATHER

ВИКТОР АШМАРИН АШШЁ СИНЧЕН АСА ИЛНИ

В октябре 2025 г. исполнилось 155 лет со дня рождения выдающегося ученого, исследователя чувашского языка и культуры, члена-корреспондента АН СССР профессора Н. И. Ашмарина. В честь этой даты мы решили опубликовать в нашем журнале письмо ученого — Виктора. Это письмо было отправлено на имя ученого секретаря нашего института А. Е. Горшкова в 1987 г. Хранится в НА ЧГИГН (Отд. IV. Ед. хр. 707. Инв. № 1637). Сам Виктор Николаевич, как и его знаменитый отец, также многого достиг в жизни. Окончил Казанский ветеринарный институт, работал в должности ветеринарного врача в Дагестане и в Звениговском районе Марийской АССР. Фронтовик, прошел Великую Отечественную войну до самого Берлина, дослужился до звания гвардии подполковника ветеринарной службы. Во втором браке имел многодетную семью, последний период своей жизни вплоть до кончины в 1996 г. прожил в Харькове.

Больше всего в письме Виктора Николаевича затрагивают эпизоды, связанные с жизнью семьи Ашмариных. Удивляет стойкость и взаимовыручка всех ее членов в самые трудные годы жизни, когда семью охватили болезни, голод и безденежье. Глава семейства — Николай Иванович — даже в самый сложный период никогда не терял самообладания, всегда сохранял надежду и оптимизм, умудрялся находить время для занятия наукой. Из письма сына мы можем узнать, какими человеческими качествами обладал великий ученый. Это — трудолюбие, доброта по отношению к другим людям, любовь к природе, удивительное терпение, скромность, смелость и умение постоять за себя и за домочадцев. Последние качества особенно проявились в двух эпизодах, рассказанных Виктором Николаевичем и произошедших в Казани, когда Николай Иванович сумел защитить постояльцев семинарии от вооруженной толпы мятежников, и в Симбирске при попытке грабителей залезть в институтский склад с продовольствием.

Дотошный читатель наверняка найдет в письме и некоторые неточности, ведь человеческая память несовершенна. Но, несмотря на это, само повествование вводит нас в атмосферу того времени, помогает представить жизнь семьи Ашмариных на протяжении большого отрезка времени, начиная с семинарского периода, и до событий, произошедших уже после смерти ученого. Хотим пожелать читателю хорошего чтения, знакомства с жизнью Н. И. Ашмарина, казалось бы, известного нам по его научной деятельности, но с другой стороны — как отца семейства со всеми его человеческими качествами, достоинствами и слабостями.

Воспоминания публикуются в сокращении.

Это все из памятных мне событий и рассказанного папой, увиденного и услышанного мной.

Дед отца Федор Ашмарин (отчества [папа] не знал или забыл) уроженец Ярославской губернии. Был крепостным у богатого барина. Он занимался «красным товаром»¹, как тогда говорили, на что барин отпускал его с удовольствием, ибо имел выгоду.

По рассказам папы можно понять, что его дед был деловым человеком.

Однажды прадед Федор обратился к соседнему разорившемуся помещику с просьбой купить его семью², за что обещал большой куш, но с условием дать после вольную. Барин с удовольствием согласился. Эта сделка привела богатого барина, бывшего собственника Ашмариных, в бешенство. Как рассказывал папа из слов Ивана Федоровича —

¹ Красный товар (устар.) — ткани, мануфактура.

² То есть семью Ашмариных.

отца папы, барин кричал, что если бы он узнал о намеченном ранее, он до смерти заперол бы всю семью Ашмариных.

Оставаться прадеду там уже было нельзя, и он перекочевал в Ядрин, где открыл небольшую торговлю. Затем переехал в город Курмыш Нижегородской губернии, также продолжая свои торговые дела, будучи уже купцом 3-й гильдии. Но не унаследовал наш дед Иван Федорович отцовской сноровки. Вскоре был продан с молотка и выдворен из собственного дома.

После смерти деда воспитание младших детей взяли на себя старшие. Как рассказывал папа, на его попечение выпала самая большая доля.

От первого брака деда были дети: дочь Александра, сыновья — Петр, наш папа, Александр, который был лесоводом в Чувашии всю свою жизнь; дочери: Мария и Вера; сын Алексей. От второго брака деда сыновья — Иван, Петр, Борис, дочь Софья.

Судьба детей. Александра рано ушла из жизни, скончалась от туберкулеза; сын Петр был юристом, также умер от туберкулеза; сын Александр работал лесником в Чувашии: в Шумерлинском, а потом в Вурнарском лесничествах; сын Федор, доктор медицинских наук, жил и работал в Краснодаре. Дочь Мария, средний медицинский работник, была в Первую мировую войну сестрой милосердия; встретила со своим мужем на фронте и уехала с ним на Украину. Дочь Вера после окончания медицинского факультета как уехала в Тюмень, так всю жизнь проработала там врачом-педиатром (сколько раз просил ее переехать в Казань, но она всегда отвечала, что привыкла к Сибири и не может оставить этих людей; там и померла).

Дети от второго брака деда: Иван Иванович был доктором медицинских наук, в Киргизии, в городе Фрунзе, возглавлял республиканскую противомалырийную станцию. Забрал с собой мать и сестру Софью. Звал меня к себе, но я не мог оставить свою маму и младших братьев и сестер.

Его братья Петр и Борис пропали без вести в Гражданскую войну.

Папа, как он рассказывал, в 13 лет обладал чувашским языком, не только разговорной речью, но и письменной. Ходил по базарам и ярмаркам, вел разговоры, производил записи. После окончания классической гимназии в Нижнем Новгороде с отличием поступил в Московский Лазаревский институт восточных языков.

Учеба в институте была трудной из-за отсутствия материальной помощи из дома. Ему самому приходилось ставить на ногу младших братьев и сестер, поэтому занимался перепиской, давал уроки. Только удивительное трудолюбие папы, именно удивительное, дало ему прекрасно идти в учебе и еще оказывать материальную помощь своим родным. Он нам рассказывал, что иногда на такой большой праздник, как Пасха, не было куска хлеба.

За учебу в институте написал серьезную научную работу. После окончания вуза выпускники должны были разъехаться на дипломатическую работу. Папе предложили поехать в Каир или Дели, даже в Париж. Но он отказался. И выехал в Казань, где поступил преподавателем географии в Казанскую инородческую учительскую семинарию.

После Февральской революции папа работает в Восточно-археологическом институте³. Затем его приглашают в Симбирск, где был открыт Чувашский педагогический институт. После ликвидации института папа был приглашен в Бакинский университет, куда мы и переехали.

Жизнь в Казани, как я помню, была сложной. Папа жил от нас отдельно, в учительской семинарии, а мы кочевали по квартирам. Сменили шесть квартир. Жили на Песчаной улице (это в Суконной слободе). Потом переехали на улицу 1-я Гора, затем на край города, неподалеку от Кремля, около реки Казанки. После Февральской революции папа забрал нас к себе в учительскую семинарию. Затем ему предложили съехать с этой квартиры⁴. Мы переехали на самую окраинную улицу в Татарской слободе. За нашей улицей начинались луга, идущие к Волге.

³ Имеется в виду Северо-восточный археологический и этнографический институт (СВАИЭИ), который существовал в 1917 — 1921 гг. в Казани.

⁴ Казанская инородческая учительская семинария была закрыта в 1918 г.

Когда мы жили отдельно от него, папа приходил к нам регулярно. Обласкает нас, прижмет к груди, естественно, принесет подарки. При уходе папы мама плакала. Прижмет нас, шестерых мальчиков, к груди и говорит, что папа очень просил нас слушаться, а то ему все обещают дать «волчий билет»⁵, и пойдём мы тогда по России-матушке...

Нет, мы не были непослушными, конечно, шалили, но в меру. Помогали маме с малых лет: подметали в комнатах, топили печь, мыли полы, рубили дрова, носили воду, все делали по возрастным возможностям. После мамы нашим наставником был старший брат Петр. Его слово для нас было законом. Хотя Боря, второй по старшинству, был физически и сильнее Петра, но при каком-то нарушении Петр нагибал Бориса, поднимал сорочку и ударял ладонью по спине, приговаривая: «Будешь помнить!»

<...>

Когда папа забрал нас к себе, мне уже шел восьмой год, а Петру — уже тринадцатый. Жизнь научила нас ценить добро, понимать и ненавидеть зло как бедствие для простого человека.

Когда мы жили еще в семинарии (это было в холодное время), папа поздно возвратился домой и говорит, что его остановили трое мужчин и стали обшаривать его карманы. Не найдя ничего, они спросили его: кто он есть и что у него имеется. Папа ответил: «Дети!» Они поинтересовались: «Сколько же?» Папа ответил: «Шестеро!» Эти мужчины похлопали его по плечу, пощупали пальто и говорят: «А ты богат, шестеро мальчишек! А пальто-то твое на рыбьем меху. Иди скорей, а то сынишки заждались тебя!»

Папа был добрым, сердечным человеком, скромным, бесстрашным, прямым, врагом жадности и зависти. Он часто приводил домой бедных, побирающихся людей. Приведет домой «нищего», как тогда их называли, и говорит маме: «Маша! Накорми и одень человека». В такой большой семье всегда найдутся кальсоны, рубаха. Мы никогда не брезговали такими людьми, видимо, это и воспитало у нас, детей, то же благородство, ту же доброту, интернационализм, что было свойственно папе и маме.

Папа часто ходил в Глазной институт⁶, что был расположен на Большой Горшечной улице. Приводил какого-то старика — чуваша или марийца, которые приезжали в Казань, а ночевать им было негде. Предоставляет им ночлег, а мама кормила не где-нибудь на кухне, а за одним столом.

В годы революции у нас жили шесть студентов из Чувашии. Мама им еще и белье стирала. За жильё с них ничего не брали. Жили трое ребят, приехавшие из Узбекистана для поступления в институт. 11 месяцев в 1931 г. жил сын сельского учителя из Орауш Вурнарского района Геннадий Орлов. Жил как свой родной. Большую помощь ему оказывали в учебе и окончании ветеринарного института.

<...>

В 1921 г.⁷, когда папа и мама лежали в больнице, лечились от холеры, нас, детей, было шестеро. Родители, когда пришли в сознание, думали о нас, а мы, дети, думали только о них. В это же время у нас было шесть куриц, петух и большой цыпленок. Все они были пущены на питание мамы и папы. Петр, Борис и я ничего не получали из сваренного для папы и мамы из куриного мяса. Для младших варили только из потрохов. Все уносили в больницу. Носили передачу в больницу Борис и я. Не дай Бог, чтобы мы выпили по глотку бульона.

<...>

⁵ «Волчий билет» — фразеологизм, который означает документ с отметками, свидетельствующими о неблагонадежности его обладателя. Простыми словами, это документ, который мешает человеку получить какие-либо возможности (например, устроиться на государственную службу, поступить в учебное заведение).

⁶ Возможно, имеется в виду специализированная глазная клиника, созданная в Казани в 1900 г. профессором Е. В. Адамяком.

⁷ Н. И. Ашмарин в октябре 1920 г. по приглашению органов народного образования только что созданной Чувашской автономной области переехал вместе с семьей в г. Симбирск для работы в первом чувашском вузе — институте народного образования, созданном на базе Чувашской учительской школы.

Еще хочу рассказать о храбрости, сознании долга отцом. Это было в декабре 1922 г. или в январе 1923 г. Ночью, часа в четыре, папа и мама будят нас, детей, и говорят: «Слышите! Это грабители сбивают на складе замки!» Папа в эту ночь не спал, занимался своими научными трудами и услышал лязг. Кабинет папы представлял огороженный в комнате угол. Мы подошли к окну, папа открыл форточку и стал кричать грабителям: «Что вы делаете, вы же хотите ограбить склад, где, хранится полуголодный паек студентов!»

В это время к дому подскочили двое мужиков (к окну они не могли подобраться, так как мы, дети, сделали там ледяную горку). Они стали кричать, посылая в наш адрес страшную брань. Потребовали от нас, чтобы мы потушили огонь в комнате, а то они пустят «красного петуха». Свет мы потушили и ушли в теплые сени. У нас жил старый пес под кличкой Жулик. Папа принял решение выпустить Жулика во двор. За дверную ручку была привязана двойная веревка. Борис встал между дверей, Жулик подошел, Борис снял крючок, открыл дверь, и пес выскочил в холодные сени, затем во двор и стал гонять грабителей. И они ушли.

Утром мы увидели по следам, что их было не менее 15 человек на пяти подводах.

<...>

В брошюре, посвященной 75-летию папы, профессор В. Г. Егоров пишет, что студенты, глубоко уважая нашего отца, выделили из своего полуголодного пайка ржаную муку, на которую наша семья выменяла корову (это после холеры), а вот о том, что наш отец со своей семьей спас склад от разграбления, он ничего не сказал, а еще и то, что папа занимался с ним по 3 — 4 часа ночью, помогая ему выйти в науку, он тоже умолчал.

<...>

Во время переезда из Симбирска в Баку, который длился почти месяц, почему-то нам была сделана пересадка на станции Дербяный (Дажаны). Словарные рукописи и другие материалы папа возил всегда при себе. При переезде в Дербент пришлось перетаскивать ящики с рукописями через вагоны. К счастью, была лунная ночь. Мы с Борисом увидели, как один мужчина и парень несут наши ящики. Мы подскочили к ним и отняли ящики. Большая часть словаря могла бы погибнуть в руках невежд.

Из Симбирска мы уезжали в октябре 1923 г. Мама к тому времени с нашей помощью заготовила на зиму картофель, две 150-литровые кадушки с мочеными яблоками, 150-литровую бочку помидоров, такую же бочку квашеной капусты, морковь, свеклу. Что делать со всем этим добром? Мама мигом решила этот вопрос. Так как Петр оставался в Симбирске, решила все припасы оставить школе-интернату бесплатно.

В Баку мы жили в двух квартирах, вначале в большом зале, устроившись в углу. Спали на полу, вповалку. Через 2,5 месяца получили квартиру из 3-х комнат на 4-м этаже, ход со двора, по улице Карганова, 26. В декабре 1925 г. нас посетили, по приглашению папы, пять профессоров, которые были в Баку на I Тюркологическом съезде⁸. Как они уговаривали маму, нас, детей, дать согласие на переезд в Турцию, где папа заведовал бы кафедрой турецкого языка. Они рассказали, что столица Турции уже в новом городе Анкаре, что Анкара это белокаменный город, что университет — чудесное творение архитектуры, а квартира наша — это не просто квартира, а вилла. Папа поблагодарил их за внимание, но сказал, что у него есть Родина, которой он должен служить. А мы, дети, отвечали, что мы строго выполняем мнение родителей.

В Баку папа являлся ученым секретарем по составлению азербайджанско-немецко-русского словаря. Председателем комиссии был председатель ЦИК Азербайджанской ССР Самед Ага Агамалы-оглы. Когда он узнал, что папа решил переехать в Казань (это было в 1926 г.), долго уговаривал остаться в Баку, что он очень нужен азербайджанскому народу. Папа не раскрыл главную причину отъезда. В 1924 г., забрав с собой Бориса, папа выехал в Нуху, в горный район Азербайджана, для написания монографии о нухинских

⁸ Здесь ошибка: первый Всесоюзный тюркологический съезд проходил в столице Азербайджана Баку с 26 февраля по 5 марта 1926 г.

говорах. Этот труд был оценен в 1200 руб. Но папа получил всего 300, а 900 рублей так и остались невыплаченными со ссылкой на то, что в институте нет денежных средств. Ссылка на отсутствие финансов была лишь оговоркой.

<...>

Летом 1926 г., когда папа ездил в Россию, ему было предложено место работы в Академии наук СССР в Москве. Он отказался, так как ради нас там должны были выселить из квартиры семью, и выбрал Казань. В Казани также не дали квартиру, и мы, девять человек, ютились в небольшом номере в гостинице 2 месяца. А как это отражалось на нашем здоровье, а более на нашем душевном состоянии! У папы нет условий для работы, мы, дети, не можем учиться, отсюда — отставание по школьной программе. Вот мы и увидели зло, кто его создает. В 1932 г., в декабре, портится центральное отопление в квартире одного руководящего чина в доме, где мы жили. Руководство квартирной убеждало этого чина, что ремонтировать нельзя, надо только отключать. «Чин» заявил, что только отремонтировать. Ему объясняют вновь: мы сделаем вам две «буржуйки», будем ежедневно доставлять вам дрова, напиленные и наколотые по размеру этих печек. Последовало новое, громогласное заявление: «Нет!» Стали ремонтировать, и весь дом остался без отопления.

3 января 1933 г. я приехал к родным из Дагестана, где работал главным врачом прикаспийского района, и увидел печальную картину: папа, мама и три сестренки и еще две семьи из этой квартиры ютятся в маленькой кухоньке; взрослые на стульях, а детвора на русской печи. В комнатах холоднее, наверное, чем на Северном полюсе, там-то спят в спальнях мешках и чем-то отапливают, а тут, в комнатах, как в холодильных камерах.

Папа не работает и пенсии ему не определяют. Мне пришлось ехать за гонораром в Чебоксары. С трудом залез в полуторку, это вместо автобуса. Досталось мне место в левом заднем углу. А ехать 85 километров, мороз не менее минус 25, если не больше. Приехали в Цивильск, большинство поскакали с машины и побежали греться в чайную. Я распрямиться не могу. Добрался в Чебоксары ночью, на Красной площади выгрузились. Я с трудом перевалился через борт и упал на твердый снег. Пошли мы в гостиницу, что на бульваре, рядом с кооптехникумом. Заходим, а я спрашиваю: здесь разве топят? Мой попутчик говорит: смотри, люди в одних нательных сорочках.

Получил я гонорар на следующий день и на другой день уехал обратно в Казань.

<...>

Незадолго до того, как заболеть папе, мы, трое старших сыновей, были дома и тут же разъехались. Как только заболел папа, я был извещен и приехал. Я был ближе всех (работал в Звенигове Марийской АССР, братья были далеко). К папе был вызван из поликлиники научных работников врач. Он рекомендовался доцентом. Не установив диагноза, удалился. Перед уходом сказал, что завтра ждите его старшего ассистента, а он сам уезжает на курорт. На следующий день пришел его старший ассистент. Не установив диагноза, при уходе сказал, что завтра приходиться не может, так как уезжает на курорт.

Денег ни копейки. Мама занимает деньги у соседки, и я еду в Чебоксары получить папин гонорар. В это время папа уже находился на смертном одре.

В Чебоксарах я ничего не смог добиться. Был и в Научно-исследовательском институте, и в ЦИКе, и в Совнаркоме. Везде объяснял о положении и состоянии папы. Из ЦИКа и Совнаркома меня направили в НИИ, но в институте мне ответили, что денег нет.

Приехав в Казань, я папу дома уже не застал. Мама пригласила знакомого врача, который установил диагноз: сыпной тиф. В больнице мама находилась при папе. Через день, утром, вернулась из больницы и с порога сказала: «Папы больше нет и просил не плакать». В это время я месил в квашне тесто, чтобы испечь хлеб. Услышав сказанное мамой, меня тряхнуло и я еле удержал квашню, успев схватить ее при падении.

В этот же день я послал телеграмму в Академию наук СССР, правительство Чувашии, братьям папы. Брат Борис узнал о смерти папы в поезде, читая газету «Известия».

<...>

На следующий день приехала из Чебоксар комиссия по похоронам. Привезли деньги по гонорару. После похорон председатель и члены комиссии стали спрашивать у меня

о том, как мы собираемся жить дальше? Я сказал, что у мамы нет никаких средств к существованию. И нам тут же предложили продать библиотеку. Я сказал, что мы продаем библиотеку, но только без художественной литературы и литературы по искусству, сказав, что младшим, а их было пятеро, библиотека нужна, им надо познать мир. После этого комиссия удалилась на совещание. Через 12 — 15 минут вышли и заявили, что покупают всю библиотеку или ни одной книги.

Художественная литература содержала всю русскую и советскую классику. Иностранная литература состояла более чем из 40 авторов. Были редкие книги. А какие богатые издания были по искусству! Библиотека, рукописи и все другое взяты были за одну цену. На работу я не мог выехать, так как надо было хлопотать маме пенсию. Более трех месяцев посвятил этому, пока мне не показали пенсионное дело мамы и отправили его в Народный комиссариат социального обеспечения в Москву.

А тут события последовали одно за другим. Заболели сыпным тифом и были отправлены в сыпфтифозную больницу сестры Вера, Надя⁹ и братья Борис и Николай.

Мама получила пенсию с начала подачи документов. 4 января я выехал в Йошкар-Олу и с 5 января был назначен главным ветеринарным врачом Звениговского района. В конце января 1935 г. выбыл из Звенигова и переехал к маме в Чебоксары, где поступил работать в Наркомзем ветинспектором.

<...>

Я глубоко ценил своего отца и маму за их высшую гуманность. В 1930 г. папа вернулся из Чебоксар и говорит маме: «Правительство Чувашии решило построить для нашей семьи в Чебоксарах дом на 10 — 11 комнат, учитывая нашу большую семью, но я отказался, сказав, что у нас в Казани большая квартира, зачем правительству Чувашии лишние расходы?»

Брат Борис возразил папе, но сам был такой же, как папа.

Такими мы были — все дети. Нас было пять мальчишек, а у нас не было велосипеда. Купили старенький, когда жили в Баку. Чиним его часа два, а полчаса катаемся. Да еще катались все товарищи.

Когда в Казани сгорел пороховой завод¹⁰, приказано было покинуть город всем жителям. Мы всей семьей ждали папу на вокзале с узлами, готовые ехать в деревню. Вскоре появился папа, и мы отправились на квартиру в семинарию. Оставили узлы, поехали в сторону Борисовки. Народ бежит. На небольшую передышку остановились на кирпичном заводе, а потом вновь побежали в сторону Борисовки и остановились там. В одиннадцать часов вечера по селу прискакал офицер со своим денщиком и громко оповещал, что нужно бежать как можно дальше. Мы поднялись и пошли дальше. А на руках мамы и папы (они менялись) был маленький брат Костя. Слышим голос молодой женщины-татарки. Просит о помощи: у нее на руках ребенок, и она уже не в силах его нести. Папа сказал Петру и Борису помочь этой женщине — нести попеременно ребенка. Так это женщина пришла вместе с нами в село Столбище, которое находилось в 25 верстах от Казани. Крестьяне встретили нас как своих родных, и на своих подводах потом отвезли нас в Казань.

Папа любовался природой как величайшим даром. Ходил с нами в лес, на пруд или реку. Он был большой враг тех людей, кто жестоко обращался с животными, растительностью. Папа ходил с нами купаться, особенно по вечерам при свете луны. Заплывал он недалеко, это и естественно, так как здоровье его было подорвано. И он еще говорил, что купаться нужно только в трезвом состоянии. Он абсолютно не боялся грозы. Бывает, сядет в грозу у окна, отворяет его и любитесь разбушевавшейся природой. Он испытывал наслаждение от сверкания грозы, сполохов молний и раската грома.

⁹ В тексте «Вадя», скорее всего, ошибка прошла из-за невнимательности машинистки института.

¹⁰ Пожар начался 14 августа 1917 г. и привел к уничтожению заводов и распространению паники в городе 14 — 16 августа. Пожар, продолжавшийся по меньшей мере до 24 августа, возник в результате взрыва снарядов на оружейных складах, разбросанных по промышленной части города. Тем не менее большая часть взрывчатых веществ была затоплена водой из водохранилищ, что предотвратило более крупные взрывы.

О театре и кино. В них он не бывал, хотя мы очень просили его. О театре он говорил так: большая работа забирает много времени, о содержании того или иного классического произведения я могу прочитать в подлиннике. Любил музыку. Пели мы всей семьей старинные русские песни, папа также исполнял чувашские, татарские песни под аккомпанемент гармошки, на которой сам же играл.

Когда мы жили в Симбирске, папа часто общался с И. Я. Яковлевым. Помню, когда я шел из детского дома, на территории института, у фруктового сада, стояли Иван Яковлевич и папа с Костей. Я издала поздоровался, а Иван Яковлевич позвал меня, подошел и подал мне руку. После этого говорит: «Вот, Виктор, ты не спрятал руки, когда я подал руку, а вот Костя не хочет подать мне руки, хотя я ему и подаю, вот, смотри». Иван Яковлевич Косте подает ему руку, а Костя замахивался на Ивана Яковлевича. Папа говорит, что нехорошо вести себя так. И Иван Яковлевич говорит: «Ничего, мы скоро подружимся, он еще будет ходить ко мне в гости».

Интересная особенность была у папы. Когда его спросишь о правильном написании слова или о его значении, папа объяснит, а после берет с полки книгу, словарь Даля, Брокгауза и Ефрона, отыщет нужное и читает тебе. Мы удивлялись тому, что папа помнил всю программу за гимназию. Память у него была феноменальная. Я когда-то подсчитал, какие языки он знал, получилась удивительная цифра: 65. Папа говорил, что стоит ему побывать в любой стране 2,5 — 3 месяца, и он выучит здешний язык. Пример: в холодную, полуголодную зиму 1932 — 1933 гг. папа полностью освоил монгольский язык.

О бабушках сказать ничего не могу, так как мы их не видели, так же как и дедушек. А у мачехи отца я и имя, и отчество забыл. Называли ее бабушкой. Папа говорил, что прабабушка у нее была татарка.

Хочу рассказать о маме, как одинаково дорогой мне, как и папа.

Наша мама Ксения Логиновна, ее девичья фамилия Гришина, родилась в селе Рождество Лаишевского уезда Казанской губернии. Осталась после смерти родителей пяти лет. С ней остались еще двое детей: дядя Степан, ему было семь лет, и тетя Маруся, ей было три года. Когда маме исполнилось 10 лет, ее отвезли в Казань и отдали ученицей на небольшую конфетную фабрику. Владельцы этой фабрики были немцы. Мама называла их фамилию — Дози. Она проработала на этой фабрике до встречи с отцом. Мама очень хорошо отзывалась о своих хозяевах, об их отношении к работающим. Много полезного мама переняла от хозяев, их внутренних правил. Оставшаяся круглой сиротой, воспитывавшаяся в людях, мама никогда не теряла бодрости. Была неграмотной. Ни одного дня не была в школе, но как она знала жизнь. Невольно вспоминаешь «Мои университеты» А. М. Горького. Счастье мамы было в том, что она встретила на своем жизненном пути такого прекрасного человека, каким был наш отец. Их свела судьба.

Скромный по характеру, отец обладал великим человеческим качеством, огромной образованностью, он оставался верен маме и своей семье. Теми качествами обладала и мама. Как она берегла отца, как она заботилась о нас! Сколько она провела бессонных ночей, когда мы болели! Недоедала, отдавая все нам и папе. В сложнейших обстоятельствах никогда не теряла духа. Заплачет, вытрет слезы и засмеется, поцелует нас, говоря при этом: «Никогда не унывайте, мои милые. Это я так». Она никогда не жаловалась на свою судьбу. Мама была доброй, внимательной, заботливой, чистосердечной, с прямым характером. Она не терпела ссор, старалась всегда примирить людей. Как мама и папа были похожими своими характерами! Как они дружно жили, заботясь друг о друге, не говоря уже о нас, о детях. Они уважали добросовестных и честных. Сколько было у нее подружек. Посидят они, поговорят, споют. А мама обладала чудесным голосом. Ей говорили, что она могла быть оперной певицей. После ее похорон старушки, сидевшие за столом, говорили, что в 78 лет она пела как девушка.

Материальное положение у семьи было сложное. Единственный, кто мог заработать жалованье, был папа. Но мама находила выход из положения. По осени, в период уборки картофеля и огородов, она забирала нас троих, старших, и мы отправлялись в село. Нанимались к богачам, перекапывали картофельные поля и накапывали до трех мешков картошки.

На всю жизнь запомнилось, как в селе Борисово мы нанялись к одним богачам на уборку огорода. Утро холодное. Ждем своей очереди на завтрак. На дворе установлены легкие столы по типу рыночных прилавков. На краю этого стола сидел старый худой человек и доедал свою похлебку. В это время появилась перед людьми, ожидавшими своей очереди на завтрак, хозяйка. И говорит: «Ну что, накормили вас большевики?» А кто-то в толпе отвечает: «Подожди, и до тебя очередь дойдет!»

<...> Летом 1921 г. мы жили в Татарской слободе Казани. Мама вернулась с рынка, продав небольшую вещь, и говорит: «Коля, Витя! Вот вам деньги, сходите на угол, там сидит старичок-татарин и продает картофель». Старичок сидел на земле, сложив ноги калачиком, а перед ним расстелен мешок, на котором лежала картошка кучками, по пять штук. Взяли мы две кучки и пошли домой. Семья наша тогда состояла из 9 человек. Вот посчитайте, сколько досталось на душу.

В нашем доме никогда не накапливалось тряпья, посуды или же белья. Все убиралось и приводилось в порядок быстро. Мама распределяла обязанности каждому. Кто помогает в стирке, кто в уборке комнат, мытье полов, заготовке дров, носке воды и др. За столом все знали свои места. Никаких «барабанных боев» по тарелкам, старшие, даже младшие обтирали после еды кусочком хлеба, чтобы легче было мыть посуду. Из-за стола поднимались все вместе или же по разрешению родителей.

Мама никогда не оспаривала решения папы. Весь этот домашний уклад был перенесен в дом от добрых и умных людей. Родители поддерживали уважение к старшим и старших к младшим. Страшно не терпели грубость. Мама и папа внушали нам добросовестное отношение к учебе, труду, вещам, которых, правда, у нас было мало. Когда мы жили в Чебоксарах, я как-то спросил маму, что же осталось у нас от всех переездов по городам, по квартирам, мама и говорит: «Вот этот стул!»

О брачных узах родителей.

Когда мы жили в Учительской семинарии, я как-то искал в папином столе карандаш, и на мои глаза попала бумага — прошение отца на имя какого-то величайшего лица в Санкт-Петербурге: «Жениться на крестьянке-девице Гришиной Ксении Логиновне». Когда мне нужно было заменить временный паспорт на постоянный, нужно было сдавать свидетельство о рождении. Я написал в городской ЗАГС Казани, помня, как мама рассказывала, что меня крестили в церкви св. Георгия. И началась переписка, которая продолжалась около 34 лет. В Харькове меня вызывают в ЗАГС. Пошел, представился. Заведующая с улыбкой говорит: «Получили ваше свидетельство о рождении. Ну зачем оно вам? Вы окончили школу Ашмариным, служили в Красной Армии Ашмариным, сейчас вы Ашмарин. Мы оставим свидетельство у себя, вы как были Ашмариным, так и оставайтесь».

В свидетельстве было написано: Гришин Виктор, отчество — прочерк, мать — Гришина Ксения Логиновна, рождение: 26 (16) октября 1909 г.

После Великой Отечественной войны Совет Министров СССР издал постановление об увеличении пенсий ученым и их семьям. Долго ходила мама в Чебоксарах по учреждениям, но никто палец о палец не ударил, чтобы помочь ей в запросе Академии наук СССР, откуда должны были выслать справку об избрании отца в сентябре 1929 г. членом-корреспондентом Академии наук СССР. Я вынужден был написать самому президенту Академии наук академику [Сергею Ивановичу] Вавилову. Потом справку выслали маме, а я узнал от мамы. После того, как мама с больной дочерью, моей сестрой, стала получать пенсию, по Чебоксарам поползли слухи, что вот, мол, старушка безграмотная, а получает такую пенсию.

Я хлопотал через [Чувашский] обком партии квартиру для мамы. Получил уведомление, что квартира выделена в Правительственном доме — трехкомнатная, со всеми удобствами. Но мама из однокомнатной, холодной, в новую квартиру не пошла. Она мне говорила: «А как бы я была без своих подруг, таких же старушек, как я?» Я ей говорю, что она могла бы забрать их к себе, и жили бы они у тебя неделями.

О дочерях и сыновьях мамы и папы, то есть о моих братьях и сестрах. Старший — Петр. Он был селекционером. Закончил сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева. Работал на элеваторах, на селекционных станциях. Был председателем колхоза

в Московской области. Воевал на Северо-Западном фронте, на Дальнем Востоке против Квантунской армии. Погиб. Борис умер в 1952 г. Ему было всего 45. В своей болезни он сам был виноват. Изображал из себя факира или жреца. Набирал полный рот керосина, сворачивал жгутом газету, зажигал ее и выбрызгивал на горящую газету керосин. Было эффективно, но закончилось плачевно. Он был находчив, хорошо рисовал. Окончил Казанский институт инженеров коммунального строительства. Брат Николай родился в 1912 г., умер в 1933 г. Учился в техникуме железнодорожного транспорта. За один год закончил 2 курса. Обладал красивым голосом. Помню: приходил он с оперного спектакля и тут же исполнял сложные арии, услышанные им. Брат Миша родился в 1914 г. Прожил совсем мало. Сестра Вера родилась в 1919 г. Ушла из жизни в начале 1954 г. Надя родилась в конце 1924 г. У нее появился прекрасный голос. Ей было предложено ехать в Саратовскую консерваторию, где готовили большую группу певцов для создаваемого в Чебоксарах музыкально-драматического театра. Так и не поехала. Не могла оставить маму и находящуюся при ней больную сестру Люсю. Дальше Надя сама приобрела тяжелый недуг — полиартрит... Людмила 1927 г. р. С детских лет страдала эпилепсией. Брат Петр отвез ее в Казань и поместил в психиатрическую больницу. Когда я приехал в 1947 г. в отпуск, мама просила меня поехать в Казань и забрать Люсю. Мама говорила: «Мне тяжело с Люсей, но ее пребывание в психиатрической больнице увеличило бы мою материнскую боль».

Я родился 29 октября 1909 г. в Казани. Учился в девяти школах. Так уж сложилось: переезды с квартиры на квартиру, из города в город, годы революции прервали учебу. После окончания 8 классов в 1928 г. поступил в Казанский ветеринарный институт. После окончания института был послан на работу в Дагестан, где проработал год, из-за болезни был освобожден от работы. Вернулся на родину. Работал в Помарах и Звенигове Марийской АССР. В июне 1935 г. был призван в ряды Красной Армии, служил в коннице. Служба была нелегкой. Зимовали в летних лагерях, до 220 больных лошадей было в ветлазарете. Воевал. Награжден тремя орденами и медалью «За боевые заслуги». Участвовал в обороне Киева и Москвы. Войну закончил в Берлине. Военную службу завершил в Военной ветеринарной академии (г. Москва) научным сотрудником.

Виктор Николаевич АШМАРИН.
2 ноября 1987 г.

К печати подготовили
Э. Е. ЛЕБЕДЕВ и А. П. ЛЕОНТЬЕВ

МУЗЫКАНТ И МУЗЫКОВЕД
(к 60-летию Л. И. Бушуевой)

MUSICIAN AND MUSICOLOGIST
(on the 60th anniversary of L. I. Bushueva)

МУЗЫКАНТ ТАТА МУЗЫКА ТЁПЧЕВСИ
(Л. И. Бушуева 60 çул тултарнă май)

1 апреля 2025 г. свой юбилей отметила Любовь Ивановна Бушуева — старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук. Окончила с отличием Чебоксарское музыкальное училище им. Ф. П. Павлова (1984) по специальности «Теория музыки», с отличием теоретико-композиторский факультет Казанской государственной консерватории (1989) по специальности «Музыковедение», аспирантуру Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (2008). В 2008 г. под руководством доктора искусствоведения, профессора М. Г. Кондратьева защитила кандидатскую диссертацию по теме «Феномен обработки чувашской народной песни в творчестве композиторов: к проблеме композиторского фольклоризма» в Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова по специальности «Музыкальное искусство». В 1985 — 2018 гг. преподавала в Чебоксарской детской музыкальной школе № 5 им. Ф. М. Лукина, на музыкально-педагогическом факультете Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (1991 — 1992), на факультете искусств Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (2003 — 2004, 2010 — 2012), в Чувашском государственном институте культуры и искусств (с 2012 г.). С 2009 г. трудится в Чувашском государственном институте гуманитарных наук, последовательно занимая должности младшего научного сотрудника, научного сотрудника, старшего научного сотрудника искусствоведческого направления. Кандидат искусствоведения (2008), доцент (2019), член Союза композиторов России и Чувашии (2020), член Союза театральных деятелей России и Чувашии (2022).

Л. И. Бушуева является одним из ведущих музыковедов Чувашии, активно исследующих и пропагандирующих традиционную и современную национальную художественную культуру. В ее монографии «Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные “волны”, жанр обработки» (2021) впервые исследовано творчество представителей разных национальных школ, обращавшихся к чувашскому фольклору, выявлен и проанализирован большой пласт неизвестных ранее сочинений, созданных композиторами от периода зарождения национальной музыки до современной практики. Введенные исследователем в научный оборот новые сведения значительно расширили существующие представления о чувашской культуре.

В 2014 г. ею опубликован биобиблиографический справочник «Композиторы Чувашии» в двух частях: «Композиторы Советской Чувашии» (автор — Ю. А. Илюхин; дополнения внесены Л. И. Бушуевой) и «Композиторы Чувашии конца XX — начала XXI века». Единое по форме и музыковедческому стилю издание дополнило и расширило картину развития национального искусства на протяжении большого исторического периода. Творчество композиторов и деятельность ведущих исполнителей Чувашии легли в основу очерков Л. И. Бушуевой в книгах «Мастера музыкального искусства» (2009) и «Мастера театрального искусства» (2010) из серии «Библиотека Президента Чувашской Республики». Она является автором более 100 тематических и биографических статей в четырехтомной «Чувашской энциклопедии».

Из современных композиторов особое внимание она уделила творчеству выдающегося мастера и общественного деятеля А. Г. Васильева. Итогом ее многолетних исследований стало издание сборника статей и материалов «Композитор Александр Васильев» (2017). Уровень квалификации Л. И. Бушуевой позволяет ей быть научным редактором других авторов по проблемам художественного творчества. Это демонстрируют подготовленные ею сборники статей и материалов «Профессиональная подготовка специалис-

тов в системе художественного образования» (2018), «Проблемы изучения истории и теории музыки народов России» (2020), «Народные традиции преемственность поколений и органичность бытования» (2020), где разрабатываются вопросы профессиональной культуры, исследуется современное бытование фольклора. Будучи научным редактором книг «Мастера чувашской скульптуры» (2021) Ю. В. Викторова и «Энциклопедия музыкально-театрального искусства Чувашии» (2022) Ю. В. Васильева, она выходит за пределы узко специального музыковедения.

Проблематика национальной культуры разрабатывается ею и в многочисленных статьях, опубликованных в научных изданиях России и зарубежья: журналах «ИКОНИ/ICONI» (г. Уфа), «Этническая культура» (г. Чебоксары), рецензируемых изданиях «Музыковедение» (г. Москва), «Вестник музыкальной науки» (г. Новосибирск), «Музыка. Искусство, наука, практика» (г. Казань), «Проблемы музыкальной науки» (г. Уфа), «WISDOM» (в соавторстве, г. Ереван).

Л. И. Бушуева активно пропагандирует национальное искусство, расширяя представления о нем среди слушателей и читателей всех возрастов. Ее публикации печатались в журналах «ЛИК Чувашии» и «Ялав», газетах «Советская Чувашия», «Республика», «Чебоксарские новости», «Сцена Чувашии», «Грани». С 2009 г. успешно реализуется ее долгосрочный авторский проект: Международный фестиваль-конкурс национальной музыки, поэзии и изобразительного искусства «Таван Ен».

Будучи ученицей В. А. Ходяшева, Любовь Ивановна проявляет себя и как композитор, автор музыки к художественному короткометражному кинофильму «Посвящение» («Intuition», 2004), ряда инструментальных, вокальных и вокально-хоровых произведений, некоторые созданы на стихи Ю. С. Семендера. Отдельные ее сочинения опубликованы в репертуарных сборниках.

Награды и почетные звания: Почетная грамота Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики (2007), заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2010), ежемесячная государственная стипендия для выдающихся деятелей литературы и искусства Чувашской Республики (2022).

А. И. МОРДВИНОВА,
ведущий научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды Л. И. Бушуевой

Композиторы Чувашии: биобиблиографический справочник / Л. И. Бушуева, Ю. А. Илюхин; науч. ред. и автор предисловия М. Г. Кондратьев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 511 с.

Выпускник Казанской консерватории Ю. А. Илюхин — первый профессиональный музыковед Чувашии // Музыка как национальный мир искусства: материалы Международной научной конференции / сост. и отв. ред. Е. В. Порфирьева. Казань, 2015. С. 346 — 354.

Театр им. К.В. Иванова и национальное музыкальное искусство XX века // Явление Театра народу: сборник статей и материалов: к 100-летию Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова / сост. и науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 52 — 65.

А. Касьянов. Шесть песен чувашского народа // Музыка. Искусство. Наука. Практика. 2018. № 1. С. 77 — 84.

Музыкально-театральное искусство Чувашии: некоторые аспекты изучения вопроса // Вестник музыкальной науки. 2018. № 4. С. 86 — 94.

Musicological Issues in the Research Works of Mikhail Kondratiev // ICONI.2019. No. 1. Pp. 125 — 134.

Мариан Коваль и чувашский фольклор // Музыка. Искусство. Наука. Практика. Казань: Казанская гос. консерватория, 2019. № 1. С. 77 — 82.

Giacomo Puccini's Operatic Legacy and Its Study in the Practice of Vocalists // WISDOM. 2020. No. 2 (15). S. 199 — 209 (в соавт. с Д. Н. Семкиным).

Советские исторические реалии и их отражение в чувашской профессиональной музыкальной культуре // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 474 — 482.

Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные «волны», жанр обработки: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. 304 с.

Музыкальные традиции чувашских поселений Нурлатского района Республики Татарстан // Калейдоскоп культур: сборник материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 228 — 245.

Чувашская музыка в творчестве композиторов Татарстана // Татары и чувашы – ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7 — 8 октября 2021 г.). Казань; Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 306 — 312.

Чувашский фольклор в творчестве Лолиты Чекушкиной // Музыка. Искусство. Наука. Практика. 2021. № 3. С. 55 — 63.

С. Е. Фейнберг и чувашский фольклор: о сборнике «Двадцать пять чувашских песен» // Проблемы музыкальной науки. 2021. № 4. Уфа. С. 123 — 129.

Фольклоризм и его преломление в чувашском музыкальном искусстве. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 37).

Великая Отечественная война в судьбах и творчестве чувашских композиторов и музыковедов // Полилингвальность и транскультурные практики. Слово, образ, знак: Чувашская гуманитарная наука в XXI веке. 2025. Т. 22. № 3. С. 698 — 707.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА, ЛЕКСИКОГРАФ
(к 65-летию Г. А. Дегтярёва)

RESEARCHER OF THE CHUVASH LANGUAGE, LEXICOGRAPHER
(on the 65th anniversary of G. A. Degtyarev)

ЧӐВАШ ЧӐЛХИ ТӐПЧЕВӐСИ, ЛЕКСИКОГРАФ
(Г. А. Дегтярёв 65 ӕул тултарнӐ май)

Языковеду и переводчику Геннадию Анатольевичу Дегтярёву 2 августа 2025 г. исполнилось 65 лет. В настоящее время Геннадий Анатольевич является одним из ведущих ученых Чувашского государственного института гуманитарных наук, он — специалист в области лексикологии и лексикографии современного чувашского языка, занимается проблемами терминологии, перевода и ортологии. Во главе его научных интересов — язык современного чувашского социума в различных его проявлениях.

Будущий исследователь родился в с. Ахманей Моргаушского района Чувашии. Окончил Калайкасинскую среднюю школу, восточный факультет Ленинградского государственного университета, получив диплом тюрколога-филолога (1982), там же прошел обучение в аспирантуре. В 1987 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Лексика земледелия в чувашском языке» в Институте языкознания Академии наук СССР, в 2013 г. получил ученое звание доцента.

Трудовую деятельность в институте Г. А. Дегтярёв начал в 1986 г. в должности старшего научного сотрудника отдела языкознания, вскоре стал ведущим научным сотрудником. В 2013 — 2017 гг. был заведующим отделом словарей, серийных изданий и электронной энциклопедии, с 2017 г. руководит секцией словарей. Он — бессменный член Ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук с 1989 г. Член Межведомственной комиссии по чувашскому языку Чувашской Республики (с 2005 г.), наиболее плодотворными в деятельности которой были годы, когда Геннадий Анатольевич вел работу ответственного секретаря комиссии. В 2003 — 2009 гг. он участвовал в переводе Библии на чувашский язык в качестве эксперта-консультанта по языковым вопросам.

За годы работы в институте Геннадий Анатольевич опубликовал более ста научных работ, в том числе ряд монографий по вопросам чувашской лексикологии и культуры речи, а также словари и учебные пособия, под его научным редактированием вышло около двух десятков изданий (сборники статей и материалов конференций, словари, монографии). Значительным явлением в развитии чувашской лексикографии стал выход в свет составленного им неологического словаря чувашского языка. Лексико-семантические новшества, выявленные и систематизированные в этом труде, явились дополнительной базой для толкового словаря чувашского языка и ряда двуязычных словарей, а также справочным пособием по употреблению лексики новейшего времени.

Г. А. Дегтярёв является разработчиком концепции и руководителем авторского коллектива многотомного «Толкового словаря чувашского языка». К настоящему времени выпущены отредактированные им четыре тома, готовится к изданию очередной том. Он также является основным редактором двухтомного «Чувашско-русского словаря» М. И. Скворцова, вышедшего в 2021 — 2022 гг.

Особый интерес представляет практически ориентированная деятельность ученого. Он — автор кратких отраслевых русско-чувашских словарей — музыкальных, хореографических, компьютерных терминов, терминологии чувашского боевого искусства, один из разработчиков системы орнитологической номенклатуры на чувашском языке. Именно его авторский подход превалирует в чувашезычном лингвистическом пространстве не только Чебоксар, но и республики в целом: тексты официальных названий организаций и учреждений, вывесок и аншлагов на чувашском языке, созданные Геннадием Анатольевичем, представляют собой образцы для других переводчиков.

Научная и общественная деятельность Г.А. Дегтярёва неоднократно отмечалась наградами, среди которых — почетные грамоты Чувашской Республики (2005) и Государ-

ственного Совета Чувашской Республики (2010), нагрудный знак Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики «За достижения в культуре» (2020), почетное звание «Заслуженный работник образования Чувашской Республики» (2025).

А. П. ДОЛГОВА,
старший научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды Г. А. Дегтярёва

Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. 140 с.

Чăваш чĕлхин сĕнĕлĕх словарь [Неологический словарь чувашского языка]. Шупашкар: ЧПГĂИ. 1 т. 2003. 228 с.; 2 т. 2017. 320 с.

Ĕмĕрсен чиккинчи чăваш чĕлхи: сĕнĕ сăмахсемпе терминсем тата пайăр ятсем [Чувашский язык на рубеже веков: Неология, терминология и ономастикон]. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2014. 140 с.

Опыт нормализации биологической терминологии в чувашском языке: на примере орнитологической номенклатуры. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 128 с. (в соавт.).

Тăван чĕлхе культуры [Культура чувашской речи]. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2017. 180 с.

Тематический диалектологический словарь чувашского языка: названия животных и растений = Чăваш чĕлхин тематикалла диалектологи словарь: чĕрчунпа ўсен-тăран ячĕсем. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 159 с.

Чувашский язык в условиях современного общества: проблемы витальности, вариантности и нормативности. Чебоксары, 2024. 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 38).

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

ПЕРВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРЕБЫВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

THE FIRST STUDY ON THE STAY OF THE IMPERIAL FAMILY REPRESENTATIVES IN CHUVASHIA

ИМПЕРАТОР ҶЕМЙИН ҶЫННИСЕМ ЧӀАВАШ ЕНРЕ ПУЛНИ ҶИНЧЕН ПӒРРЕМӒШ ТӒПЧЕВ

Рец. на книгу: Гусаров Ю. В. Представители династии Романовых в Чувашии: исторические очерки. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2024. — 144 с. : ил.

А. Г. Берман,
заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории
Чувашского государственного педагогического университета
им. И. Я. Яковлева, кандидат исторических наук, доцент,
г. Чебоксары, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3574-327X>
galba@rambler.ru

The review on the book: Gusarov Y. V. The representatives of the Romanov Dynasty in Chuvashia: Historical sketches. — Cheboksary : Chuvash Book Publishing, 2024. — 144 pages : il.

A. G. Berman,
The head of the Department of Russian and World History,
Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev,
candidate of Historical Sciences, associate professor,
Cheboksary, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3574-327X>
galba@rambler.ru

КӒнеке: рец.: Гусаров Ю. В. Романовсен династийӒн Ҷыннисем ЧӀаваш Енре: истори очеркӒсем. — Шупашкар : ЧӀаваш кӒнеке изд-ви, 2024. — 144 с. : ил.

А. Г. Берман,
И. Я. Яковлев ячӒллӒ ЧӀаваш патшалӒх педагогика университетӒн
тӒван ҶӒр-шыв историйӒпе пӒтӒмӒшле истори кафедрын пуслӒхӒ,
истори ӒслӒлӒхӒсен кандидачӒ, доцент,
Шупашкар хули, РаҶҶей
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3574-327X>
galba@rambler.ru

© Берман А. Г., 2025

Одной из важнейших функций истории является экзистенциальная, суть которой заключается в желании человека овладеть временем, остановить и повернуть вспять неумолимое колесо истории, которое уносит в небытие как близких нам дорогих людей, так и целые города и эпохи. Из желания вернуть из небытия то, что ушло в эту бездну, вырастает интерес человека к истории своей семьи, своего рода, своего города. Так появляется направление исторических исследований, которое называется историческим краеведением. С другой стороны, взятая отдельно от истории большой страны история семьи, города или даже целого народа есть ничто иное, как абстракция. Хотим

мы или нет, но история региона приобретает свое действительное значение только в контексте общей истории с другими регионами, а направление этой общей истории задается только тем большим государством, в котором эти народы живут. В нашем случае история региона раскрывается в неразрывной связи с историей России. И в самом наглядном, живом виде эта неразрывная связь проявляется тогда, когда посещение главой великого государства какого-либо региона становится предметом изучения историка. На мой взгляд, сочетание краеведческого, чувашского и общероссийского компонентов нашло прекрасное отражение в научно-популярной книге Ю. В. Гусарова, посвященной посещению Чувашского края представителями некогда царствовавшей династии Романовых.

Юрий Владимирович Гусаров — известный историк, ведущий специалист по истории города Чебоксары конца XVII — начала XX вв. Юрию Владимировичу принадлежит ряд статей в Чувашской энциклопедии, им написаны содержательные очерки истории чебоксарских городских и пригородных монастырей, истории Чебоксарского духовного училища, ряд статей о городских деятелях конца XIX — начала XX столетий. При этом работы ученого неизменно содержат новые исторические данные, основанные на кропотливом изучении архивных материалов, благодаря чему они вводятся в научный оборот.

В 2010 г. вышел очерк Ю. В. Гусарова, посвященный пребыванию в г. Чебоксары Петра Великого. В последующие годы появились статьи о посещении территории современной Чувашии представителями правящего Дома Романовых, которые сложились в книгу исторических очерков. Таким образом, можно сказать, что труд, который читатель держит в руках, явился результатом пятнадцатилетней кропотливой работы автора с опубликованными материалами и архивными источниками.

Если говорить об актуальности этого труда, то сомневаться в ней не приходится. Как было сказано выше, изучение истории родного края имеет смысл только в контексте с историей своей страны. В последние годы наше государство стало обращать пристальное внимание на борьбу с фальсификацией истории, и рассмотрение истории Чувашского края в связи с вниманием к нему первых лиц страны получает еще и своеобразное идеологическое преломление.

Несомненным достоинством книги Ю. В. Гусарова является тщательная проработка историографических и источниковых составляющих. Автором учтены все известные публикации, касающиеся исследуемых сюжетов. В ряде случаев указано на ошибки предшественников, тем более что растиражированные прессой, они порой уходили в массовое сознание и формировали искаженное представление о событиях, связанных с посещением Чувашского края царствующими особами. Надо отметить, что в советское время эти сюжеты не пользовались особой популярностью, поэтому приходилось иметь дело в основном с дореволюционной литературой, что сродни работе в архивах в связи с ее малодоступностью. При этом автор неизменно старается проверять опубликованные данные архивными источниками.

Особо надо отметить, что Юрий Владимирович старается всякий раз не просто описать пребывание того или иного правителя в Чувашском крае, а дает конкретную привязку к городским или сельским ландшафтам. Такой подход позволяет читателю отнестись к посещению города или села монархом не как к чему-то далекому и абстрактному, а посмотреть на него, так сказать, «на месте», особенно если то или иное строение сохранилось до наших дней. Попутно читатель узнает из очерков массу разнообразной и занимательной исторической информации: где находился тот или иной дом, кто были его владельцы, какова судьба строения и его хозяев, сколько стоило городу посещение царствующей особы, какие были в те времена цены на продукты, сколько было съедено и выпито свитой дорогого гостя, как отнеслись местные жители к визиту, как сказалося пребывание венценосной особы на благоустройстве территории и т. д., и т. п. Таким образом, каждый сюжет о визите того или иного Романова превращается в увлекательный очерк повседневной жизни жителей Чувашского края. Мы бы особо отметили, что в книге содержатся очень интересные сведения о жизни провинциального дворянства.

Между тем история дворянства в Чебоксарах до сих пор является недостаточно исследованной областью.

В структуру книги положен хронологический принцип, вполне уместный в данном случае. В книге рассмотрены посещения территории современной Чувашии следующими царствующими особами: Петром I вместе с женой Екатериной I; Екатериной II; Павлом I. Рассказано о проследовавших мимо Чебоксар императорах Николае I и Александре II. В книгу вошли также очерки о пребывании в Чувашском крае других представителей Дома Романовых, включая цесаревичей, и праздновании 300-летия царской династии в Чебоксарах. Книгу завершают очерки, посвященные истории дома Соловцова в Чебоксарах (нынешнее здание Чебоксарского художественного училища) и истории топонимики, связанной с пребыванием представителей Романовых в крае. В книге имеются цветные и черно-белые иллюстрации с портретами представителей семьи Романовых, редкие фото Чебоксар и реконструкции чебоксарской застройки XVIII в., выполненные известным краеведом и художником И. К. Кугураковым. Книга снабжена полноценным научно-справочным аппаратом.

Книга Ю. В. Гусарова «Представители династии Романовых в Чувашии: исторические очерки» издана Чувашским книжным издательством, что является залогом качественного художественного оформления и полиграфии.

Книга написана доступным языком, по стилистике это увлекательное повествование, которое вызовет самый благосклонный интерес у читателей.

Труд Ю. В. Гусарова можно рекомендовать самому широкому кругу читателей: школьникам, студентам, учителям и преподавателям истории, всем, кто живо интересуется историей Отечества и историей родного края. Несомненно, что эта работа известного исследователя вносит значительный вклад в развитие местного исторического краеведения, является ярким событием в интеллектуальной жизни Чебоксар и Чувашии.

Рецензия поступила в редакцию 19.06.2025, принята к публикации 13.10.2025;
the reviewed was submitted 19.06.2025, accepted for publication 13.10.2025;
рецензи редакцие 19.06.2025 ситнӗ, пичетлеме 13.10.2025 йышӑнӑ.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approver the final version of the manuscript;
автор ал сырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ

СИМВОЛЫ И КОДЫ УДМУРТСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

SYMBOLS AND CODES OF UDMURT CULTURE

УДМУРТ КУЛЬТУРИН СИМВОЛӐСЕМПЕ КОЧӐСЕМ

Рец. на монографию: Душенкова Т. Р. Коды удмуртской культуры / УдмФИЦ УрО РАН. — Ижевск, 2024. — 504 с.

Р. Р. Садиков,

главный научный сотрудник отдела этнографии
Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
доктор исторических наук,
г. Уфа, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>

kissapi@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН № 1024031800139-2-6.5.1 «Народы Южного Урала и Приуралья: этнокультурное наследие в реалиях современности».

The review on the monograph: Dushenkova T. R. Codes of Udmurt culture / Udmurt federal research center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. — Izhevsk, 2024. — 504 p.

R. R. Sadikov,

chief researcher of the Department of Ethnography
the Institute of Ethnological Research R. G. Kuzeev
Ufa federal research center of the Russian Academy of Sciences,
doctor of Historical Sciences,
Ufa, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>
kissapi@mail.ru

Монографи: рец.: Душенкова Т. Р. Удмурт культури кочёсем / РӚАА Урал уй-рӚмён Удмурт федераци тӚпчев центрӚ. — Ижевск, 2024. — 504 с.

Р. Р. Садиков,

РӚАА Ёпхӹ федераци тӚпчев центрӚн
Р. Г. Кузеев ячӚллӚ этнологи тӚпчевӚсен институтӚн
этнографи пайӚн ӚслӚлӚх тӚп ӚтешӚ,
истори ӚслӚлӚхӚсен докторӚ,
Ёпхӹ хули, РацӚей
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>
kissapi@mail.ru

© Садиков Р. Р., 2025

В культуре любого народа важное значение имеет религиозно-мифологическая составляющая, определяющая его мироощущение и поведение. Комплекс мифологическо-символических представлений этноса напрямую связан с историческим прошлым народа и его настоящим, он влияет на его мировоззрение и психологические особенности. В прошлом символическим мышлением были проникнуты все стороны жизнедеятельности человека. В настоящее время, несмотря на процессы глобализации, секуляризации и распространения научного мировоззрения, во многих сферах культуры религиозные и мифологические представления удерживают свои прочные позиции.

Весь комплекс данных представлений народа в аккумулированной форме предстает в виде культурных кодов — смыслов и символов, зашифрованных в той или иной знаковой системе. Каждой этнической культуре свойственны свои лингвистические образы, в которых зафиксировались древние символы. Культурный код — система знаков материальных и духовных культурных смыслов. Культурные коды, по признанию специалистов, находят воплощение в произведениях фольклора, особенно в сакральных и магических текстах, в народном декоративно-прикладном искусстве, в частности, вышивке, современном литературном и изобразительном творчестве и т. д. Изучением культурных кодов занимаются когнитивная лингвистика и лингвокультурология — интенсивно развивающиеся направления современной науки.

Удмуртская культура в лингвокультурологическом и семиотическом аспектах исследована сравнительно слабо. Среди работ этнографов, посвященных символизму культуры, необходимо отметить диссертацию П. А. Орлова «Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры)» (Ижевск, 1999). В работе на большой источниковой базе рассмотрены знаковые статусы и символизм жилища, одежды и пищи в удмуртской культуре. На высоком профессиональном уровне выполнена работа выдающегося фольклориста Т. Г. Владыкиной «Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал» (Ижевск, 2018). Целью данного исследования явились анализ и синтезирование традиционного мировосприятия удмуртов через призму фольклорных текстов. В коллективной монографии «Предметные реалии удмуртской этнокультуры» (Ижевск, 2021) представ-

лен предметно-символический мир удмуртской этнической культуры на основе анализа фольклорно-этнографических, лингвистических и художественных материалов.

Большую работу по раскрытию семантики и знаковой сущности основных составляющих удмуртской культуры проводит Татьяна Рудольфовна Душенкова — кандидат филологических наук, лингвист, литературовед, старший научный сотрудник УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ее предыдущие монографии «Неомифологизм в удмуртской поэзии середины 1990-х годов» (Ижевск, 2013), «Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира» (Ижевск, 2020), «Эмоциосфера удмуртской языковой картины мира» (Ижевск, 2020) стали знаковыми вехами в исследовании смыслового содержания удмуртской культуры в целом и литературы в частности.

В новом монографическом труде «Коды удмуртской культуры» (Ижевск, 2024) ученый, основываясь на лингвокультурологической методике, проводит глубокий анализ и расшифровку культурных кодов удмуртов, зашифрованных в языковых единицах, фольклорных текстах, обрядовых традициях, вышивке и других видах декоративно-прикладного искусства, литературных и изобразительных произведениях и т. д. Книга делится на три главы, в которых рассматриваются астрономический, фитоморфный и зооморфный коды удмуртской культуры, которые являются наиболее архаичными, связанными с природным окружением народа.

На основе огромной источниковой базы исследователь раскрывает знаково-символическую сущность понятий *солнце, луна, звезда*, множества трав и деревьев (в том числе обладающих высоким религиозным статусом березы и ели), животных и птиц, как домашних, так и диких, пресмыкающихся, земноводных, рыб и насекомых. Таким образом, автор на основе многочисленных примеров создает яркую картину символизма слов-понятий и образов, присущих только удмуртской культуре и которые объясняют особенность мышления удмуртского народа.

Работа учитывает современные достижения и методологические разработки многих смежных дисциплин, как то: лингвистики, этнографии, фольклористики, литературоведения, культурологии и др. Данное издание ценно как в научном, так и в практическом значении. Удмуртская культура в ней впервые рассматривается в лингвокультурологическом аспекте, анализируются многие базовые и архаичные концепты и коды. Она дает сравнительный материал для подобных исследований по культурным кодам других народов Урало-Поволжья и шире. Исследования в этой сфере находятся, к сожалению, в начальной стадии. Нельзя не отметить в этой связи замечательную монографию Л. А. Абукаевой «Концептосфера марийской этнической религии» (Йошкар-Ола, 2024).

В качестве небольшого замечания хотелось бы отметить, что некоторые примеры при раскрытии символизма тех или иных понятий используются автором многократно, часто неся в себе одну и ту же информацию. Также хотелось бы видеть более масштабное использование сакральных текстов при раскрытии религиозно значимых кодов.

В целом, рассматриваемая монография представляет собой своеобразную энциклопедию удмуртской культуры, в которой раскрывается ее смысловое содержание. В ней народное миропонимание, мировоззрение, философия соотносятся с научным дискурсом, что позволяет читателям глубже понять сущность этнической культуры удмуртов. Хочется пожелать автору дальнейших успехов в этом пионерском направлении исследований в удмуртологии.

Рецензия поступила в редакцию 05.11.2025, принята к публикации 05.11.2025;
the reviewed was submitted 05.11.2025, accepted for publication 05.11.2025;
рецензи редакцие 05.11.2025 ситнӧ, пичетлеме 05.11.2025 йышӧннӧ.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сыравӧн юлашки вариантне вуласа тухнӧ тата ырланӧ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE / ЁСЛЅЛЅХ ПУРНЅЁ

ХРОНИКА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ЧГИГН В 2025 ГОДУ

CHRONICLE OF SCIENTIFIC AND PRACTICAL EVENTS OF THE CHUVASH STATE INSTITUTE OF HUMANITIES IN 2025

ЧГПЅИ 2025 ЅУЛХИ ЅСЛЅЛЅХ-ПРАКТИКА МЕРОПРИЯТИЙЁСЕН ХРОНИКИ

13 января в одном из филиалов Чувашского национального музея — Музейно-выставочном центре (г. Чебоксары, бульвар купца Ефремова, 10) — открылась выставка «По следам древних племен. Результаты археологических раскопок Сендимиркинского могильника II — III вв.», подготовленная совместно с археологами Чувашского государственного института гуманитарных наук.

С 2025 г. по решению Ученого совета института начинает выходить научный рецензируемый журнал «Современная гуманитаристика». Он продолжит традиции журнала «Чувашский гуманитарный вестник», который издавался с 2006 г. Журнал будет выполнять важную миссию по координации гуманитарных исследований в области истории, археологии, этнологии и этнографии, искусствоведения, литературоведения, языкознания, фольклористики и других отраслей гуманитарного знания.

Увидел свет сборник Всероссийской научно-практической конференции «Ашмаринские чтения», проведенной 21 ноября 2024 г. в г. Чебоксары на базе ЧГУ им. И. Н. Ульянова. В сборник вошли труды сотрудников ЧГИГН: Гаврилов А. Д. Медиатеатральность сельских жителей Чувашии: аграрный блогинг; Леонтьев А. П. Ѕимёк / тапǎ / похǎ / Уяв / Вайǎ и хороводные традиции чувашей; Никифорова В. В. Миф в художественном мире чувашской прозы; Родионов В. Г. Асаплануǎǎ сǎвǎǎн (Ѕёспёлён) юлашки кунёсем; Софронова И. В. Станислав Сатур поэзийёнчи ирёклё сǎвǎ виǎи (в соавт.).

С 28 января по 4 февраля в археологической лаборатории ЧГИГН провел свои исследования кандидат биологических наук, российский антрополог и археолог, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова Денис Валерьевич Пежемский.

7 февраля в институте состоялась итоговая научная сессия, посвященная Дню российской науки. Мероприятие, приуроченное к профессиональному празднику ученых, традиционно собрало представителей научного и образовательного сообщества Чувашии: исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов. Сессия охватила два заседания: «Чувашская автономия в системе экономического районирования РСФСР в 1920 — 1930-е годы» и «Актуальные проблемы этнической истории и традиционной культуры чувашского народа». Первое открыл доклад кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Владимира Клементьева «Чувашия в составе Нижегородского / Горьковского края (1929 — 1936): исторический опыт взаимоотношений автономной республики и краевого территориального образования», продолжил сессию доклад кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Георгия Матвеева «Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование».

В институте издана очередная монография из серии «Строй чувашского языка» — «Синтаксис чувашского языка: Словосочетание. Простое предложение». Автор — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Алевтина Долгова.

21 февраля, в Международный день родного языка, в Национальной библиотеке Чувашской Республики состоялся День научной книги — прошла презентация научных изданий ЧГИГН, вышедших в 2024 г. Открывая мероприятие, его модератор, заместитель директора по науке и развитию Ирина Кириллова подчеркнула: «Сегодня мы проводим своего рода День чувашской научной книги. Все наши издания тесно связаны с нашим

родным чувашским языком. Именно родной язык является носителем исторической памяти народа, его традиций, символом преемственности поколений». Со вступительным словом к присутствующим обратился директор института Юрий Исаев.

В журнале «Вестник антропологии» (2025, № 1) Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН опубликована статья кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника ЧГИГН Дмитрия Егорова «Мифология похоронной обрядности чувашей».

Учебное пособие «Литература народов России» (Москва: ИНФРА-М, 2022), соавторами которого являются доктор филологических наук, ведущие научные сотрудники ЧГИГН Виталий Родионов и Альбина Мышкина, признано победителем IV Международного конкурса профессиональных авторов ПРОЗНАНИЕ в номинации «Электронные книги: самый читаемый электронный учебник».

В научном журнале «Финно-угроведение» (2025, № 1) МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева опубликована статья кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ЧГИГН Алексея Леонтьева «К биографии профессора И. Н. Смирнова».

8 апреля в гостях в институте побывала кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан Е. П. Ключевская. Ее визит связан с выходом в свет первого тома Собрания сочинений В. К. Магницкого. Екатерина Петровна — правнучатая племянница известного этнографа.

9 апреля компания «Яндекс» вручила сотрудникам института Геннадию Дегтярёву и Денису Леонтьеву благодарственные письма, отметив их вклад в интеграцию чувашского языка в сервисы «Яндекса» и создание базы данных для разработки технологии синтеза и распознавания чувашской речи.

В «Вестнике Чувашского университета» (2025, № 1) увидела свет научная статья доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника ЧГИГН Виталия Родионова «Трансформация “образа покровителя” и локализация “источника зла” в личностном сознании чувашского этноса начала XX века».

17 апреля прошел круглый стол «Министерство образования Чувашской Республики: веки истории (к 100-летию создания)». В его работе приняли участие экс-министры образования Чувашии Ю. Н. Исаев, В. Н. Иванов, С. В. Кудряшов, а также работники министерства, сотрудники ЧГИГН и ЧРИО.

В «Вестнике ЧГПУ им. И. Я. Яковлева» (2025, № 1) увидела свет статья кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ЧГИГН Алексея Леонтьева «“Атлэ юрри” — предтеча чувашских художественно-литературных журналов».

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник института Эдуард Лебедев принял участие в работе XXXIII Международного научного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Санкт-Петербургский государственный университет, 16 — 18 апреля).

23 апреля в Национальной библиотеке Чувашской Республики состоялся круглый стол «Проблемы художественного перевода с языков России и мира», в котором приняли участие писатели и переводчики Чувашии и соседних регионов, а также гости из Москвы. ЧГИГН представляли кандидат филологических наук Галина Ильина и кандидат исторических наук Алексей Леонтьев.

С 5 по 7 мая в Чебоксарах работала Международная научно-практическая конференция «Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945)». Организаторы — Министерство образования Чувашской Республики, Совет ректоров вузов Чувашской Республики, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российское военно-историческое общество и Российское общество «Знание». Форум, приуроченный к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, объединил историков и других ученых-гуманитариев из России, Азербайджана, Республики Беларусь, Болгарии, Китая, Кыргызстана, Сербии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

7 мая в рамках совместной археологической экспедиции ЧГИГН и Института археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан проведены научно-исследовательские геофизические (магнитометрические) работы на объекте археологического наследия Большетаябинское городище X — XIII вв. (Яльчикский муниципальный округ).

22 мая археологи ЧГИГН совместно с Чувашским национальным музеем, администрацией Чебоксарского муниципального округа, музеем «Бичурин и современность» и Союзом чувашских краеведов провели «XXI Абашевские историко-краеведческие чтения».

28 мая в институте состоялось расширенное заседание секции словарей, посвященное перспективам развития Национального корпуса чувашского языка.

В соответствии с распоряжением Главы Чувашской Республики от 26 мая 2025 г. № 261-рг за создание высокохудожественных произведений и фундаментальные исследования в области науки, литературы и искусства назначена ежемесячная государственная стипендия сроком на один год ведущему научному сотруднику исторического направления, кандидату исторических наук Валентине Григорьевне Харитоновой.

В соответствии с распоряжением Главы Чувашской Республики от 29 мая 2025 г. № 273-рг за особые заслуги в развитии науки назначено ежемесячное пожизненное государственное пособие ведущему научному сотруднику исторического направления, кандидату исторических наук, доценту Георгию Борисовичу Матвееву.

В рамках III Международной книжной ярмарки «Китап-Байрам» в Уфе подвели итоги конкурса «Книга года на земле Урал-Батыра». На рассмотрение жюри под председательством президента Ассоциации книгоиздателей России Константина Чеченева поступило 130 изданий. Книга «Представители династии Романовых в Чувашии» ведущего научного сотрудника ЧГИГН, кандидата исторических наук Юрия Гусарова стала дипломантом II степени в номинации «Издание, вносящее вклад в диалог культур».

23 июня в СОШ № 3 г. Ядрина состоялась научно-практическая конференция «Этнос, культура, язык: традиции и новации», посвященная 155-летию со дня рождения ученого-тюрколога, члена-корреспондента АН СССР Николая Ивановича Ашмарина. В открытии конференции принял участие директор ЧГИГН Юрий Исаев, на пленарном заседании выступили ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук Эдуард Лебедев и научный сотрудник, кандидат исторических наук Александр Чибис.

25 — 27 июня в Чебоксарах состоялась II Международная научно-практическая конференция «Славяно-тюркский мир: история и современность», приуроченная к 105-летию создания национальных автономий в РСФСР и 100-летию Чувашской АССР. Организаторами мероприятия выступили Министерство образования Чувашской Республики, Российское военно-историческое общество, Российское общество «Знание», Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Совет ректоров вузов Чувашской Республики, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. Форум объединил более 190 историков, лингвистов, социологов, этнологов и других ученых из крупнейших научных и образовательных учреждений Российской Федерации (более 30 регионов), Азербайджана (Баку, Гянджи), Республики Беларусь (Минск, Витебск), Казахстана (Алматы, Астана), Кыргызстана (Бишкек, Ош), Узбекистана (Ташкент, Андижан, Чирчик), Молдовы (Комрат), Туркменистана (Ашхабад, Дашогуз), Китая (Чунцин).

2 — 6 июля в г. Перми работал XVI Конгресс антропологов и этнологов России. В секции «Народы Поволжья и Приуралья: этнокультурная динамика, идентичность, межэтнические взаимодействия» выступили сотрудники секции этнологии ЧГИГН кандидаты исторических наук Димитрий Егоров (тема: «Ритуальные специалисты чувашей: статус, функции, магические практики») и Евгения Сергеева (тема: «Охранительные и обережные обряды чувашей: половозрастной аспект»).

В журнале «Татарская наука» (2025, № 2) опубликована рецензия ведущего научного сотрудника ЧГИГН, кандидата филологических наук Галины Ильиной на научно-популярную монографию Л. Х. Давлетшиной «Мир вокруг нас: о современном состоянии мифологической традиции татар».

Увидела свет книга научного сотрудника, кандидата исторических наук Е. В. Сергеевой «Чувашское сельское сообщество во второй половине XIX — начале XX века в половозрастном измерении».

5 августа в Цивильском муниципальном округе на территории лагеря «Звездный» археологи ЧГИГН обнаружили следы первого жилища людей эпохи палеолита. Открытие уникально не только для Чувашии. Подобные объекты в нашем регионе еще не фиксировали.

Указом Главы Чувашской Республики № 133 от 19 августа 2025 г. за заслуги в области образования и многолетнюю добросовестную работу присвоено почетное звание «Заслуженный работник образования Чувашской Республики» Дегтярёву Геннадию Анатольевичу — ведущему научному сотруднику ЧГИГН, кандидату филологических наук, доценту.

20 августа в стенах ЧГИГН собрались около 100 учителей истории и обществознания, чтобы обсудить актуальные проблемы преподавания учебного предмета «История нашего края. Чувашия» в условиях реализации ФГОС. Участников приветствовал директор института Юрий Исаев.

26 августа в рамках празднования 90-летия Государственного архива современной истории Чувашской Республики в Чебоксарах состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Сохраняя прошлое — создаем будущее: архивное дело и историческое наследие». На секционной площадке с докладами выступили ученый секретарь ЧГИГН, кандидат исторических наук Дмитрий Басманцев и ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук Валентина Харитонова.

В научном журнале «Исследования. Инновации. Практика» (2025, № 4) опубликована статья кандидата исторических наук Алексея Леонтьева «Г. И. Комиссаров — педагог-просветитель, историк народного образования чувашей».

4 — 5 сентября в с. Батырево Чувашии состоялась Международная научно-практическая конференция «Тигашевский археологический комплекс в контексте средневековой эпохи: история изучения, перспективы исследования, культурное наследие». На площадках форума выступили кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЧГИГН Николай Мясников с докладом «Работы Чувашской археологической экспедиции ЧГИГН в окрестностях д. Тигашево в 2019 году» и старший научный сотрудник Евгений Михайлов с докладом «История изучения археологических памятников в окрестностях д. Тигашево».

Чувашское книжное издательство выпустило иллюстрированную монографию главного научного сотрудника ЧГИГН, доктора искусствоведения М. Г. Кондратьева «Кёсле — музыкальный инструмент чувашского народа в истории и современной культуре».

С 16 по 18 сентября в Республике Алтай на площадке «Манжерок» работала II Международная научно-практическая конференция «Алтай — прародина тюрков. К истории зарождения тюркской цивилизации». На форуме ЧГИГН представляли его директор, доктор филологических наук Юрий Исаев и ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук Эдуард Лебедев.

23 сентября в Национальной библиотеке Чувашской Республики состоялась презентация антологии «Современная литература народов России. Поэзия и проза тюркских и монгольских народов» (Москва, 2024). Мероприятие было организовано Чувашским государственным институтом гуманитарных наук совместно с Национальной библиотекой Чувашской Республики. Основная работа по подготовке материалов чувашских авторов проводилась региональной редакцией и ЧГИГН во главе с его директором Юрием Исаевым. Автор обзорной статьи — кандидат филологических наук Вера Никифорова. Модератором мероприятия выступила заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН, кандидат филологических наук Ирина Кириллова.

24 сентября Государственный исторический архив Чувашии представил общественности сборник документов и материалов «Повседневная жизнь населения Чувашии в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.». Состоящий из 260 документов, он раскрывает особенности повседневной жизни населения Чувашской АССР в военном тылу. Ответственный составитель издания — главный научный сотрудник ЧГИГН, доктор исторических наук, профессор Иван Бойко.

25 — 26 сентября в Академии наук Республики Татарстан состоялся V Международный научный семинар «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика». В мероприятии приняли участие заместитель директора ЧГИГН, кандидат филологических наук Ирина Кириллова и старший научный сотрудник, кандидат филологических наук Ирина Софронова.

2 — 3 октября на базе МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в России: достижения и перспективы». Заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН, кандидат филологических наук Ирина Кириллова в приветственном слове особо отметила сложившиеся доброжелательные отношения между сотрудниками ЧГИГН и МарНИИЯЛИ. В разных секциях с докладами выступили сотрудники ЧГИГН: кандидат исторических наук Дмитрий Егоров (очно), младший научный сотрудник Анна Антипина (заочно), кандидат исторических наук Евгения Сергеева (заочно), кандидат исторических наук Владимир Клементьев (заочно), кандидат исторических наук Георгий Матвеев (заочно), кандидат филологических наук Ирина Лукина (онлайн), доктор филологических наук Альбина Мышкина (очно), кандидат филологических наук Олег Студенцов (заочно), кандидат филологических наук Вера Никифорова (заочно), кандидат филологических наук Галина Ильина (очно), кандидат философских наук Ольга Михайлова (заочно), доктор исторических наук Иван Бойко (заочно), кандидат исторических наук Валентина Харитоновна (заочно), кандидат филологических наук Артем Гаврилов (заочно).

7 октября прошел круглый стол «О начале истории профессионального изобразительного искусства Чувашии», приуроченный к 135-летию со дня рождения народного художника Чувашии М. С. Спиридонова (1890 — 1981).

16 октября состоялся семинар «Двуязычный свод чувашского фольклора: вопросы перевода». Своим опытом поделились сотрудники ЧГИГН доктор искусствоведения Михаил Кондратьев, кандидаты филологических наук Алевтина Долгова, Геннадий Дегтярёв, Юдит Дмитриева-Салонтай, Галина Ильина, Надежда Ефремова-Ильина, лаборант Альбина Иванова, кандидат исторических наук Алексей Леонтьев.

20 — 22 октября в Академии наук Республики Татарстан прошел Международный научный симпозиум «Современные тенденции развития лингвистической науки: проблематика и методология исследований». Приняли участие представители региональных научных институтов Поволжья и Приуралья, а также ученые из Москвы, Перми, Якутска и Новосибирска. Заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН Ирина Кириллова рассказала о проблемах и стратегиях сохранения этнокультурной идентичности и национального языка в условиях глобализации и межэтнического взаимодействия. В работе симпозиума и молодежной школы приняли активное участие сотрудники ЧГИГН Галина Ильина, Артем Гаврилов, Евгения Сергеева, Ирина Лукина, Полина Васильева. По завершении форума всем участникам были вручены сертификаты.

21 — 22 октября г. в КВЦ «Патриот» (Московская обл.) работал II Совет регионов России и Узбекистана. Российскую делегацию возглавлял первый заместитель Председателя Правительства России Денис Мантуров. В составе делегации от Чувашской Республики был директор ЧГИГН Юрий Исаев.

Увидел свет сборник материалов Международной научно-практической конференции «Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945)», проходившей 5 — 7 мая 2025 г. в г. Чебоксары.

29 октября в ЧГИГН состоялась презентация монографии главного научного сотрудника института, доктора искусствоведения, члена Союза композиторов Российской Федерации Михаила Кондратьева «Кёсле — музыкальный инструмент чувашского народа в истории и современной культуре». С приветственным словом выступил директор ЧГИГН Юрий Исаев, отметив творческий подход автора и значимость его монографии как фундаментального вклада в изучение чувашских народных инструментов.

7 ноября в Чувашском государственном художественном музее прошла научная лекция кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника ЧГИГН Николая Мясникова, посвященная столетию открытия Абашевской археологической культуры.

2 — 13 ноября в Йошкар-Оле прошла VII Всероссийская научно-практическая конференция «Регионы России в военной истории страны» на базе МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева в рамках реализации научно-просветительского проекта «Без срока давности» в соответствии с поручением Президента Российской Федерации Владимира Путина. На торжественном открытии конференции с приветственным словом к участникам, гостям и организаторам форума обратился директор ЧГИГН, заместитель председателя Регионального отделения Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Чувашской Республике Юрий Исаев.

18 ноября состоялся Республиканский научно-просветительский форум «Этнические и конфессиональные процессы в Волго-Урале: история и современность», посвященный 170-летию со дня рождения этнографа, священника, просветителя, педагога, переводчика и общественного деятеля Даниила Филимоновича Филимонова (1855 — 1938). Заслушаны пять докладов, экспонирована выставка «Православный просветитель (к 170-летию Д. Ф. Филимонова)».

20 — 21 ноября в Центральном выставочном зале «Манеж» (г. Москва) работал Международный научно-практический форум «Без срока давности. Нюрнберг. 80 лет», приуроченный к 80-й годовщине начала Международного военного трибунала над главными нацистскими преступниками. В числе участников из Чувашии был директор ЧГИГН Юрий Исаев.

21 ноября в Институте татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова (г. Казань) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Казань тысячелетняя», приуроченная к 1020-летию юбилею города. Со своими докладами выступили сотрудники ЧГИГН — кандидат исторических наук, ученый секретарь Дмитрий Басманцев, доктор исторических наук Иван Бойко, кандидаты исторических наук Валентина Харитонова и Наталия Головина, кандидат филологических наук Алевтина Долгова.

25 ноября проведен круглый стол «Археологические открытия в Чувашии в 2025 году», посвященный итогам полевого сезона 2025 года. Археологи рассказали о раскопках Цивильской стоянки-мастерской II «Звездный», серии памятников середины I тыс. н. э., открытых в Шемуршинском муниципальном округе, исследованиях чувашских могильников на территории Чувашской Республики, поделились итогами охранных раскопок в исторической части г. Чебоксары по ул. М. Сеспеля и др.

27 — 28 ноября в Москве работал Всероссийский съезд учителей родных языков народов Российской Федерации, организованный Федеральным институтом родных языков при поддержке Министерства просвещения России.

28 ноября прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Чувашский язык и культура речи в современном информационном обществе», посвященная 75-летию со дня рождения исследователя чувашского языка, поэта и переводчика П. Я. Яковлева (Петра Яккусена) и 20-летию сетевого издания «Чăваш халăх сайчĕ».

1 декабря состоялся круглый стол «Конституция республики — фундамент успешного развития Чувашии сегодня», приуроченный к 25-летию Основного Закона Чувашской Республики.

По материалам сайта ЧГИГН подготовил А. П. ЛЕОНТЬЕВ

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Принятые редакцией статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

2. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, или автор, не имеющий ученой степени, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

3. Статьи публикуются на русском, английском и чувашском языках.

4. Объем текста статьи должен составлять от 0,5 до 1 (одного) печатного листа (40 000 печатных знаков с пробелами), включая рисунки, таблицы и графики.

5. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

6. Рисунки представляются отдельно в формате .jpeg, подрисовочные подписи выполняются 12 кеглем.

7. Текст таблиц набирается 12 кеглем. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

8. **Структура статьи** (ГОСТ Р 7.0.7—2021):

1) *в начале* на отдельной строке слева: УДК (индекс универсальной десятичной классификации), под ним ББК (код библиотечно-библиографической классификации) (присваиваются редакцией). Отдельной строкой слева указывается тип статьи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; дискуссионная статья; персоналии; редакторская заметка; рецензия на книгу; рецензия на статью, спектакль и т. п.

2) *Заглавие статьи*

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования.

3) *Инициалы и фамилия автора*; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку, со знаком ✉).

4) *Аннотация*

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации — 150 — 250 слов.

5) *Ключевые слова*

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 5 и больше 15 слов (словосочетаний).

6) *Финансирование* (при необходимости).

7) *Благодарности* (при необходимости).

Данные п. 1 — 7 представляются в переводе на английский и чувашский языки и размещаются после русского варианта.

Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) *Введение*

2) *Материалы и методы*

3) *Результаты исследования*

4) *Заключение*

В список источников *не включаются* словари, энциклопедии, многотомные издания, нормативные документы, авторефераты и диссертации, учебные и учебно-методические

пособия, художественная литература, тезисы и материалы локальных конференций, сборники документов и материалов, газетно-журнальные публикации, архивные материалы и др., не представленные в сети Интернет в свободном доступе.

Публикация статей бесплатная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Внутритекстовые ссылки

При наличии нумерованного списка литературы внутри текста помещают отсылку к списку.

Отсылку, содержащую порядковый номер издания, на которое ссылаются, приводят в квадратных скобках. Пример: «Интересный обзор зарубежной практики модернизации производства содержится в монографии И. И. Русинова» [34].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер издания в списке и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [12, с. 94].

Если ссылку приводят на многотомный документ в целом, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т. п.): [3, т. 3, с. 170].

Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяются знаком «точка с запятой [;]» [10, с. 56; 23, с. 45—46].

ССЫЛКИ НА АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹ ГАСИ ЧР. Р-3211. Оп. 1. Д. 192. Л. (или С.) 23 — 25.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. (или С.) 18 — 20.

Список источников составляется **в алфавитном порядке!**

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки. Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языках («REFERENCES»).

10. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора, тел. автора.

Образец: Формат цитирования: Иванов И. И. О чувашских коллекциях профессора П. П. Петрова в Российском этнографическом музее // Современная гуманитаристика / Modern humanities. 2025. Т. 1. № 1. С. 126 — 141.

Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

11. Статьи, не соответствующие п. 4 — 10, не рассматриваются.

12. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

13. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

14. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Более подробно с требованиями к статьям и образцом статьи можно ознакомиться на сайте ЧГИГН: <https://chgign.ru>

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА /
MODERN HUMANITIES / ХАЛЬХИ ГУМАНИТАРИСТИКА

2025
Том 1. № 4

Редактор *Е. П. Семенова*
Технический редактор *Н. Г. Герасимова*
Верстка *Э. В. Кирилловой*

16+

Подписано в печать 01.12.2025.
Выход в свет 25.12.2025. Печать оперативная.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 12,67. Уч.-изд. л. 12,35. Тираж 80 экз. Заказ № 266.
Цена свободная.

Учредитель:

БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики,
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005,
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005, e-mail: sovrem_human@rambler.ru,
web: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в типографии «Новое Время»
428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1

ISSN 3034-6827

9 773034 682009 >